

№ 8

2010

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **Ю. Д. ПОМИНОВ**
(г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ**
(г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА**
(г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы), **В. Г. ШЕСТЕРИКОВ**
(г. Петропавловск).

В номере:

Проза

М. Розен. Боящиеся темноты. *Повесть (окончание)* **3**
А. Олексюк. Земные пути. *Рассказ* **39**

Поэзия

В. Семерьянов. «И к небу музыка плыла...». *Стихи* **28**
А. Болобонкин. Лихолетье девяностых. *Стихи* **45**

К 65-летию Великой Победы

С. Жагипаров. Трудовая династия Зенченко **52**

Публицистика

В. Гундарев. «Феномен Назарбаева», или
Служение народу, Отечеству, миру **64**

Наш общий дом

М. Гольдберг. Ковыльная баллада Рихарда Кремера 70

Документальная проза

В. Владимиров. По уставу быть самим собой 86

Г. Лунёв. Дочь Арала. *Повесть (окончание)* 105

Наследие

Л. Козлова. Ничто не трудно для любящего сердца 123

А. Цветаева. О моих сказках; Черепаха;

Лесной учёный; Сказка про девочек-великанов 125

С. Айдинян. Послесловие 138

Критика и литературоведение

В. Бреев. Символ добра и справедливости 140

Искусство

С. Беккулова. Уроки Чести и Ума 147

Приключения. Детектив. Фантастика

Н. Шмигалёв. Не от мира сего. *Повесть-пародия.*

Часть вторая. С того света 153

Сатира и юмор

М. Кулатаев. Учения; Татур; Сваты. *Рассказы* 182

Изоальбом «Нивы»: из работ Павла Зальцмана. На первой странице обложки — «Венерочка»; на четвёртой — «Светлые мысли».

Маргарита РОЗЕН

Боящиеся темноты

Повесть

(Окончание. Начало в № № 6, 7 за 2010 год)

... Алиса проснулась, когда мама потрясла её за плечо. Какой ужас! На компьютерном столике стояла пустая бутылка из-под вина, тут же — стакан и остатки колбасы. В Алисиных глазах метнулся мгновенный испуг.

— Что всё это значит? — спросила мама, скорей устало, нежели строго.

Ответить Алисе было нечего, и она промолчала.

— Ты понимаешь — чем такое может кончиться?

Мамин голос звучал горестно, а не гневно, и Алисины уши полыхнули стыдом. Господи, до чего докатилась! На минуту в Алисе проснулась прежняя чистая и наивная девочка, но — только на минуту. Тягостные мысли изгнали детскую наивность, Алиса дерзко посмотрела на мать.

— Я уже взрослая, ты не можешь запретить мне что-либо.

— Ах, Алиса, Алиса...

... Мама не вышла к ужину, который виноватая Алиса в спешке приготовила. Нехотя хлебная невкусный суп, Алиса думала о том, что всё в её жизни идёт кувырком, и неизвестно — наладится ли когда-нибудь. Вспомнились тёмные глаза доктора, удивлённо глянувшие на неё в магазине. Везёт же кому-то, такой мужчина...

Вечер Алиса промучилась в одиночестве. После выпитого вина чувствовала себя неважно, мерзкий привкус держался во рту и не давал забыть о сделанном. Из-под двери маминной спальни не выбивался свет, и Алиса решила, что мама уснула. Попробовала лечь и сама, но сон не шёл. Сердито толкнув кулаком показавшуюся неудобной подушку, Алиса поднялась. В одной рубашке вышла в коридор и поскреблась в мамину спальню. От бывлой дерзости не осталось и следа, Алиса чувствовала себя несчастной и никому не нужной.

Неожиданно дверь распахнулась, словно мама стояла за ней и ждала Алису.

— Можно к тебе? — робко спросила та.

— Входи.

Мама повернулась и села на постель, не снимая голубого атласного халата. Сама не зная как, Алиса очутилась на полу, у маминых ног, спрятала лицо в маминых коленях и разревелась.

— Бедная ты моя... — прошептала мама.

Эти слова подхлестнули Алису, и она, изо всех сил жалея себя, зарыдала уже в голос.

— Ничего, поплачь, легче будет, — сказала мама, — от слёз, говорят, душа успокаивается.

Приглушённый мамин голос, как тихий осенний дождь, наполнял Алису спокойной печалью, в которой уже не было места отчаянию.

— Всё пройдёт, моя девочка, вечного ничего нет. И ты ещё встретишь своё счастье, я в это верю. Только не позволяй себе сникнуть, поменьше жаль себя. Это — удел слабых и беспомощных, а ты у меня девочка сильная. Сможешь преодолеть это — дальше будет легче...

Алиса верила маме, ведь она тоже была сильной. А сильные люди не лгут. Но ведь папа тоже был сильным и — солгал. Нет, это не ложь, это — предательство, это ещё хуже. Ну и пусть. Он — слабый, а Алиса не может позволить себе быть такою. Нужно держаться. Вспомнился скандал в колледже, необходимость перевода в другой. Как это некстати!

Как это мама сказала — есть два вида людей: те, которым всё равно, что они из себя представляют, лишь бы казаться хорошими окружающим, и те, кому важно оставаться незапятнанным перед самим собой. И совсем неважно, что при этом подумают остальные. А ведь мама права, быть честной с собой гораздо трудней, чем с другими. Себя не обманешь, как бы порой этого ни хотелось. И так непросто оставаться собой в любой, даже самой тупиковой ситуации...

Наревевшись, Алиса умылась и снова легла. Она успела подумать о том, что мама была права и в этом, — от слёз полегчало, и провалилась в беспокойный, полный кошмаров сон. Она снова бежала по спутанным травам чёрного болота, а неведомое Нечто настигало её. И спасения от этого не было, Алиса уже знала — ещё шаг, другой, и она запутается в травах, покатится кубарем, и тут Нечто накроет её и случится что-то ужасное...

... Мама договорилась о переводе Алисы в торгово-экономический колледж. Это было совсем не то, о чём мечтала Алиса, но деваться некуда, надо хоть какой-то диплом получить. Алиса старательно ходила на занятия, ничего не понимая в бухгалтерском деле, пыталась что-то конспектировать, потом это ей надоело, и она махнула рукой на все эти дебет и кредиты. Теперь она отсиживала в колледже положенные три-четыре пары, не стараясь вникнуть в то, о чём вещали преподаватели, а потом поспешно бежала домой, где ждал её свободный от "1-С бухгалтерии" компьютер.

Алиса словно очнулась от тягостного сна, вечерами она сидела за компьютером, писала мелкие "флэшки", шастала по Интернету. Иногда звонил Макс, она отделивалась ничего не значащими фразами. Макс, как и всё то тревожное и нечистое, что произошло с нею, остался в прошлом, а будущее казалось Алисе слишком туманным и неопределённым, чтобы оставлять в нём место теням прошлого. Нет, кое-что из минувшего Алиса забывать не хотела. Например, арабские глаза доктора и свои переживания, связанные с ними. Конечно, она уже не строила детских планов соблазнения доктора, более того, она ничего не знала о нём, кроме имени и отчества, но ей представлялось, что то, что связано в памяти с доктором — это и есть настоящее, неподдельное. А такое Алиса уже научилась беречь.

Незаметно пролетел год, наполненный новыми заботами и хлопотами. А за ним ещё одна зима, сменившаяся ранней и буйной весной. Лето же наоборот — выдалось прохладным и сырым.

Непонятно как, но Алисе удалось сдать экзамены и защитить диплом. Она подозревала, что во всём этом кроется мамина заслуга. Альбину Иволгину хорошо знали в Павлодаре, и уж, конечно, руководство колледжа пошло ей навстречу.

Ни о какой работе бухгалтера-экономиста, как в дипломе обозначалась Алисина профессия, речь не шла, и Алиса, проявив самостоятельность, устроилась продавцом-консультантом в магазин офисной техники. Эта работа её устраивала, ведь с десяти утра до восьми вечера её окружали не сухие столбики цифр, а новые, отличные машины, которые Алиса любила так, как некоторые любят лошадей или собак. Разумеется, она знала всё о

компьютерах и могла разобраться в любой из тех машин, которые продавались в магазине. Она привязывалась к ним, как к живым существам, жалея, когда их продавали, в то же время ей более других продавцов удавались её служебные обязанности, и владелец магазина ценил Алису.

Мама вздыхала, заговаривала об университете, но Алиса легкомысленно отмахивалась. Программист из неё не вышел, экономиста тем более не получится. Только бы не случилась ещё какая-нибудь пакость, которая снова переломает устоявшийся порядок вещей.

Алиса была согласна на серую, ничем не привлекательную жизнь, только бы не было ещё хуже...

16

— Валерий Антонович, Иволгина из четвёртой палаты опять ничего не ест.

Недовольный голос сестры оторвал мальчика от размышлений. Иволгина — это она, юное создание с позолоченным весной носиком. И мальчику пора было вспомнить, что это именно он, доктор Сосновский, отвечает за здоровье пациентки.

— Температура в норме? — спросил он. — Жалуетса на что-нибудь?

— Ни на что не жалуетса, и вообще — чувствует себя нормально, но есть отказывается.

В голосе сестры явственно чувствовалось неодобрение поведения капризной пациентки. Мол, возись тут с ними...

Валерий Антонович очень хотел прямо сейчас пойти в четвёртую палату, к солнечной девочке, выбитой из колеи приступом аппендицита, но привычная самодисциплина удержала его. Ещё не хватало по уши втрескаться в несовершеннолетнюю пациентку. Мальчик уже давно чувствовал себя мужчиной, а мужчины не поступают против собственной совести.

Доктор Сосновский не побежал в четвёртую палату сию минуту, но во время обхода выговорил грустной девочке за плохой аппетит. От этого она стала ещё несчастней, и Валерий Антонович смутился. Ведь она — совсем ребёнок, может быть, впервые оторванный от родительского дома. Её бы поддержать, развеселить как-то, а он ещё и нотации читает. Дурак. Валерий Антонович обругал себя совершенно искренне, и занялся “тяжёлой” Белецкой.

Всё дежурство не шла из ума несчастная девочка из четвёртой палаты. Доктор заглянул в её историю болезни и узнал, что зовут её Алисой. Какое славное имя, Кэрролловское. Валерий Антонович был недоволен собой. В отделении хватает и более сложных случаев, о которых ему не мешало бы потревожиться, а он вместо этого думает о примитивной “чистой” аппендэктомии. Но мысли упрямо возвращались к юной пациентке. Думалось, что ребёнок чувствует себя совсем покинутым, одиноким. Наверное, Алисе очень хочется домой, вон как съёжилась, когда припугнул долгим лежанием в больнице.

Утром, перед тем как сдать дежурство, Валерий Антонович заглянул в четвёртую палату. Девочка спала, её дыхание было ровным. Зато с противоположной койки стерегуще глянула Белецкая. У женщины остались дома дети, старшему из которых исполнилось четырнадцать. Мужа нет, сколько могла, перемогалась, пока не заполучила перитонит. Тогда пришлось бросить детей на соседей, и Белецкая ещё из реанимации начала

проситься домой. Валерий Антонович грустно кивнул бессонной Белецкой и вышел из палаты.

Весна чувствовалась во всём — в щебете птиц, более оживлённом, чем зимой, в погустевших из-за набухших почек кронах деревьев и в нейлоновых коленках Зинаиды Березняковой, вновь обосновавшейся у ворот. Неожиданно для себя мальчик приветливо поздоровался с оторвой-соседкой, и она ответила ему многообещающей улыбкой. На улыбку Валерий Антонович не купился и, не вступая в разговор, захлопнул калитку.

Дома было пусто и сумрачно. Дикая мысль о том, что Алиса могла бы сделать большой старый дом светлее и уютней, мелькнула и была поспешно изгнана. Доктор не имеет права на такие мысли, тем более что ребёнку всего шестнадцать лет. Чтобы чем-то занять себя, Валерий Антонович позавтракал по-холостячки и включил телевизор. Телевизор был новый, небольшой “Панасоник”, старую “Балтику” Валерий Антонович убрал в страшную некогда кладовку. Больше в старом доме ничего не изменилось, его хозяин как-то не видел в этом необходимости. С детства привычный “аквариум”, хоть и тоскливый, зато надёжный. Иногда Валерию Антоновичу казалось, что по дому до сих пор бродят тени покойных бабушки и тёти Лили, но он ругал себя за такие нелепые фантазии.

Кстати, новый телевизор был куплен на тёти Лилины деньги. Перебиваясь постными кашами, тётка скопила почти двадцать тысяч рублей, пропавших в “павловскую” денежную реформу. Но это не остановило тётю Лилию, она успела подсобрать и тенге, которые уже не девальвировали так стремительно. Так что наследство племяннику тётя Лиля оставила приличное.

Под усыпляющее бормотание телевизора Валерий Антонович вспомнил старенькое тёткино пальто и облысевшую шубку, в которых она ходила лет двадцать, её патологическую скарედность, заставлявшую экономить на всём. Тётя Лиля думала о нём, о своём неудачном племяннике, сломавшем, по её мнению, её собственную жизнь. За эмоциональной холодностью, за вечной сварливостью обнаружилась самая настоящая самоотверженность, заставившая старую деву забыть о своих нуждах ради будущего нелюбимого племянника.

Усталость брала своё, и Валерий Антонович выключил бесполезный телевизор. Следовало хорошенько выспаться после дежурства.

Старый клён за окном снова плакал сладкими слезами. Валерий Антонович сдержал своё слово, перенёс электрические провода в другое место, и дерево больше никто не увечил. Но оно было слишком старым и израненным, чтобы не истекать по весне соком. Тяжёлые капли падали в яркую зелень едва проклюнувшихся ромашек, посаженных тётей Лилей, и, казалось, что они именно поэтому разрослись так густо.

Вчера Валерий Антонович пережил нечто необъяснимое, при воспоминании о котором жаркая волна подкатывала к горлу. Во время обхода рука Алисы Иволгиной вынырнула из-под одеяла и быстрым движением прикоснулась к колену доктора. Нежная ручка мгновенно исчезла в складках постельного белья, а доктор Сосновский посмотрел в широко открытые глаза девочки, отметил румянец возбуждения на её по-детски пухлых щеках и понял, что не ошибся. Это движение не было случайным.

Доктору удалось скрыть своё смятение, он быстро перешёл к кровати Белецкой, но что творилось в его душе! Валерий Антонович не осмелился бы назвать это любовью, но влюблённостью — очень возможно. Напрасно

он страшал себя врачебной этикой и элементарной порядочностью, широко открытые девичьи глаза, в которых читалась нескрываемая страсть, не оставляли его. От этого доктору Сосновскому было трудно сосредоточиться, он злился на себя, обзывал себя дураком и олухом царя небесного, но это мало помогало. Одно обстоятельство успокаивало и огорчало одновременно — ещё одно дежурство, и Алису следует выписывать. Девочка совершенно оправилась после операции. На этом и кончится вся дурацкая влюблённость Валерия Антоновича, и слава Богу. Иначе — хоть из больницы беги.

Валерий Антонович занимался обыденными делами, пытался читать, включал телевизор, и всё время ловил себя на том, что губы разбегаются в нелепой счастливой улыбке. Идиот, с чего такое счастье-то?

Доктор Сосновский знал, каким бывает счастье, испытал его в полной мере. Знал и горе во всей его безысходности. Он невольно сравнивал происходящее с ним сейчас с тем, что было с Леной. Всё было так, и не так. Тогда между ним и его любовью не стояли препятствия, он был просто безоглядно счастлив. Сейчас испытываемые им чувства казались ему “неправильными”, запретными, а оттого ещё более притягательными. Валерий Антонович боролся с собой, знал, что слабости не поддастся, но, Боже мой, как же хотелось уступить этой преступной любви!

“Завтра я должен её выписать” — с этой мыслью Валерий Антонович пришёл на очередное дежурство. Мысль одновременно тяготила и приносила облегчение. Не будет в больнице Алисы, он уж как-нибудь смирится с этим. Потом всё забудется, время — лучший лекарь сердечных недугов. Привычная темнота, готовая обступить доктора Сосновского с уходом Алисы, уже не пугала, она казалась убежищем. От кого? Да от самого себя, от своей “весенней хвори”. Вернётся обычная, рутинная и спокойная жизнь, не нарушаемая всплесками подавляемых эмоций. Но — какую же тоскливой показалась она теперь Валерию Антоновичу! И темнота в очередной раз ужаснула, но не так, как в детстве, тем, что в ней скрывается Нечто, а наоборот, тем, что в ней ничего нет. И мальчик, всегда живший в Валерии Антоновиче, почувствовал себя очень несчастным...

Занятый думами о своём неуместном увлечении, доктор Сосновский с трудом заставлял себя сосредоточиться на работе. Влюблённый хирург — это преступно. Это Валерий Антонович твердил себе по несколько раз в час. Он старательно избегал четвёртой палаты и её пациенток, старался думать о другом. Но то ли весна так действовала, то ли настало время для этого, мысли возвращались к золотистой Алисе Иволгиной. Лукавая ручка, коснувшаяся колена доктора, огромные, почти испуганные собственной смелостью глаза... Это было совсем не то, что безотказная Люся или нагловатая Зина Березнякова. Это была Алиса, и этим всё сказано. И что теперь ему делать с этим?

Хуже всего стало вечером. Сознывая то, что он больше не увидит Алису, Валерий Антонович впал в хандру. Как нарочно, вечер был относительно спокойный — ни экстренных больных, ни несчастных случаев. Доктор Сосновский сидел за бумагами, готовя документы к выписке, и злился сам на себя. Это же надо — за неделю голову потерять! В сердцах он отчитал заглянувшую “на огонёк” Люсю, та обиженно фыркнула и исчезла за дверью ординаторской. Потом привезли пустяковый перелом, Валерий Антонович даже не стал оставлять больного в стационаре, ограничившись гипсом.

Возвращаясь из приёмного покоя, куда он проводил пациента с родственниками, доктор Сосновский прошёл мимо четвёртой палаты и

остановился, услышав мучительный стон. Белецкая? Валерий Антонович вернулся. Стонала вовсе не Белецкая, тихо, полузадушенно плакала во сне Алиса. Ночной кошмар, это бывает. Свет коридорного ночника мертвящей голубизной падал на подушку, по которой разметались кудрявые тёмные волосы девочки. Она вновь замотала головой и всхлипнула. Валерий Антонович тронул Алису за плечо. Её глаза мгновенно распахнулись, доктор едва не отпрянул от этого взгляда. Дышала Алиса учащённо, будто только что бежала. Пробормотав что-то о страшных снах, доктор взял руку девочки, намереваясь определить пульс, но эта рука неожиданно вывернулась из докторовых пальцев и скользнула в широкий рукав хирургической куртки. Тонкие пальчики ласково прошли по внутренней стороне локтевого сгиба, и горячая волна возбуждения накрыла Валерия Антоновича.

— Вы... ты отдаёшь себе отчёт? — спросил он шёпотом.

Алиса замотала головой, точно так же, как минуту назад. Плохо соображая, что делает, Валерий Антонович склонился над девочкой, его враз пересохшие губы коснулись её лица...

За спиной громко закашлялась, завопилась на кровати Белецкая, и доктор Сосновский испуганно отпрянул от Алисы. Нервным голосом произнёс:

— Скажу сестре, чтобы дала вам успокоительное.

Почти бегом он выскочил из палаты и долго старался унять колотящееся сердце. "Мне бы самому успокоительное не помешало", — горько подумал Валерий Антонович...

17

Работа стала привычной для Алисы, и эта спокойная рутина заменила ей детские мечты о призвании. Алиса развелась с Максом, вернула себе девичью фамилию. Мама не уговаривала Алису повременить, подумать, решила, что дочери видней. Тем более что она больше не замечала за Алисой эксцентричных выходов, вроде распивания дешёвого вина в своей комнате. Работа, дом, снова работа. Обыденность примирила Алису с жизнью, она уже не испытывала такой острой боли при воспоминании об отце и своём неудавшемся материнстве. Мама была права, всё проходит. Оставалось только грустное желание любви, но оно было слабым, и Алиса научилась не обращать на него внимания. Тем более что всей любви у неё было — лёгкое прикосновение губ темноглазого доктора к её щеке. Всё остальное Алиса любовью не считала, её сексуальный опыт походил на любовь столько же, сколько механический арифмометр на "Пентиум-четыре".

В восемнадцать лет трудно жить только воспоминаниями о несмелом поцелуе, но, напуганная неудачным браком, Алиса гнала от себя молодых людей, пытавшихся ухаживать за ней. Она не была уродкой, кое-кто даже считал её очаровательной, в том числе и владелец магазина, в котором работала Алиса. Но его, тучного пятидесятилетнего дяденьку, к вящему спокойствию Алисы крепко держала в руках жена, здоровенная бабища, периодически инспектировавшая благоверного на рабочем месте. Поэтому сластолюбивому "хозяину" приходилось держать дистанцию.

Ровесники, легкомысленные парни, озабоченные природной потребностью продолжения рода, Алису вообще не интересовали. Хватит с неё сексуальных экспериментов. Иногда она мечтала выйти замуж за пожилого мужчину, не нуждавшегося в физиологической близости. Только где же такого найдёшь?

Мама вздыхала:

— Не успеешь оглянуться, годы пройдут. Так старой девкой и останешься.

— Ну насчёт старой девки, это ты напрасно, я ведь разведённая, — отшучивалась Алиса.

В канун Нового года пришёл отец. Алиса глянула на него исподлобья и скрылась в своей комнате. Уже там дала волю чувствам. Отец сильно изменился — постарел, похудел. Отпущенная зачем-то борода казалась досадным недоразумением. И ещё — глаза его утратили прежнюю уверенность, они теперь пугливо перебегали с одного предмета на другой, словно отец боялся чего-то. Алиса жалела отца, но простить не могла. Исчезло что-то очень важное, связывающее её с отцом, и вернуть это не представлялось возможным.

Мама поила отца чаем на кухне, но Алиса чувствовала её внутреннее напряжение. Отец был неотъемлемой частью прошлого, а Иволгины не любили, когда прошлое возвращается. Тем более что в Алисином прошлом было и такое, что очень хотелось забыть.

Отец немного поговорил с мамой и снова ушёл, а мать и дочь весь вечер угрюмо просидели в своих комнатах. Потом наступила предпраздничная суета, и приход отца как-то поблёк, стушевался в ней. Алиса бегала по магазинам в поисках достойного подарка для мамы, а мама бесконечно заседала на каких-то итоговых совещаниях. Приходила она поздно, уставшая и грустная, и Алиса всё пыталась её развеселить. Удавалось это плохо, потому что после ужина мама удалялась в спальню и долго сидела там за ноутбуком, выигранном ею на каком-то конкурсе.

Мама очень много работала, и Алисе казалось, что она не выдержит такого темпа. Теперь Алису больше всего пугала возможная болезнь мамы, ведь тогда она, Алиса, останется совсем одна. Думать о том, чем её сверстницы скрашивают одиночество, Алисе не хотелось.

Потихоньку она снова начала читать. Книги не требовали от неё ничего, не пытались учить жизни, и они вполне могли быть хорошими друзьями. Неожиданно для себя Алиса поняла, что совсем иначе воспринимает книги, прочитанные ею давным-давно. Наверное, так и должно быть — с возрастом меняются пристрастия, суждения, взгляды. Почему бы не измениться и восприятию книг?

Перечитывая “Войну и мир”, Алиса уже не пролистывала описания природы и батальные сцены, теперь роман представлялся ей органичным и целостным, и было жаль упустить что-то, не замеченное раньше по детскому легкомыслию. А романтическая “Королева Марго”, героиней которой Алиса любила себя представлять года три назад, показалась чем-то давно знакомым и уже ненужным. Перечитывать “Королеву” Алиса не стала.

Однажды мама принесла с работы книжку Акунина, Алиса лениво перелистала страницы дешёвого издания в бумажной обложке, поймала глазами какую-то фразу на архаичном русском языке и — пропала. Теперь она шла с работы, непременно заходя во все гастрономы, в которых имелись книжные лотки, а в выходной шла в “Букинист”. Она собрала почти всё, что написал Борис Акунин. С чем-то Алиса не соглашалась, что-то казалось ей притянутым за уши, но волшебный русский язык зачаровывал, и Алиса наслаждалась чтением как хорошей музыкой или солнечным теплом после долгой зимы.

Павлодар — городок небольшой. В “Букинисте” Алиса в третий раз в своей жизни встретила темноглазого доктора. Теперь ей нечего было стыдиться, и она приветливо поздоровалась с Валерием Антоновичем. Он удивлённо ответил на приветствие и поставил на место томик, который держал в руках. Как-то робко спросил — как дела у Алисы, как здоровье. Алиса ответила, что всё нормально. Не рассказывать же малознакомому человеку обо всём, что произошло с нею за эти полтора года.

Доктор потёр переносицу, словно только что снял очки, и растерянно улыбнулся. Алиса вспомнила — улыбка у него хорошая, немного мальчишечья. А тёмные “арабские” глаза оказались просто карими.

Выходя из магазина, Алиса протянула доктору руку, и он осторожно пожал её. Показалось Алисе или Валерий Антонович действительно хотел задержать её ладошку в своей руке?

18

Доктору Сосновскому оказалось не так просто пережить своё странное увлечение. После выписки Алисы больница враз опустела, стала обыкновенным казённым учреждением, насквозь пропитавшимся запахом лекарств и человеческих страданий. И, если прежде Валерий Антонович шёл на работу с тайной надеждой увидеть её, необыкновенную, солнечную девочку, то теперь надежды не было.

“Собаку завести, что ли?” — думал Валерий Антонович, возвращаясь в свой пустой дом.

А на улице вовсю бушевала весна. Кипенно-белыми стояли яблоньки-дички, и яблонева метель заносила квартал частных домов, в котором жил Валерий Антонович. 2002 год одарил Павлодар благоуханной, как никогда, весной, и этим сладким воздухом было не надышаться.

Во дворе у Березняковых снова klokотал скандал, соседка, Валентина Березнякова, на чём свет стоит поносила непутёвую племянницу. Зинка визгливым голоском, срывавшимся на истерику, отвечала в том же духе. При этом женщины не особенно стеснялись в выражениях. Валерий Антонович подумал о том, что Зинке, наверное, непросто живётся у родственников, Валентина Березнякова была известна своим сварливым характером. Не оттого ли девчонка большую часть свободного времени проводит вне дома? Во всяком случае, именно это тётка ставила ей в вину.

Валерий Антонович только что вернулся с набережной Иртыша, куда ходил предаваться любимому занятию — смотреть на беспокойные воды реки. Под лёгкий плеск волн так хорошо мечталось о том, какую могла бы стать жизнь, окажись Алиса года на три постарше. Валерий Антонович выписал из истории болезни Алисин адрес, был там и телефон, но эти сведения так и остались простым напоминанием о болезненной и бесперспективной влюблённости доктора. Он не решился позвонить Алисе. Позвонить и — что сказать? Без предисловий признаться в любви? Кому, шестнадцатилетней девочке, которая, наверное, ещё в куклы играет? Валерий Антонович считал, что не имеет никакого права на своё появление в жизни Алисы. Он недоумевал — как могло случиться, что он, взрослый мужчина, за какую-то неделю так привязался к ребёнку.

В сущности, Валерий Антонович ничего не знал об Алисе, и тем невероятней казалась ему эта привязанность. Просто мистика какая-то...

Чтобы не слышать соседского скандала, доктор Сосновский закрыл окно. Попытался читать, но мысли путались, смысл прочитанного

постигался с трудом. Отложив книгу, Валерий Антонович устался в окно, за которым уже синели майские сумерки. Соседи, кажется, поутихли, и он снова открыл раму, впуская в комнату чуть горячий дымком свежий воздух. Горожане приводили в порядок огороды, сеяли свои витаминные грядки, и горьковатый дымок сжигаемой прошлогодней ботвы каждую весну окутывал околоток. Это было столь же привычно, как и цветение яблонь. После смерти тётки Лили Валерий Антонович забросил огород, отчасти из-за недостатка свободного времени, отчасти просто не имея в нём нужды. Небольшой садик, посаженный покойной тёткой, дичал и густел бурьяном, но Валерий Антонович не замечал этого. Теперь ему почему-то подумалось, что было бы неплохо покопаться в пахучей весенней земле, посеять хоть морковку какую-нибудь, что ли.

Идея так и осталась нереализованной, потому что в соседском дворе опять взметнулся женский крик. На этот раз он не был гневным, женщина просто визжала от ужаса. Валерий Антонович выскочил на улицу, заколотил кулаком в соседскую калитку. Она оказалась незапертой и распахнулась под его ударами. У двери дровяного сарая, царапая себе лицо, кричала не своим голосом Валентина Березнякова, на невысоком крыльце застыл нелепым изваянием сам Анатолий Березняков в пузырящихся на коленях трико и синей майке.

— Что случилось? — спросил Валерий Антонович.

— Там!.. Там!! — истуканно выкрикивала Валентина, слабо взмахивая рукой куда-то внутрь сарая.

И Валерий Антонович бросился туда. В грубой верёвочной петле хрипела Зинка, её ноги судорожно подёргивались в дециметре от пола. Доктор Сосновский мгновенно оценил ситуацию, подхватил девочку снизу и приподнял её нетяжёлое тело над собой.

— Нож! — крикнул он бессмысленно перебиравшей ногами Валентине, но та только завопила ещё громче и с места не сдвинулась.

Валерий Антонович, может быть, впервые в жизни непристойно выругался вслух. Тут подоспел обычно неуклюжий и медлительный Березняков с невесть откуда взявшимся ножом и, взобравшись на колоду для дров, перерезал толстую конопляную верёвку. Тело Зинки, судорожно закаменевшее в объятиях Валерия Антоновича, обмякло, и Зинка повалилась на его плечо.

— Что ж вы делаете-то, сволочи?! — рявкнул доктор, разрывая тесный воротник Зинкиной кофточки.

Пульс на сонной артерии ещё прощупывался, и Валерий Антонович обеспокоенно ощупал Зинкину шею. Кажется, позвонки на месте, грубая петля не успела свернуть девочке шею.

— Освободите место — положить её, — приказал доктор Сосновский и поднял Зинку на руки.

Березняков оборвал вопли благоверной увесистой пощёчиной и прошёл вперёд, указывая Валерию Антоновичу путь.

Дом Березняковых встретил доктора затхлым запахом давно не проветриваемого помещения. Вслед за хозяином Валерий Антонович прошёл в тесную боковушку и положил бесчувственную Зинку на узкий диванчик. Судя по припиленным к стене картинкам, этот диванчик служил Зинке кроватью. Валерий Антонович резко раздвинул тяжёлые плюшевые шторы, пропитанные многолетней пылью, попытался открыть окно. Двойные

рамы здесь, похоже, со дня постройки не вынимали. В свете голой лампочки под потолком доктор Березняков увидел, как густая синюшность покидает Зинкино лицо, и немного успокоился. Девчонка несколько раз со взхлипом вздохнула и задышала, с хрипотцой, но — ровно.

— Вызывайте “скорую”, — не глядя на соседей, распорядился Валерий Антонович.

Березняков нерешительно кашлянул, потом попросил:

— Валера, может, не надо “скорую”-то? Дышит же.

— Довели девчонку до петли, а теперь “не надо “скорую”? — зло спросил Валерий Антонович.

— Милиция замешается, посадят Валентину-то, — робко сказал Березняков, — лучше уж я сам её поучу.

— Всё равно Зинаиду нужно хорошенько осмотреть. Неизвестно — чем обернётся её глупость.

— Так, может быть, ты сам?..

Валерий Антонович обречённо покрутил головой. Вот уж идиоты!

Спустя четверть часа Зинка пришла в себя. Посмотрела на Валерия Антоновича и, морщась от боли, отвернула голову. Вокруг суетилась опомнившаяся Валентина, бестолково пыталась помочь Валерию Антоновичу.

— Раньше надо было суетиться, — утомил он тётку, — ваше счастье, что она взяла такую толстую верёвку.

— Дак, налыга коровья... — извиняющимся тоном сказал Березняков.

Налыгой в деревнях называли верёвку, которую набрасывают корове на рога, чтобы вести куда-нибудь. Это Валерий Антонович знал.

— Выйдите оба, мне нужно поговорить с Зинаидой.

Валентина сторожко взглянула на племянницу и первой вышла из комнаты, за ней последовал и её муж. Валерий Антонович закрыл за ними дверь и подвинул стул к дивану.

— Что случилось, Зина?

— Достала... Не хочу больше жить... — хрипло прошептала Зинка.

— Ну, это ты зря. Жизнь, она, знаешь ли, бывает чертовски хороша, — сказал Валерий Антонович и вспомнил свою собственную ситуацию, которая отнюдь не казалась ему столь уж хорошей.

— Всё мама — “езжай к дяде Толе, езжай к дяде Толе”... Лучше бы в общаге жила.

— Долго ли тебе ещё учиться? — поинтересовался Валерий Антонович.

— Последний год.

— А в общежитие можешь устроиться?

— Нету у нас общаги. В первый год была, а потом под торговый дом переделали.

— Да уж, ситуэйшн.

Доктор Сосновский задумался. Березняковых можно хорошенько припугнуть уголовной ответственностью, до весны они продержатся. А потом что делать?

— Тебе сколько лет?

— Восемнадцать. А что?

— Ничего, так.

Ему казалось, что Зинка старше. А она всего на два года взрослей Алисы, тоже ещё ребёнок.

— За что Валентина на тебя взъелась?

- Не шибко её слушаю.
- Она всегда так?
- Да, с первого дня, как я у них живу.
- А Анатолий?
- Дядя Толя — ничего, только он в наши свары не вмешивается.

Зинаида вдруг заметила разорванную кофточку и собрала её края рукой. Диковато глянула на Валерия Антоновича. Смущение девчонки передалося и доктору. Неважно, что он по роду деятельности видел и более откровенную наготу, ситуация была не та.

— Вот что, Зина, — сказал он, — я твоих родственников припугну, они не будут к тебе цепляться, а ты — не глупи, доучивайся. Умереть всегда успеешь, наживись ещё.

Зинка покраснела и отвела взгляд. Валерий Антонович отчего-то виновато вздохнул и добавил:

— Завтра с утра приходи в нашу поликлинику, надо снимок сделать, мало ли что ты могла со своей шеей натворить.

— Угу.

И доктор Сосновский пошёл разбираться с Березняковыми...

19

Лето 2004 года было жарким, но в магазине работали кондиционеры, и на работе Алиса отдыхала от изнуряющей жары. Зато дома было невмоготу, стоило выйти из душа, как мокрые волосы мгновенно высыхали, кожа становилась липкой и неприятной. По несколько раз за вечер Алиса бежала под душ. Это ничего, что горячей воды нет, она сейчас и не нужна.

Мама улетела в Астану на очередной семинар, и Алиса осталась одна. Такого одиночества она не боялась, давно привыкла к маминым командировкам. Поленившись готовить для себя одной, она ограничилась бутербродами и кофе. Посидела немного за компьютером. Машина “глючила” от жары, и Алиса пожалела чувствительную электронику. Пробовала читать, но ничего нового не было, а старое уже читано-перечитано. В какой-то момент Алисе показалось, что вечерний свет за окном совсем померк, но это длилось долю секунды, потом на стене гостиной снова появился привычный розоватый прямоугольник закатного солнца, льющегося в окно. Алиса решила, что это от жары. Если уж электроника сбоят, чего же ожидать от биологического организма?

И всё-таки ощущение необычности вечера осталось. В чём именно оно заключалось — Алиса не знала, но, как многие женщины, она привыкла доверять своей интуиции. Однако время шло, и ничего необычного не случалось. Орал телевизор у глуховатого соседа Василия Степановича, во дворе гомонили дети, изредка кто-нибудь из мамаш спохватывался, и с балкона неслось:

— Саша, домой!

Или это была Наташа, или Боря, мало ли как зовут чужих детей. Ни с того ни с сего Алиса вспомнила о собственном нерождённом ребёнке. Жалела ли она о нём? Пожалуй, нет. Просто было не слишком весело.

За такими грустными размышлениями её и застал телефонный звонок. Алиса взяла трубку. На том конце провода молчали. Это показалось Алисе тревожным, и она испуганно дала отбой. Второй звонок застал её уже в постели. Алиса протянула руку и взяла миниатюрную трубку параллельного

телефона, установленного в её комнате. На этот раз звонивший молчать не стал.

— Здравствуйте, Алиса, — раздалось в трубке.

Голос показался ей странно знакомым, вот только чьим? На том конце провода представились:

— Доктор Сосновский. Помните?

Конечно, она помнила. И больницу, и свою глупую попытку соблазнения доктора, и гастроном, в котором Валерий Антонович видел её с бутылкой вина, и “Букинист”, в котором он, высокий, обаятельный, смотрел ей в глаза чуточку грустными карими глазами. Что-то сжалось внутри Алисы, и трудный комочек покатился к горлу. Вот ещё! Не хватало разреваться в телефонную трубку. Алиса взяла себя в руки.

— Чем обязана?

Из-за сдерживаемого волнения фраза прозвучала слишком сухо и официально, и доктор почувствовал это.

— Я не вовремя? — обеспокоенно спросил он.

— Нет, что вы...

— Извините, что так поздно. Видите ли, я не представляю свою жизнь без вас. Такие дела...

Это было похоже на шок. Алиса непременно села бы, если бы не лежала. Расценив её молчание по-своему, Валерий Антонович заторопился:

— Извините, это, конечно, наглость с моей стороны. Спокойной ночи.

В трубке давно уже звучали короткие гудки, а Алиса всё ещё держала её около уха. Потом опомнилась и с преувеличенной аккуратностью положила её на рычажок. Вот как — он не представляет себе жизнь без неё? А где же он был раньше? Почему не нашёл её, не позвонил, не пришёл? Теперь, когда она совсем одна и нет необходимости скрывать свои чувства, Алиса разревелась. Она рыдала самозабвенно, выплакивая все свои обиды на искореженную жизнь, оплакивая свою несбывшуюся любовь и ребёнка, которого она могла родить этому, слишком нерешительному человеку, лучше которого нет никого...

... Утро наступило не менее жаркое, чем прошедший день. Алиса проснулась совершенно измученной и вяло начала собираться на работу. Вспомнился вчерашний звонок. Долго же Валерий Антонович тянул с признанием. И что теперь? У него ведь наверняка есть семья. Значит — адюльтер? Ну и пусть. Алиса уже не боялась ничего. Просто плавное течение её скучной жизни нарушено ещё одним событием, на этот раз волнующего свойства. У Алисы и в мыслях не было — отказать Валерию Антоновичу в близости, более того, она поняла, что подсознательно ждала этого с первой минуты знакомства с ним. Но — как себя вести, о чём говорить с ним? Ведь она совсем не знает его! Где-то далеко, в таинственных глубинах вселенной пересеклись две линии судьбы, и Алиса, вопреки логике и здравому смыслу, влюбилась в темноглазого доктора. Это чувство было просто мистически необъяснимым, но от этого не становилось слабее. То же самое произошло и с ним. Но, если Алиса женским чутьём догадывалась о непреложности происходящего, то Валерий Антонович пытался противостоять судьбе. Не устоял.

Алиса весь день думала о Сосновском, а вечером, волнуясь, ждала звонка. Только волнения оказались напрасными, Валерий Антонович так и не позвонил...

20

У Зинаиды всё оказалось в порядке, пострадал только эпидермис. Грубая верёвка ободрала нежную девичью кожу, и Зина прятала болезненную полосу под развесёлым крепдешиновым шарфиком в белый горошек. Она по-собачьи смотрела на Валерия Антоновича, и он вспомнил её бдения у ворот. Выходит, ждала она именно его, а он, основываясь на воплях скандальной Валентины, считал девушку едва ли не гулящей. Доктору Сосновскому стало неловко, словно Зинаида могла прочесть его мысли.

— Ты это... Зина, в больницу можешь не ходить, я сам к тебе загляну на днях.

Он чувствовал себя виноватым неведомо в чём. Зина кивнула и тихо вышла из ординаторской. Вместо поликлиники она заявила прямо в хирургическое отделение и там разыскала Валерия Антоновича, чтобы показать ему рентгеновские снимки шейных позвонков.

Каряя преданность девичьего взгляда, плеснувшаяся на доктора Сосновского, не оставляла его весь день, и от этого Валерию Антоновичу делалось неловко, словно заглянул в потаённый уголок чужой души. Неловкость вызывала чувство вины, и доктор поймал себя на том, что с опаской думает о возвращении домой, о новой встрече с Зинаидой. Но после обеда привезли тяжёлого больного с запущенной опухолью кишечника, и Валерий Антонович выбросил из головы романтическую дурь.

Дед лежал на узкой больничной койке, и заострившиеся черты землистого лица говорили опытному глазу врача о далеко зашедшем процессе разрушения. Валерий Антонович уже ознакомился с данными обследования и знал, что о спасении речь уже не идёт, хорошо, если удастся сделать последние дни старика менее мучительными. Доктор Сосновский не впервые попадал в подобные ситуации, и собственное бессилие перед смертью ужасало его. До девичьих ли глаз тут?

— Сынок, я умру? — прошелестел сухими губами больной.

— Все там будем, отец, — нарочито грубовато ответил Валерий Антонович.

Он не стал мять вздувшийся живот старика, к чему причинять лишнюю боль? Подержал в пальцах иссохшее запястье, уловил тонкую ниточку беспокойного пульса, кивнул больному. Простые действия обычно успокаивают пациентов, отдалляют страх смерти и боль физических страданий, но старик исподлобья глянул на Валерия Антоновича осуждающе:

— Не надо со мной миндальничать, я под Курском в палаточном госпитале с распоротым брюхом лежал...

Валерий Антонович смутился. Фальшивый оптимизм абсолютно неуместен, но не скажешь ведь человеку, что он обречён.

— Будем стараться, отец...

Распорядившись готовить больного к экстренной операции, Валерий Антонович вышел на больничный балкон и закурил сигарету. Курить он начал недавно, всё убеждал себя в том, что в любой момент может бросить, да как-то втянулся.

Внизу, дробно постукивая каблучками, спешила девушка в серой летней куртке, выющиеся волосы разметались по плечам. Девушка напомнила Сосновскому Алису Иволгину, а вот о ней сейчас думать не следовало. Раздражённо потушив сигарету, Валерий Антонович вернулся к своим невесёлым обязанностям.

Дед пережил операцию, и на душе у Валерия Антоновича отлегло. Самое страшное для хирурга — смерть больного на операционном столе. Перед окончанием дежурства Сосновский позвонил в реанимацию, узнал, что старик дышит и что продержится ещё какое-то время. Валерий Антонович вспомнил исполосованный старыми, времён войны, рубцами живот старика и поразился его живучести — это же надо столько лет прожить с изрешечённым кишечником.

Уже свернув на свою улицу, доктор Сосновский вспомнил о Зинаиде. К счастью, у соседских ворот её не было, и Валерий Антонович воровато шмыгнул в свою калитку...

... Майская гроза дождём стучала в высокие окна старого дома, всполохи молний окрашивали комнату дрожащим сиянием. Валерий Антонович проснулся, словно от толчка. Сидел на кровати, курил, смотрел в мокрое окно. Изувеченный клён качал корявыми ветками, содрогался от грома, и Валерий Антонович в очередной раз подумал о судьбе старого дерева. Не такова ли и человеческая жизнь? Стремление к свету, к солнцу — весьма строго ограничивается, не ограничена лишь тьма. Её — достаточно в судьбе любого. И всё равно, тянется жизнь к свету, несмотря ни на что, рвётся к солнцу, преодолевая страх темноты, боль потерь и одиночества. Или есть человек, ни разу не испытывший этого на себе?

Доктор Сосновский думал обо всём сразу, о прооперированном старике, выжившем в тяжелой войне и теперь тихо уходящем в казённом неуютной реанимационной палаты, о несчастной Зине Березняковой, едва не сломленной ханжеской кабалой и бесчувствием родственников, и — о нежной, как подснежник, девочке с красивым именем Алиса. Валерий Антонович вздыхал, чертыхался шёпотом, пил на кухне отдающую металлом воду. Его тяготило собственное прошлое, бабушка, замкнутая в персональный аквариум, крикливая тётя Лиля, жертвовавшая ради племянника собственной судьбой, экономившая даже на своём здоровье, Лена, ярким метеоритом мелькнувшая в его пустынных небесах... Могло ли всё быть иначе? Наверное, но сложилось так, как сложилось. И вот он, доктор Сосновский, тридцати двух лет, вдовец, образование высшее, сидит на кухонном табурете в трусах и майке и думает о том, что никому он такой одичалый не нужен, ни одной живой душе. Не безотказную же Люсю считать нуждающейся в докторовом обществе. Разве что бедняге Зинаиде нужен, да и той, скорей, не он сам, а возможность освобождения от сварливой тётки приглянулась. А милая Алиса Иволгина... Что ж, у девочки свой путь, и грешно было бы вломиться в её благополучие своей изломанной неустроенностью. Валерий Антонович сокрушённо покрутил головой и пошёл в спальню. Чёрт-те на какие мысли наводит яростная майская гроза. Проще жить надо, без достоевщины. Жениться на Зине, наплодить детей, нахватать полставок, так чтобы и вздохнуть времени не оставалось. Тогда и не будет дурацких раздумий. Тоже ещё, философ выискался...

Валерий Антонович мрачно взглянул в мокрое окно, в котором качались обрубки старого клёна, и приказал себе спать, чтобы не забивать голову ерундой. Но это не удалось, думы не оставляли доктора. И он до утра проворочался на жёсткой кровати с плоской, ещё детской подушкой. И только когда кончилась гроза и посветлело небо за окном, Валерия Антоновича сморил недолгий сон, больше похожий на кратковременную дрему в ординаторской в ночное дежурство...

21

... Екатерина Сидоровна сердито заворочалась в постели. Вот, теперь музыку включили. Эти сумасшедшие Иволгины с шестого этажа никогда не были идеальными соседями, вечно у них что-нибудь не так. И девчонка-то, Алиска, не лучше родителей. Пока маленькой была, так куколка куколкой, а выросла в такую стерву. Шестнадцати лет выскочила замуж, собралась рожать. Потом от ребёнка избавилась, да и мужа побоку. А мужик-то славный — при машине, при хорошей работе. Да и лицом вышел, и статью. Вот Таньке бы такого, а то всё с шаромыгами вожжается.

Екатерина Сидоровна вздохнула по непутёвой дочке. В тридцать восемь лет Танька так и оставалась незамужней, зато успела родить двоих ребят. Танька меняла сожителей, всё искала своё счастье, а сожители попадались как на подбор — пьяницы да лодыри. Внуков Екатерина Сидоровна не любила, называла байстрюками, и не особенно привечала. Ни в чём-то ей не везёт, даже внуки, и те не как у людей. А у этих Иволгиных — какая благополучная была семья. Ходили по двору, задрав нос, особенно эта чистюля и гордячка Альбина. А когда мужик сбежал к другой бабе, так быстро скисла. Злорадная мысль немного подняла настроение Екатерине Сидоровне. Вот так-то с ними, чистенькими. А тут ещё девка пузо нагуляла...

А девка-то вытянулась, повзрослела, вылитая Альбина в молодости. Завистливая горечь опять залила думы Екатерины Сидоровны. Своя-то Танька высохла, как щепка, и вся морда в морщинах, как у старухи. О-хо-хо...

Наверху что-то протащили по полу, потом уронили, разбили стеклянное. Идолы, первый час ночи, а у них то музыка, то возня какая-то. Ни дна им, ни покрышки. Екатерина Сидоровна поднялась с постели и, как была, в застиранной ночной рубаше вышла на балкон. Из верхних окон широкими полосами лился яркий свет. Нисколько электричество не экономят, оглоеды. Или Альбина так уж много зарабатывает? Алиска-то в своём магазине сильно не разбогатеет.

К Екатерине Сидоровне вновь вернулась мысль о том, что неплохо было бы продать к чертям эту трёхкомнатную квартиру, зачем она ей, старухе. Танька всё равно в своей общаге сидит, подальше от матери, Мишка вряд ли сюда вернётся, женился в России, в примаки пошёл. Только вот продать-то не проблема, как бы потом на бобах не остаться. Танька денежки-то повытянет, и останется Екатерина Сидоровна на старости лет в однокомнатной “хрущёвке” и без гроша. Нет уж, пусть всё остаётся как есть. Со своими хахалями Танька сюда не сунется, матери боится, а квартира — что ж, есть не просит. Только вот за отопление много выходит, платить за пустые комнаты...

И снова старухины думы съехали в привычную колею. Иволгины-то живут как ни в чём не бывало. Мужик сбежал, девка в подоле едва не принесла, а они ходят, словно дворянки какие, чистенькие, благополучные. Чёрт бы их взял. Екатерина Сидоровна ни в бога, ни в чёрта не верила, поэтому преспокойно поминала чёрта, когда ей вздумается. И уж, конечно, никто не помешает ей употреблять наименование сатаны в жёлчных мыслях о соседках сверху. Сулила она чёрта и собственной бестолковой дочери с её приблудными сыновьями, всё равно толку ни от кого из них не будет. Какого толку ждала от домочадцев Екатерина Сидоровна, она и сама знала весьма приблизительно. Ну, чтобы были красивыми да ухоженными, мальчишки чтоб умненькими были, а главное — чтобы Танька наконец-то заарканила богатенького мужичка, пусть даже и в два раза старше

её, лишь бы деньги водились. А зачем ещё женщины на свете живут? Сама Екатерина Сидоровна вышла за своего Ваську только из-за того, что работал дальноточником, зарабатывал хорошо. Васька уж восемь лет как помер, с тех пор и бьётся она одна с бестолковой Танькой. Хорошо, хоть, что Мишка далеко живёт, всё одной морокой меньше.

Грузные ноги Екатерины Сидоровны зазябли под коротким подолом рубахи, и старуха вернулась в спальню. Неприязненно глянула на смятую постель и пошла на кухню, пить чай. Всё равно ведь не уснуть, думы не дадут.

22

Алиса долго не могла уснуть. Мешала духота, жара, чистые простыни казались горячими и липкими. Маялась-маялась, решила, коль скоро всё равно не уснуть, так хоть заняться чем-нибудь. Жаль, что мамы дома нет, всё бы легче было. Чтобы создать эффект присутствия, Алиса включила телевизор. Не выбирая, попала на MTV, впрочем, ей было всё равно. Включила свет и увидела, что подаренные кем-то маме недолговечные пионы выпили всю воду из вазы богемского стекла. Потащила вазу в ванную — долить воды, а заодно и сбрызнуть цветы, и нечаянно зацепилась тапкой за край ковра. Сама-то не ушиблась, а вот ваза — вдребезги. Жалко стало вазу до слёз. Собрав осколки и переставив цветы в керамический кувшинчик, Алиса уселась в кресло, поджав ноги, и неожиданно для себя расплакалась. Было жалко красивую, будто покрытую инеем вазу, было жалко себя, столько лет подсознательно ждущую темноглазого доктора, было жалко маму, оставшуюся без мужа на старости лет. Сорок три года — это же уже почти старость. Во всяком случае, так казалось Алисе с высоты её восемнадцати лет. Хотя назвать маму старухой язык бы не повернулся. Всегда подтянутая, стройная, какая же она старуха?

Постепенно слёзы высохли, и Алиса стала успокаиваться. Не слишком ли часто она плачет в последние дни? Сердито отмахнувшись от этой мысли, Алиса умылась холодной водой, сделала себе чашку холодного чая с лимоном и уселась на кухне, на своём любимом месте у окна. Кухонные часы, выполненные в виде гжельской тарелки, показывали начало второго, а спать не хотелось. Завтра на работе весь день как сонной мухе ползать. Алиса неторопливо прихлёбывала кисловато-терпкий несладкий чай и думала о докторе Сосновском. Не позвонил, может, одумался? Ведь наверняка — семья, дети. Стоит ли рисковать их благополучием ради её, Алисиных прекрасных глаз? А она, Алиса — сможет ли она принять любовь несвободного мужчины? Зажмурившись, чтобы не разреветься вновь, поняла — сможет. Ведь лучше него никого на свете не было и нет, проживи она хоть два века. Даже если всё, что она о нём знает, всего лишь её выдумка. Кто из классиков говорил о том, что любовь крепка, как смерть? Вспоминать не хотелось. Нечистые, но такие сладостные мысли заполнили Алисин разум, разве она сможет теперь жить без всего этого? А как жить с этим? Внезапно вспомнился отец. Вот, значит, как бывает в жизни. Теперь Алиса понимала отца и, пожалуй, уже не осуждала. Простила ли? Пока не знала сама, но, испытав на самой себе непреодолимую власть любви, она уже не смела упрекать отца в предательстве. Да, в этом не виноваты ни она, ни мама, но и отец не столь уж виновен, как казалось Алисе в её детском непонимании. А та, другая женщина? Образ коварной обольстительницы, прочно вжившийся в Алисино сознание, таял на глазах. Разве она, Алиса, лучше той, к которой ушёл папа? Совсем запутавшись в

этических уравнениях, Алиса с мукой глянула на часы. Они спокойно оттикали четверть третьего. Часам нет дела до издёрганной противоречиями Алисы, они исправно делают своё дело. Глупо подумалось о том, что часы будут так же тикать и после того, как Алисы не станет. Как там у Шефнера: “Не умрёт телевизор, не засветится плёнка в кассете, холодильник, рыдая, за гробом твоим не пойдёт...”.

Громкая ритмичная музыка телевизора вывела Алису из задумчивости. С этим MTV всегда так — включишь, вроде тихо, а потом как рывкнет. Алиса выключила телевизор и улеглась в постель. С ума она сошла или нет, но — будь что будет, противиться своей любви больше нет сил...

Впопыхах прибежав на работу, Алиса не успела подкраситься, даже позавтракать некогда было. Вот они, полуночные посиделки сам на сам. Едва не проспала. При ясном свете дня ночные проблемы и страхи казались уже несущественными, муки совести отступили на второй план. Адюльтер так адюльтер. Да и кто сказал, что настоящая любовь может быть нечистой? В том, что это — настоящая, Алиса уже не сомневалась. А значит, незачем оскорблять её грязным словом, выдуманном французами для оправдания собственного распутства.

Решив раз, не стоит рвать на себе волосы. Алиса успокоилась. Сегодня должна приехать мама, и вообще — всё будет хорошо. Прямо как в “Русском радио” — усмехнулась сама себе.

Загружая демонстрационную модель, Алиса потёрла воспалённые глаза, всё-таки они болели. Компьютер с готовностью отозвался на прикосновения Алисиных пальцев, и голубая “Windows XP” сыграла свой приветственный аккорд. Жизнь продолжается. Стоит ли омрачать её самодетством? И кто-то в глубине души ехидно отозвался: “Ещё как стоит. Попробуй-ка, проживи без этого”...

23

Недаром говорят: “Хорош, как майский день”. День, наступивший после грозовой ночи, действительно был великолепен. Освежённый дождём город блистал всеми красками, и над ним чистой голубизной высился величественный купол неба. Валерий Антонович выбрался в заросший сад, присел на влажную скамейку и, подставляя лицо солнечному свету, лениво подумал: а ведь что-то делать надо, не жить же век бирюком. А чем Зинаида плоха? Доктор Сосновский втайне от самого себя придумал и такой аргумент: женитьба, семья заполнит его пустое существование и прогонит несерьёзное увлечение шестнадцатилетней девочкой. Да, у него нет любви к Зинаиде, а разве для брака это обязательно? И девчонка от родственников освободится. А там — стерпится, слюбится. Мало ли людей всю жизнь живут без этих романтических фанаберий.

С этим Валерий Антонович и провёл весь пригожий майский денёк. Ходил на берег Иртыша, сидел на камне, смотрел на воду и ругал себя бездельником. Потом долго торчал в Ленпарке, любуясь на фигурки львов и медведей, читал газету на лавочке. К вечеру майский день успел осточертеть. Но зато доктор Сосновский сумел убедить себя в правильности принятого решения. Только вот почему-то оттягивал его реализацию, как в детстве тот момент, когда приходилось признаваться тёте Лиле в какой-нибудь шкодной каверзе.

Возвращаясь с затянувшейся прогулки, Валерий Антонович вдруг понял, что он совершенно один в городе, который по праву считает родным.

Знакомых и приятелей множество, а вот друзей нет. Впрочем, никогда и не было. Доктор Сосновский вспомнил себя в детстве, угрюмого мальчика, не стремившегося к сближению со сверстниками. Во-первых, это не поощрялось строгой тётёй Лилей, во-вторых, не привлекало и самого мальчика, очень рано понявшего, что он не такой, как все. Насмешки одноклассников тоже не способствовали обретению друзей. Как-то так получилось, что одиночество стало привычным, переросло в образ жизни. Оно никогда и не тяготило, если не считать потерь близких. Почему же теперь Валерий Антонович почувствовал необходимость в близкой, родственной душе?

Сосновский укоризненно покрутил головой. Его укоризна относилась к самому себе, мол, стареешь, брат, вот и чудишь. Жениться тебе надо, да выкинуть дурь из головы. Словом, всё было за то, чтобы Валерию Антоновичу обзавестись семьёй. А любовь... Всё это юношеские глупости, романтические бредни. Живут же люди и безо всякой любви.

Валерий Антонович вздохнул и решительно захлопнул за собой калитку, словно отрубил часть жизни, оставшуюся там, за рубежом принятого решения.

Всё вышло просто, проще, чем представлялось Сосновскому. Возвращаясь с дежурства, он встретил Зинаиду у ворот и сказал:

— Знаете что, Зина, если вы не имеете ничего против, перебирайтесь ко мне. Хотите — официально регистрируем брак. Любви не обещаю, но обижать не буду.

Это было самое странное предложение руки и сердца, которое только могла себе представить Зинаида. Она ойкнула, прижала ладошки к щекам и недоверчиво переспросила:

— Это вы меня замуж зовёте?

— Да.

В тот же день Зинаида Березнякова перетащила свои небогатые пожитки к Сосновскому, напоследок хорошенько разругавшись с тёткой. Валерий Антонович смотрел, как суетится у кухонной плиты его новообретённая жена, как ловко крутится в её обнажённых руках картошка под ножом, и думал о том, что вот теперь дом не будет таким пустым и неуютным. И что нет необходимости покупать надоевшие концентраты, теперь Зина будет готовить настоящую еду. Да и бродить по улицам, чтобы убить время, вовсе не обязательно, вдвоём всё веселее.

А дом и впрямь ожил, словно поселилась в нём весёлая непоседливая птичка. Зинаида оказалась хорошей хозяйкой, она смела многолетнюю паутину, копившуюся по углам, вымыла серые от пыли стёкла окон, и всё копошилась, копошилась, доводя комнаты до ей одной понятной кондиции. Правда, кулинарными талантами судьба Зину обделила, готовила она получше, чем покойная тётя Лиля, но всё у неё получалось по-общепитовски безвкусно. Но разве вкусная еда — главное в жизни?

Неладно вышло и с постелью. Нетерпеливый от долгого воздержания Валерий Антонович ринулся к Зине слишком уж рьяно. Оттолкнуть она его не посмела, но, оказавшись девственницей, испугалась того, что произошло между ними. Теперь даже самые робкие поползновения мужа вводили её в некое замороженное состояние. Зина становилась безвольной, а её страх ощущался доктором Сосновским просто физически. Ругая себя последними словами, Валерий Антонович сказал Зине, что, если уж для неё “это” так неприятно, то лучше повременить с интимом. Зина промолчала, а Валерий Антонович обиженно перебрался на диван в гостиной.

Впрочем, размолвка длилась недолго, и уже на следующий день молодая жена сказала, что тоже пойдёт спать на диван. Спустя неделю пылкость Сосновского улеглась, и он перестал терроризировать Зину. Интимная жизнь как-то сама собой перешла в спокойное русло супружеского долга. На чём оба и успокоились.

Зина была заботливой женой, возвращаясь из колледжа, всегда старалась приготовить что-нибудь вкусное к приходу Валерия Антоновича и молча страдала, если он не замечал её поварских изысков. Зато когда муж спохватывался и хвалил её стряпню, Зина просто расцветала. Её курносое лицо со свежим деревенским румянцем просто светилось от удовольствия.

Валерий Антонович быстро привык к тапочкам, подносимым Зиной при его возвращении домой, к опрятному, будто помолодевшему, дому, к свежим сорочкам, всегда ждавшим его в шкафу, к какому-то женскому, неуловимому уюту, поселившемуся в доме вместе с Зиной. Наведя в доме порядок, молодая хозяйка объявила войну сорнякам, вольготно разросшимся в маленьком садике. Руки Зины огрубели, от маникюра остались только воспоминания, но зато теперь садик походил на настоящий, а на солнечных прогалинках между старыми яблонями ярко зеленели огуречные грядки и солидно топорщились подвязанные к колышкам кусты помидоров.

Нельзя сказать, чтобы Сосновский больше не вспоминал покойную Лену или не думал об Алисе, но это были странно лёгкие мысли, ни к чему не обязывающие, не пробуждавшие в душе ничего, кроме лёгкой печали. Время лечит, и Валерий Антонович постиг это на своём опыте.

24

Стройная светловолосая женщина задумчиво бродила среди стеллажей с оргтехникой. Иногда останавливалась, присматривалась к чему-то. Алиса уже не впервые видела её здесь, женщина ничего не покупала, просто смотрела. Стоило подойти к ней, предложить помощь, она извинялась и уходила. Поэтому Алиса перестала приставать к женщине. Ну нравится ей смотреть, пусть смотрит.

В августе Алису повысили в должности, теперь она была старшим продавцом-консультантом и номинально командовала пятью шустрыми мальчишками, зорко стерегущими покупателей в торговом зале. Мальчишки в магазине подобрались славные, умненькие и дисциплинированные, поэтому проблем с ними у Алисы не было.

Она ещё раз глянула на женщину, остановившуюся у полки с большим плазменным монитором, и сделала предостерегающий жест Юрчику, направившемуся было к женщине. Юрчик пожал плечами и вернулся на свой пост между двумя прозрачными стеллажами. Незнакомка грустно посмотрела в Алисину сторону и пошла к выходу. Но тут Игорёк привёл здорового дядьку, покупавшего принтер, и Алисе пришлось отвлечься, чтобы оформить документы.

Незнакомка заинтересовала Алису, и по старой, появившейся ещё в детстве, привычке, Алиса начала фантазировать, придумывая судьбу незнакомой женщине. Она представляла себе, как незнакомка садится в автобус и едет домой, на другой конец города, как открывает своим ключом квартиру, почему-то всегда пустую и сумрачную, греет себе на кухне чайник и в одиночестве сидит за чашкой остывшего чая. Алисе думалось, что женщина одинока, что ей некуда девать себя, её покинул близкий

человек, и теперь она никак не придёт в себя после этого. Поэтому и взгляд печальный, и холодноватая отстранённость. Она не хочет ни с кем общаться, ей хочется побыть одной.

Алиса вздыхала и переключалась на собственные проблемы. Думала о Валерии Антоновиче, телефонным звонком пробудившем в ней все её девичьи страсти, да и сгинувшем бесследно, думала о маме и её больном сердце, о вредной старухе с пятого этажа, доводившей маму до сердечного приступа. Эта самая Екатерина Сидоровна из любой мелочи способна раздуть скандал. Алисе казалось, что бабка просто развлекается таким способом. А мама, повздорив с соседкой на лестнице, дома принимала нитроглицерин и долго держалась за сердце. За последний год Альбина Иволгина сильно сдала. Она не утратила девичьей стройности и лёгкости походки, но кожа стала тоньше, взгляд — прозрачней, а голос — неуверенней. Этим летом приходил папа, долго говорил с мамой о чём-то, Алиса не прислушивалась. Папа тоже выглядел не лучшим образом — съёжившийся, поседевший. Не украшали его и неведомо откуда взявшаяся сутулость, и горькие морщины у рта. После папиного ухода Альбина Иволгина долго не выходила из своей комнаты, а когда всё-таки вышла, глаза её за поляризованными “компьютерными” очками были красными и подозрительно блестели.

Алиса догадывалась о том, что происходит между отцом и матерью, но не хотела вступать в это. Ей было жаль обоих, но — если мама не может простить отца, как ей поможет? И отцу, запоздало надумавшему вернуться в семью, тоже не помочь. Слишком много разного произошло за эти два года, слишком переменялись все Иволгины.

Алиса почти равнодушно подумала о Валерии Антоновиче. А она-то тогда, весной, размечталась! Строила планы, решала для себя моральные ребусы. А он больше не позвонил. Одумался. Ну и слава Богу. Только вот почему теперь так пусто в Алисиной жизни?

Как-то встретила на улице Ксению, удивилась. Выглядела бывшая соседка по палате вполне здоровой, но осталась такой же костистой и сухой, какой лежала на больничной койке. Ксения Алисе обрадовалась, тормошила её, поворачивала, охала, ахала:

— Ой, большая-то какая стала! Ну прямо невеста! Замужем? Нет? И где у мужиков глаза!

Алиса смущённо молчала, не зная, как реагировать на сплошной поток вопросов и реплик. Потом Ксения успокоилась и заговорщицки подмигнула:

— А с доктором как? Получилось что или нет?

— Какой там доктор... — смутилась Алиса.

— А, ну бывает. А жаль, красивой бы парой вы были.

Ксения вывалила на Алису гору наилучших пожеланий и так же стремительно попрощалась, торопясь куда-то по своим делам.

“Красивая пара” — саркастически произнесла про себя Алиса. Если бы ещё он так думал.

Но, наверное, доктор думал иначе, потому что больше никак в жизни Алисы не проявлялся. А жизнь текла своим чередом, не то чтобы очень унылая, но и не праздник души. Так, серенькие будни. Это только из юности кажется, будто взрослые живут как захотят, и жизнь у них — сплошные удовольствия.

Почему-то подумалось о незнакомке, заходящей в магазин. Красивая, холёная женщина, а глаза несчастные. Каких-то года два назад

Алиса не обратила бы на это внимания, восхищаясь женщиной, на которую хотелось походить. Теперь было иначе.

Этим вечером Олежек Самсоненко вызвался проводить Алису с работы. Не то чтобы она в этом нуждалась, просто пареньку показалось, что они уж очень долго пересчитывали товар на складе, и Алисе не годится идти одной по тёмным улицам. В провожатые набивались и Юрчик Сорокин, и Николка Шмидт, но Алиса отказалась от такой шумной компании.

Как-то так повелось в магазине, что совсем юных продавцов-консультантов звали уменьшительными именами. Традиция прижилась, и уже никого не удивляла. Идя домой рядом с Олежеком, Алиса думала о том, что мама наверняка волнуется, хоть Алиса и предупредила её о том, что задержится. Впрочем, сотовый телефон в кармане Алисиных джинсов помалкивал, значит, мама ещё не слишком обеспокоена.

Олежек увлечённо рассказывал Алисе об отношениях со своей сестрой, “страшной неряхой и занудой”, Алиса вполслуха слушала паренька и думала о своём. К счастью, магазин располагался совсем недалеко от её дома, идти пришлось недолго. Они с Олежеком были ровесниками, но болтовня товарища показалась Алисе инфантильной и бессмысленной, ей не терпелось оказаться дома, где не говорят только ради того, чтобы не молчать.

У самого Алисиного подъезда Олежек замолчал и вдруг робко взял Алису за плечи. Она спокойно смотрела в его глаза и молчала. Любопытно — что же будет дальше? А ничего нового. Паренёк склонился к Алисиному лицу, неловко ища губами её рот, нашёл, впился жадным поцелуем. Алиса и не подумала его отталкивать, вместо этого она откинула назад голову и расхохоталась. Олежек обескураженно смотрел на неё и повторял:

— Ты чего? Ну, чего ты?

А Алису всерьёз разбирал смех — ну надо же — удостоился высшей чести — проводить старшего продавца домой, так вообразил себе невесть что! Отсмеявшись, Алиса потрепала сердитого Олежка по вихрам и сказала:

— Беги домой, Ромео. Детское время давно кончилось.

Это маленькое приключение почему-то развеселило Алису, она улыбалась, поднимаясь в лифте, улыбалась, открывая дверь своим ключом. Мама, сидевшая с книжкой в гостиной, поднялась навстречу:

— Что уж так долго-то?

— “Железо” пересчитывали, — объяснила Алиса и хихикнула, — а потом у подъезда с кавалером целовалась.

— Ну! — удивилась мама, — что-то это на тебя не похоже.

— А вот и целовалась.

Мама прошла на кухню, включила чайник.

— Иди ужинать, разбивательница сердец.

Уже ложась спать, Алиса подумала: почему так — от одного телефонного звонка Валерия Антоновича она неделю прожила без сна, а Олежков поцелуй, кроме смеха, ничего не вызвал. Значит, дело вовсе не в дремучих инстинктах, как она пыталась убедить себя. Всё намного сложнее. И запутанней. Если бы на месте Олежека был Валерий Антонович...

Последняя мысль вызвала сладкую истому в Алисином теле, но это продолжалось недолго, утомлённый за день цифрами и суммами мозг настойчиво требовал сна.

25

Доктор Сосновский брёл по улице, погрузившись в невесёлые думы. Отпраздновав двадцатилетие Зины, и заодно — двухлетие супружества, Валерий Антонович вызвался проводить тещу, маму Зины к её родственникам, у которых она непременно хотела ночевать. Пока ждал на остановке, пока вёз болтливую тещу на другой конец города, её трескотня успела осточертеть. К Зине Сосновский уже привык, да и стеснялась жена трещать без умолку при нём, а тут выпила немного за столом, и они с матушкой оглушили молчаливого Валерия Антоновича своими громогласными воспоминаниями.

Нет, доктор Сосновский вовсе не жалел, что женился на Зине, супруга из неё вышла хорошая, домовитая и хозяйственная. Вот только не хватало в этой спокойной жизни Сосновскому чего-то. Души, что ли, не было у этого брака. Поэтому и сбежал из дома Валерий Антонович, часами бродил по Павлодару, сидел на берегу Иртыша. И всё думал — как сложилась бы его жизнь, если бы не Зина. Так и жил бы бобылём в запущенном сумрачном доме? Или отыскал бы тайную свою мечту — славную девочку с позолоченным весной носиком? Ну, отыскал бы. А девочка рассмеялась бы ему в лицо — ишь, растащило перестарка. И как потом жить после такого?

Валерий Антонович курил сигареты одну за другой и шёл домой пешком, через весь город. Ну не хотелось Сосновскому ждать автобуса, потом трястись в нём, душном, девять остановок. Проводил тещу, да и пошёл восвояси.

А ночь и впрямь была хороша — алмазная пыль звёзд на тёмном бархате неба, слабый ветерок едва шевелит листья на спящих деревьях. В такую ночь хорошо вспоминать любимые лица, счастливые минуты, и сладостный трепет пробегает по телу от некоторых воспоминаний.

Валерий Антонович думал о покойной Лене, о всепоглощающей любви, враз отменившей все прежние привычки, чувства и пристрастия. О нерождённом ребёнке, которого они с Леной так ждали. Зина тоже иногда заговаривает о том, что им пора бы завести ребёнка, да и Валерий Антонович не против. Только что-то не получается.

Вспоминал доктор Сосновский и шаловливые пальчики и большие глаза ребёнка, лежавшего у него в отделении два года назад с банальной аппендэктомией. Ах, Алиса, Алиса! Кому — подростковые шутки, а кому загадка на всю жизнь. Чего хотела девочка? А чего до сих пор хочет он сам от неё? И не надо прикрываться женитьбой, она ничего не изменила и не отменила в странном, горьковатом и незабываемом чувстве, которое Валерий Антонович испытывал к почти незнакомой Алисе Иволгиной. Женился, думал, семья поможет забыть, забыться. Ничего не помогла. Только теперь стало ещё хуже. Ах, Алиса, Алиса! Кто бы сказал доктору до этой встречи, что так в жизни случается — не поверил бы. Ничего время не лечит, разве так, слегка анестезирует.

Сосновский тряхнул головой, отгоняя наваждение, но подсознательно уже рылся в воспоминаниях. “Парковая, дом 39” — услужливо подсказал мозг. Адрес Валерий Антонович знал давно, выписал, как и телефон, из истории болезни. По телефону даже звонил однажды. Брякнул что-то о любви и, испугавшись собственного нахальства, бросил трубку. Слава Богу, не успел услышать её издевательского смеха.

Ноги сами вынесли Сосновского на Парковую улицу. Зачем — было совсем непонятно. “Она замужем и больше не живёт здесь”, — ехидно заметил кто-то в душе Валерия Антоновича. Ну и пусть. Хоть на дом посмотреть, в котором она жила.

Отчётливо сознавая всё мальчишество своей затеи, доктор Сосновский отыскал тридцать девятый дом и остановился под его погасшими окнами. Высчитал, что её квартира должна находиться на шестом этаже, осмотрел ряд тёмных окон. Одно ещё светилось — второе от угла. Не её ли?

В голове слегка шумело от выпитого на праздновании коньяка, и Валерий Антонович присел на скамейку у подъезда. “И что дальше?” — спросил он сам себя. И сам себе ответил: “Ничего. Дыши, пока можешь, одним с нею воздухом, а потом — марш в своё стойло, под бочок к законной супруге”.

Валерий Антонович горько усмехнулся, стряхнул с себя остатки лубовной оцепенелости и двинул домой. Дурак — он и в Африке дурак.

Уже выходя из двора, оглянувшись, успел заметить, как погасло последнее окно в спящем шестом этаже...

Зина не стала особенно придираться к мужу, полночи прошляпавшемуся по городу. В конце концов, её же разговорчивую маму ходил провожать. Да и за что к нему придираться — мужик как мужик, зарплату исправно домой носит, не пьянствует, не гуляет. А что по временам становится каким-то отчуждённым и малопонятным, так у всех свои странности. Тем более что он из семьи, в которой поколение за поколением — сплошь интеллигенты. Вон, книжек два шкафа, да ещё в маленькой комнате сколько. Зину книжки не привлекали, ну их, только пыль скапливается. Муж без книжки и спать не ложился, но к этому Зина уже привыкла. У интеллигенции свои заморочки, пусть читает, коль охота.

Зина исподтишка гордилась мужем, ну у кого из её подружек, деревенских девчонок, муж — ведущий хирург горбольницы? То-то. А ей повезло, ухватила молодого вдовца с приданым, да ещё при такой должности. Правда, когда Зина выходила замуж, Валерий Антонович ещё не был ведущим хирургом, признание пришло позже. Тётка Валя, живя по соседству, поди от злости бесится, глядя на её, Зинино, счастье. Так ей, старой дуре, и надо. Вот ещё бы мамаша со своими колхозными замашками пореже в гости наезжала, не срамила бы дочку. Впрочем, муж молчит, не ворчит за мамашины частые приезды. Ну и то слава Богу.

Жалела Зина, что никак не получается у неё родить Валерию Антоновичу ребёнка. Родила бы, глядишь, и перестал бы муж поглядывать на неё отчуждённо, словно издалика. Привязала бы ребёнком прочно. Как-то неуверенно чувствовала себя Зина в большом доме Сосновского. Надеялась, что со временем это пройдёт, вот только дитя бы ещё. А лучше — двух или трёх...

А Валерий Антонович не догадывался о сомнениях жены, для него она была просто человеком, которого он обещал не обидеть, и слово своё держал. В конце концов, он делает всё для того, чтобы молодой жене неплохо жилось, чего же ещё от него требовать? А уж тем, что бережно хранит он в самых глубоких тайниках души, доктор Сосновский ни с кем делиться не собирался. Да, нехорошо, да, ложь и лицемерие. Но ведь иначе жизнь совсем никчёмной станет. Тьма и тьма. И он привык к угрызениям совести, как привыкают к застарелым хроническим болячкам. Жил, стараясь не обращать на них внимания. Алиса оставалась его единственным светом в окружающей тьме, и Валерий Антонович берёт этот несбыточный свет, хранил свою боль и горечь как великую ценность. Высшую ценность заплутавшего во тьме человека.

С той памятной ночи, когда слегка захмелевший доктор Сосновский стоял под погасшими окнами дома на улице Парковой, он зачастил туда.

Близко не подходил, но издали не раз видел, как Алиса возвращается домой, как идёт она, тоненькая и беззащитная в своих тесных джинсиках, беззаботно помахивает сумочкой. Алису никто не провожал, во всяком случае, Валерий Антонович этого не видел. Однажды вышла она со светловолосой женщиной, в которой было что-то неуловимо схожее с нею. С матерью — решил Валерий Антонович. Видел как-то Алисину мать с мужчиной, украшенным реденькой “ильичёвской” бородкой. Отца Алисы доктор видел ещё в больнице, но тот появлялся у дома крайне редко.

В один из вечеров, по телефону сославшись на срочную работу и успокоив Зину, Валерий Антонович задержался у Алисиного дома допоздна. И видел, как Алиса вернулась домой в сопровождении долговязого юнца. Мучась ревностью, во все глаза смотрел, как в полосе света, падавшей из подъезда, Алиса целуется со своим провожатым, а потом, откинув голову, звонко смеётся чему-то.

Эту ночь доктор Сосновский провёл без сна. Чтобы не тревожить жену, вышел на кухню, курил, пуская дым в открытую печную дверцу, и сходил с ума от ревности. Живое воображение рисовало Алису в чужих объятиях, и Валерий Антонович стискивал зубы от боли, которую пробуждала в нём эта картина. К утру понял — так больше нельзя, нужно на что-то решаться. Голос разума подсказывал, что надо забыть кудрявую маленькую ведьмочку, успокоиться и зажить с женой по-человечески, безо всяких этих вывертов и искательств. Но было что-то, говорившее о невозможности спокойной, нормальной жизни. Была тьма, которой Валерий Антонович боялся всю жизнь, и сейчас эта тьма обступила его так, что даже вздохнуть в ней казалось невозможным. Плотная, осязаемая тьма, сопровождавшая Сосновского с самого детства, торжествовала победу, а он, уже далеко не босоногий мальчик, выросший из детской пижамы, ничего не смог бы изменить безумной храбрости ночным походом в угольный подвал. И Валерий Антонович терзался необъяснимо безумным чувством, не будучи в силах ни отказаться от него, ни противостоять ему...

День был самым обычным, рядовым и рутинным. От этого накопившаяся за лето усталость чувствовалась сильнее. Проверяя перед закрытием магазина сигнализацию, Алиса вспомнила, что мама в очередной поездке, и сегодня можно не готовить ужин. Это обрадовало. Ради себя одной Алиса не собиралась торчать на кухне лишний час. Идя домой, мечтала о том, как встанет под тугие струи душа, смое с себя дневную усталость, а потом устроится на диване с новой книжкой Акунина, которую вчера купила по случаю.

Зашла в гастроном, купила кое-что из продуктов и пакет апельсинового сока. Засмотрелась на выставленные в витрине небольшого киоска лазерные диски, подумав, взяла себе альбом “Rammstein”, давно на него заглядывалась.

Предвкушая спокойный вечер, вечер отдыха, Алиса уже подходила к своему подъезду, когда слева, от беседки, в которой пенсионеры двора вели шахматные и доминошные баталии, к ней шагнул кто-то, высокий и стремительный.

— Ты?! — выдохнула она, узнавая, и ещё боясь поверить своим глазам.

— Испугал? Прости, — сказал доктор Сосновский.

Почему “на ты”, ни один из них не задумывался. Вышло так, словно они расстались только вчера, и что знали друг друга лет десять.

— Я должен объяснить... — заговорил Валерий Антонович задыхающимся голосом.

— Нет. Ничего не надо объяснять, я всё знаю.

Алиса сказала это непреклонно, и Сосновский понял — действительно, не надо. Он взял пакет из рук Алисы и пошёл за нею к лифту. Сказать, о чём он думает в этот момент, Валерий Антонович не мог, только чувствовал, как гулко бухает сердце да подрагивают от душевного напряжения губы.

Алиса оглянулась на Валерия Антоновича, вошла в лифт.

— Я ждала тебя, — просто сказала она, когда кабина скользнула вверх.

Она во все глаза смотрела на Сосновского, и это было настолько невероятным, что вытеснило все прочие мысли и ощущения. Вот он, доктор с “арабскими” глазами, похудевший, нервный, рядом с ней. И, потянувшись, она легко сможет прикоснуться губами к его сухим губам. Прикоснуться... и что дальше? Думать об этом Алиса боялась. Но ведь не тягостные “супружеские обязанности” привели сюда его, любимого, желанного.

Они вошли в квартиру молча, и Алиса поблагодарила судьбу за то, что мамы нет дома. Разве смогла бы она чинно поить чаем того, которого ждала столько лет? Ещё в прихожей они принялись срывать одежду друг с друга. Брошенный за полной ненадобностью пакет с продуктами сиротливо прилепился к двери, да так и остался там лежать. А Алиса самозабвенно изучала гладкое и мускулистое тело доктора Сосновского, то нежно проводя по коже пальцами, то целуя его магнетические ямки и выпуклости.

Так, вдвоём, они и залезли под душ и, упиваясь своей любовью, мыли друг друга, целовались, захлебываясь тугими струями воды, совершали тысячи глупостей, на которые способны только безрассудно влюблённые...

Когда улеглась первая, самая жаркая страсть, Алиса вспомнила о покупках, принесла пакет с соком в свою комнату, сунула в проигрыватель купленный диск. Слышала ли она музыку? Может быть. То, что она испытывала в объятиях Сосновского, исключало из жизни Алисы всю вселенную. И представляло собою иную вселенную, полную любви и неутолимой жажды обладать и принадлежать друг другу. Новую, словно омытую их общими муками и безумствами, на которые так неистощима настоящая любовь.

Какою бы долгой ни была ночь краденой любви, она когда-нибудь кончается. Кончилась и эта. За окном занимался серенький рассвет. Они сидели в гостиной друг напротив друга, и Валерий Антонович держал Алисины руки в своих.

— Я тебя никогда не забуду.

— И я тебя...

Им так много нужно было сказать друг другу, что они не говорили почти ничего. Обычные слова становились тусклыми и невыразительными, и казалось нелепым употреблять их для обозначения своих мыслей. Поэтому Алиса и Сосновский просто смотрели друг на друга, и всё. А разве есть что-нибудь более важное и значимое, чем смотреть вот так в глаза любимого человека, прежде чем расстаться навсегда? Расстаться, горестно сожалея о несурзных поворотах судьбы, о неверно принятых решениях и легкомысленных поступках, взятых на себя обязательствах, разделивших их миры непреодолимой пропастью. Миры, разделённые тьмой, которой следует бояться каждому живущему...

г. Павлодар.

Виктор СЕМЕРЬЯНОВ

“И к небу музыка плыла...”

После разлуки

Давно не стоял за штурвалом,
но знаю, что ты не забыл —
река твой корабль штурмовала,
вставая порой на дыбы.

Красивый, плечистый, чубатый,
ты мичманку с крабом носил.
Ты был капитаном когда-то,
И домом твоим был буксир.
Штормов на реке не бывает?
Неправда, гуляли ой-ой!
Боялись речные трамваи
большой захлебнуться волной.
И только буксирам неважно,
какая волна на реке —
гружёные баржи отважно
водили, как на поводке.
Тогда теплоходы сновали,
Иртыш свою радость дарил...
Всего не расскажешь словами,
да не с кем поговорить.
Быть может, об этом напишут...
Бывать приходилось тебе
на юге — до Семска и выше,
на севере — в Обской губе.
Какие идут теплоходы,
ты всё узнавал по гудкам...
А жизнь,
она солнцем заходит,
число прибавляя годам.
Иртыш веселей был и шире,
теперь —
нелюдимая тишь...
Сегодня простым пассажиром
на катере белом сидишь.
Всё кануло в Лету...
Кольнуло,
где сердце живёт и душа.
Ты долго не спал накануне —
Не видел давно Иртыша...
Рокошет прогулочный катер,
и музыка — на высоте,
и волны иртышские катят,
но катятся волны не те.

Иртыш!
Ты души в нём не чаешь,
болел без него от тоски...
И всё ты вокруг замечаешь —
коряги, осоку, пески...
С тех лет
ты здесь не был ни разу,
от прошлого нет и следа.
Иртыш —
беспризорник чумазый,
бредёт, сам не зная, куда...
Сулят Иртышу возрождение,
что рыба тут будет, и флот.
Похвально такое раденье,
дай Бог,
это время придёт...
Темнеет,
и дождик закрапал,
сверкает причал впереди.
Привычно ты сходишь по трапу...
И снова
кольнуло в груди.

Ночной дождь

День долго землю
солнцем жарил,
нигде прохлады не найдёшь...
А к ночи тучи набежали,
как будто знали —
нужен дождь.
Они собой луну закрыли,
пообещали дождь и гром.
И голуби
сложили крылья
на подоконнике моём.
Но я дождя пока не слышал...
Гром гроыхнул,
сорвался лист...
Потом лишь капельки по крыше —
разведчики дождя, прошлись.
И дождь пошёл,
давно он не был,
а вперемежку с ним — гроза...
Дождь нашу землю
с нашим небом
живыми струнами связал...
А я в дожди не сплю ночами,
и в эту ночь уснуть не мог.
Пусть дождь короткий —
нет печали,
не зря я вышел за порог.

Век другой,
страна другая...
Неподвластные годам,
все, как прежде, обжигают
твои строки души нам.
Ни твои стихи, ни годы
я из памяти не стёр
и опять пришёл сегодня
на цветаяевский костёр.
Бог судья тебе, Марина,
за верёвку и за гвоздь...
Ты для нас
всегда невинна,
ты для нас —
желанный гость.
Лучше здесь
в любви признаться,
а про злой не будем рок...
Лучше пусть
нам всем приснятся
золотые стаи строк.

Здесь сестра Анастасия
свой когда-то кров нашла...
Пусть горят костры в России
и у нас, у Иртыша.
Наш костёр —
не просто пламя,
что зажгли мы в октябре.
Наше пламя —
это память,
наша память о тебе.
Нет,
поэт не умирает,
а совсем наоборот —
лишь на время замирает,
а потом он вновь живёт.
Мы не дань,
а даль отдали —
здесь твоим стихам простор..
В Казахстане,
в Павлодаре
есть цветаевский костёр!

Науму Шафферу

Опять пришла осенняя грустинка,
она покоя мне не даст уже...
Поставь мне, Шафер, старую пластинку,
мне старые пластинки по душе.
Печаль, пожалуй, повод и не веский,
но загрушу, и музыки хочу.
Пусть это будет снова Дунаевский,
которого не позабыли чуть.

А, может быть, еврейские напевы,
мелодии, что с детства ты берёг.
Я знаю, ты устал, ведь я не первый
сегодня твой переступил порог.
Я тихо сяду, голову откину,
и ты со мной свой раздели уют.
Поставь пластинку старого акына,
он так поёт, как нынче не поют.
Вновь с музыкой придут воспоминанья,
неважно чьи, мои или твои.
Воспоминанья как напоминанье,
что в прошлое нам дверь не затворить..
Я был на том суде, и суд был скорый,
и стыд, и горечь от того суда.
А прокурор, я помню прокурора,
он там, как прокуратор, восседал.
Сверкала золочёная ливрея —
предмет особой гордости слуги..
Не то читает? Наказать еврея,
чтоб неповадно было всем другим.
На том суде немало лжи сказали,
и в приговоре — правды ни строки.
И был конвой, этап до Джекказгана,
урановые были рудники.
Хватил тогда ты лиха полной чашей,
забыть всего не хватит жизни всей.
А здесь ждала тебя твоя Наташа
среди не отвернувшихся друзей.
Но день пришёл —
вернули званье, степень,
есть дом, где книг и музыки полно,
и город есть, Иртыш, луга и степи —
финал счастливый страшного кино.
А на земле святой, в стране далёкой,
где небосвод гремит со всех сторон,
родился правнук с именем Пророка,
в которого заочно ты влюблён..
Людьми забыто множество событий,
и нас с тобою время унесёт,
и нами тоже многое забыто.
Забыто-позабыто, да не всё.
На то и память, сладко с ней и горько,
какая есть, и выбора тут нет..
Так пусть бежит волшебная иголка
назад, по кругу,
по дорожкам лет.

Желание

Когда-нибудь я съезжу на Алтай...
Бюджет семейный только залатаю,
и съезжу, а быть может, и слетаю —
не буду ждать я журавлиных стай.
Хочу попасть в родительский я дом...
Над нашим домом голуби кружили,
мы в этом доме жили и тужили,
и радовались все, что мы живём.
Родного дома не забыл я свет,
мне зори детства часто полыхают,
и детство я своё не стану хаять,
хотя немало пережито бед.
Мне говорят, что там не те огни,
не горячись и успокойся малость —
там нет друзей, что с детства оставались,
и никакой там нет уже родни.
От памяти тебе не убежать,
но встреча с детством — разочарованье...
Нет, нет, напрасны ваши все старанья,
меня не надо больше убеждать.
Душа моя твердит — слетай, слетай,
и сам я от желания сгораю.
Хочу я низко поклониться краю...
Когда-нибудь я съезжу на Алтай.

Город в тумане

Туман, туман... Ну что за ночь!
Весь город мой, как будто в бане.
И горожане с улиц прочь —
боятся, вдруг столкнутся лбами.
Смотрю в окошко сверху вниз,
но на туман смотреть нет силы.
Осенний, может быть, сюрприз
природа нам сообразила.
А может, это просто смог —
так много копоти и пыли.
А может, те, кто степь поджжёт,
не потушили — позабыли.
Туманом всё заволокло,
как будто туч повисли клочья.
И нечего смотреть в окно,
темным-темно туманной ночью.
В тумане прячутся дома...
Ни сигаретки нет в кармане...
И в голове моей туман...
Всё может быть в таком тумане.
Туман, туман, сплошной туман,
Не видно звёзд, в уме ни строчки...
Лишь телевышка-великан
на звёзды смотрит в одиночку.

Душевный разговор

Сидим с тобой перед сиренью,
над нами шумный шмель кружит...
Ты веришь в душ переселенье?
Мне интересно, расскажи,
чьи души селятся в детей?
Они какие-то не те.
Откуда все у них пороки —
глядишь, то наркоман, то вор,
а то бессмысленно жестоки...
И начался наш разговор...
А друг в ответ — и ты не тот,
Бог душу чистую даёт.
— А чем же дети виноваты?
Ведь наши все грехи на них.
— Забыли Бога мы когда-то
и всё святое, и святых...
Живи, и в жизни не греши,
и дети будут хороши.
Вдруг появилось ощущение
во мне, похожее на страх —
жил, не всегда просил прощенья
и мало каялся в грехах...
Такой вот к вечеру вдвоём
душевный разговор ведём.
Читал в одной церковной книге —
Душа даётся нам одна...
— С рождением, — ты вставил мигом, —
но ей мешает Сатана...
Жаль стало души тех детей,
которые уже не те.
Да не одни ж они на свете!
И я имел в виду не всех...
Красивые душою дети
приходят в двадцать первый век...
А есть ли душ переселенье,
я всё ж не понял, к сожаленью.
Сидим с тобой перед сиренью...

Девочка пишет стихи

Внучке Анастасии

Девочка пишет,
девочка пишет стихи,
девочка пишет стихи о любви...
Книги в сторонке —
Пушкин и аль-Фараби...
Меткий Амур
вдруг пронзил её сердце стрелой,
нежные строчки
текут животворной струёй.

Пишет о счастье,
пишет она о весне.
Пишет о принце,
который ей снится во сне.
Не на коне,
но, конечно, хорош и пригож,
принц тот на мальчика,
рядом живущего, очень похож.
Девочка хочет
любимому солнцем сиять на земле
даже в дожди,
даже в туманы и даже во мгле.
С ритма сбивается,
рифмы, бывает, грешат.
Где-то нескладно,
но пишет, как просит душа.
Скоро экзамен —
сядь и читай, и зубри,
если б цветок не разгорелся любви.
Эти стихи
не покажет она никому,
почтой потом
электронной отправит ему одному.
А за окошком —
новенький домик обжили скворцы,
жизни семейной
живые они образцы.
Девочка, верь мне,
что по веленью небес
будут венчанье
и муж, и детишки тебе.
Сбудутся грёзы твои
и мечты, а пока
светлые, светлые
в небе плывут облака...
Книги в сторонке —
Пушкин и аль-Фараби...
Девочка пишет,
девочка пишет стихи,
девочка пишет стихи о любви.

Рассвет — закат

Рассвет — закат, закат — рассвет...
Считать, а сколько же нам лет,
и все события по годам
не надо нам, не надо нам.
Уйдёт рассвет, придёт закат...
Жизнь — не кино и не парад.
Ты всё плохое отруби,
оставь, что шло лишь от любви.

Рассвет — закат, закат — рассвет...
И мы оставили свой след,
а главное, простых кровей
своих подняли сыновей.
Уйдёт рассвет, придёт закат...
Кто любит жизнь, уже богат.
Не очень длинен путь земной,
но я с тобой и ты со мной.
Закат — рассвет, рассвет — закат...
Пусть долго зори нам горят.

Павлу Васильеву

Когда на сердце
грусть ложится дымом,
когда я не могу ни петь, ни спать,
мне очень нужно,
мне необходимо
прийти на эту улицу опять.
Вот этот домик...
Голуби на крыше
ждут-не дождутся утренней зари.
О, если б ты
сейчас отсюда вышел
и если б ты со мной поговорил.
Послушал бы
о сокровенном самом,
об Иртыше,
что был тобой воспет.
О том,
как под твоими небесами
всё ярче разгорается рассвет.
О городе...
Ты взлёт его высокий
предугадал,
нет, знал наверняка.
Твои тугие
яростные строки
нам по душе, твоим ученикам...
Горит вдали
полоска зоревая,
вот-вот гудки в Затоне запоют,
и голуби,
синь сонную взрывая,
над домом разлетятся, как салют.
Взлетят и чайки,
солнцу чайки рады,
Иртыш проснётся и заречный лес...
Но горько мне —
тебя не вижу рядом,
а ты сегодня нужен позарез.

Здесь хорошие люди живут

И опять моё сердце запрыгало —
снова вижу над крышей дымок...
Ну и пусть, что село это — пригород,
но зато путь к друзьям недалёк.
Удивлялся когда-то, признаться я,
и зачем их сюда занесло,
если всюду — урбанизация,
если люди бросают село...
Я бродил по лесистым окрестностям,
надышаться не мог тишиной —
то ли я побывал в неизвестности,
то ли был я в деревне родной.
Любовался я утренним заревом,
собирал молодые грибы...
Дом купили, отделали заново
от фундамента и до трубы.
Нет, не терем у них навороченный,
хватит им одного этажа...
У хозяина руки рабочие,
у хозяйки большая душа.
Во дворе —
 виснут бусы смородины
и малины горят огоньки.
А цветам не свобода — свободина,
светят радостью все уголки...
Кот пришёл,
 где-то ночью орудовал,
изуродован неспроста.
Но сияют глаза изумрудами
на мордашке тигриной кота.
А друзья мои — добрые, чуткие,
в дом войдёшь, там любовь и уют.
Пообщаешься,
 сердцем почувствуешь —
здесь хорошие люди живут.
Так живут, кто работать
 не ленится,
не пожрать лишь кому да попить.
Надо дров нарубить, да в поленницу,
надо печку ещё растопить.
А в сарайчике козы с козлятами,
тоже просят не только травы.
Получается, всё вместе взятое,
не любому по силам, увы...
А над поймою солнышко
 плавится...
Сам себя вдруг на мысли поймал —
тут и мне в свои годы
 не справиться,
хоть и жизненный опыт не мал...

Пусть не раз моё сердце запрыгает,
а над крышей завьётся дымок...
Ничего, что село это — пригород,
но зато путь к друзьям недалёк.

Когда затихает палата

Тут жизнь не ругают земную,
хоть жизнь не всегда — благодать.
Тут знают, где раки зимуют,
что будет — не любят гадать.
Здесь вместе — богатый и бедный,
здесь главное слово — держись.
И мечутся вместе над бездной,
и борются вместе за жизнь.
Когда же затихнет палата,
а ночь уходит не спешит,
ты спросишь, за что эта плата?
Грешил? Ну а кто не грешит...
Всё мелкое в жизни отсеешь
ты в думах своих, не тая.
По-новому, трезво оценишь
весь смысл своего бытия.
Устали и ноги, и руки
от боли нещадной внутри...
Но есть тут от бога хирурги,
держись, на других посмотри!
Хирурги готовы к атаке...
Всевышний, удач приспошли...
Гремит в коридоре каталка —
Сегодня кого-то спасли.

Божественные корни

поэту Эдуарду Барсукову

Жизнь дорога,
но нынче мало стоит,
не дай ей Бог ещё дешевле стать...
“А Древо жизни
шелестит листвою”,
и значит, наши листья шелестят.
Быть может,
на ветвях они на разных,
а может быть, на ветви на одной.
Не сомневался в жизни я ни разу,
что Древо жизни вечно под луной.
Не потому ли чем-то мы похожи?
Мне, как тебе, всё снятся листья те.
Любовью схожи,
жаждой жизни тоже,
и строчкой, всем понятной, на листе...
Пожары, войны
и смертельный ветер,

а Древо жизни сыплет семена —
пожалуй, должен
кто-то свой на свете
остаться за тебя и за меня.
И если всё живое вдруг погибнет,
то Древо жизни будет жить и жить.
А нам с тобой
петь надо жизни гимны,
пока с Землёю суждено кружить.
Я слышу шелест листьев
непокорных
и голос твой, хоть где-то ты вдали...
Божественны у Древа жизни корни —
не выжечь и не вырвать из земли!

Мои молитвы

Купались в солнце купола
и небеса сияли синью,
звонили
колокола —
молитвы в небо уносили.
Сперва по рекам и лесам,
потом и к звёздам — Аллилуйя...
Мне б разобраться, небеса,
а не потворствую ли злу я.
Мне б эту дьявольскую рать
по глупости не приумножить.
А мне б любовь не потерять,
а с нею и себя бы тоже.
Жизнь заставляет слёзы лить,
то нежно, как дитя, качает...
А мне бы радости продлить
да утолить мои печали.
Я камни в падших не бросал,
хотел быть в жизни благородным...
Согрейте души, небеса,
вы равнодушным и холодным.
Там где-то множество планет,
одна другой планеты краше.
Нигде Земли красивей нет —
не разлюбите Землю нашу.
Я верю, сгинет полоса,
когда весь белый свет — не белый...
Вы мне позвольте, небеса,
доделать то, что не доделал...
Шёл в храм народ,
колокола
звонили, музыкой налиты,
и к небу музыка пыла...
А я шептал свои молитвы.

г. Павлодар.

Алексей ОЛЕКСЮК

Земные пути

Рассказ

Мальчик отложил книгу и взглянул на воду, которая вся искрилась от солнечных бликов, рождаемых мелкой рябью. Словно сама река была огромной и невероятно длинной рыбой с серебряной чешуёй. Глаза ломило от непрерывных всплесков маленьких колючих звёздочек, особенно частых на перекатах. Мальчик слегка прикрыл веки, а затем взглянул в другую сторону. На картофельном поле, широким мысом вдававшимся в речную излучину, стоял гусеничный трактор с дождевальная установкой. Тракторист лежал рядом с машиной, прямо на сырой земле, надвинув серую кепку на лицо. Он спал, не видя, как по заливному лугу на противоположном берегу бродили коровы под присмотром старого деда, любившего шугнуть местных мальчишек: “А ну, брысь из воды! Тут тёлка надясь утопла, трупный яд в ухо попадёт — мозги сгниют на хрен!”. Добрый такой дедушка...

Полуденное солнце висело за спиной у мальчика, там, где в сизой дымке виднелись однотипные домики пригородного посёлка. Тёплый юго-западный ветер гнал по небу полупрозрачные облака.

Больше всего на свете мальчик любил ходить к реке. Почти каждый божий день он, взяв удочки, уходил из дому: не столько порыбачить, сколько посидеть у воды, а если повезёт с погодой, то искупаться и почитать книгу (почему-то после купания особенно приятно прочесть что-нибудь неспешное и вдумчивое). Мальчик не был заядлым рыболовом. Гораздо больше ему нравилось бесцельно бродить вдоль реки или тупо сидеть на берегу. Если же становилось скучно, он вынимал из сумки какую-нибудь книгу, устраивался поудобнее и читал.

Мужчина в чёрном флотском кителе и с чёрным чемоданом в руке вышел из троллейбуса, который, избавившись таким образом от последнего пассажира, повернул к ржавым воротам депо. Огромный, о двенадцати головах, полдень замер в зените. Однотипные частные домики из серого кирпича тянулись справа и слева от дороги, но если там, где сейчас стоял мужчина, не было ни единого деревца — только бурьян, в котором паслись какие-то овцы, то на противоположной стороне всё утопало в зелени старых клёнов и тополей.

Дойдя до ближайшего перекрёстка, мужчина пересёк проезжую часть и свернул в проулок, ведущий в глубь пригородного посёлка. Взамен звонкого асфальта у него под подошвами теперь глухо отзывалась утрамбованная земля. То и дело приходилось перебираться через глубокие рытвины или вымоины: по их размеру легко было вообразить, каково местным обитателям опосля небольшого дождика.

“Похоже, здесь ничего не меняется”, — подумал мужчина, остановившись напротив невысоких железных ворот, разрисованных несуслазными ромашками по ядовито-зелёному фону. На стук никто не отозвался. Только из-под калитки вылез взлохмаченный вислоухий пёс, добросовестно гавкнул на чужака и, отойдя в сторону — под старый, “оплешивевший” на

макушке тополь, принялся вычёсывать из шерсти паразитов, засохший куриный помёт и семена укропа. Мимо медленно прошествовала чёрная, как смоль, кошка, но пёс в её сторону даже не глянул. Кошка обиженно мяукнула и скрылась в кустах.

“Не стоило мне приезжать”, — подумал мужчина.

Присев на врытую в землю стёртую автомобильную покрывку, он машинально оборвал росшую рядом былку и сунул её в рот.

Стоял самый конец августа. Пригородный посёлок нежился в лучах негромкого предосеннего солнца. Лёгкий ветерок, пробегая полосами и порывами по вершинам деревьев, стряхивал вниз сожжённые преждевременным увяданием листья.

Достав из чёрного чемодана толстую записную книжку в потёртом кожаном переплёте и дешёвую шариковую ручку, мужчина положил чемодан себе на колени, на него — раскрытую записную книжку, с минуту задумчиво пожевал былку и принялся что-то писать, изредка поглядывая на придремавшего в тени пса.

— Анюта-а, ау-у! — мама сошла с заднего крыльца в сад. — Анюта, там твой кавалер пришёл.

— Кто? — отозвалась Аня, вольготно возлежа с книжкой в самой гуще зелёных насаждений.

— Прости, я и забыла, что у тебя женихов, как собак нерезаных.

— Колька, что ли? — девушка сморщила свой востренький носик. — Пусть подождёт.

Ей очень не хотелось сейчас отрываться от чтения: она уже увлеклась, вжившись в воображаемый мир.

— Нельзя быть такой жестокосердной, — укорила её мама.

— Подумаешь! Ничего с ним не станется. И вообще, он жуткий зануда: окромя своего моря больше ни о чём говорить не может.

— Чем тебе море-то не угодило? По-моему, Коля очень интересно рассказывает.

— Да уж! Очень интересно целый день слушать о водоизмещении или этих... как их?... кабельтовых. Я даже слов таких знать не хочу. Какое мне дело, сколько было торпедных аппаратов на эсминце “Новик” и сколько узлов была у него крейсерская скорость? Оно мне надо? Я учусь на филолога, а не на кораблестроителя.

— Ты несправедлива. Коля очень воспитанный и умный мальчик. И готовится поступать в нахимовское училище.

— В прошлом году тоже готовился. Что ж не поступил?

— Там очень большой конкурс.

— Ну да, конечно. Просто туда таких зануд не берут: на корабле от него сбежать некуда, а он своими “брам-бром-реями” кого хочешь в могилу сведёт.

— Ты, Анюта, девушка, конечно, умная, но местами невоспитанная. Пойди, хоть поздоровайся с гостем.

— Ладно, — нехотя согласилась Аня, томно зевнув и заложив книгу оборванным с яблони листком.

Мама, наблюдая как дочь не спеша встаёт с земли и отряхивает платье, покачала укоризненно головой.

А в доме, на веранде, прохаживался из угла в угол нескладный молодой человек в белой футболке и светло-серых отутюженных брюках.

Маленький щенок неопределённой породы радостно подскакивал вокруг гостя, но тот, занятый своими мыслями, следил только за тем, чтобы не наступить ненароком на лапу или на хвост.

— Ну, чего ходишь, как неприкаянный? — спросила Аня, едва появившись на веранде.

— Анюта, я вот что... айда, погуляем! — парень разом остановился, мгновенно подобравшись и распрямив плечи. У него были красивые, очень выразительные глаза.

— Вот ещё! — фыркнула Аня. — Делать мне больше нечего.

— Тогда давай — на речку, а? Искупаемся...

— Не хочу.

— А в кино? Сегодня фильм хороший, про подводников...

— По-моему, ты уже помешался со своим морем, — Аня уселась на перила веранды. — Тебя ещё что-нибудь, кроме моря, интересует?

— Да.

— Что?

— Ты.

Аня чуть не кувыркнулась с перил.

— Ну ты и дурак!

— Пойдём, прогуляемся. Даю честное слово, что о море даже не заикнусь.

— Я не хочу гулять молча.

— Могу говорить непрерывно в течение двадцати четырёх часов на любую заданную тему.

— Ой, врёшь!

— Даже не преувеличиваю.

— Ладно, — Аня приняла величественную позу. — Расскажи что-нибудь интересное. Только не о кораблях и не о море. Что-нибудь про любовь...

— Ноу проблем, — парень уселся рядом с девушкой на перила веранды. — Слушай...

Солнце уже перевалило полуденную вершину, и его свет был тёпел и томителен. Бездонное небо опрокинулось над пригородным посёлком и лёгкий юго-западный ветер гнал по этой обжигающей глаз сини белые облака.

Мужчина сплюнул изжёванную былку и, спрятав записную книжку вместе с ручкой в чемодан, свистнул лежавшему под старым тополем псу:

— Эй, как тебя там? Шарик, что ли?

Мужчина ещё раз свистнул, но пёс, слегка наострив уши, с места не двинулся и глаз не открыл. Всем своим видом он словно бы говорил: "Какой я тебе Шарик? Ты на мою комплекцию посмотри, прежде чем обзывать".

Мужчина подошёл к псу и слегка потрепал того за ухом.

— Это Боцман, — сказала белокурая девочка лет десяти, перевесившаяся через соседский забор.

— Боцман? — переспросил мужчина, ничуть не смутившись тем, что его застали беседующим с бессловесным животным.

— Его все здесь знают.

— Надо же! Никогда не подумал бы, что из милого игривого щенка вырастет такой лохматый флегматичный хиппи.

— Вы, наверное, к тётё Ане приехали? — спросила девочка, ещё больше свешиваясь через забор.

— Я стучал, но никто не открыл.

— А вы громче. У них всегда кто-нибудь есть дома.

Подойдя к разрисованным несуразными ромашками воротам, мужчина вновь принялся стучать — на сей раз уверенней и настойчивей.

В ответ лязгнула металлическая щеколда и находившаяся сбоку калитка медленно отворилась. За ней стояла женщина в обсыпанном мукой переднике: ещё не старая, с красивыми серыми глазами на усталом лице. Она молча смотрела на мужчину, который, похоже, не знал, что сказать.

Флегматичный пёс, отряхнувшись, подошёл к своей хозяйке.

— Не нужно было тебе приезжать, — произнесла, наконец, женщина.

— Здравствуй, — отозвался мужчина, виновато переступив с ноги на ногу. — Я хотел повидаться.

— Я не хочу никого видеть... Уходи...

— Но...

— Уходи! — вскрикнула женщина и с грохотом захлопнула калитку, едва не прищемив нос зазевавшемуся псу.

Мужчина с чемоданом в руке продолжал задумчиво стоять у ворот: он даже не вздрогнул, когда грохнула калитка. Пятипалый кленовый лист опустился ему на плечо, задержался на какое-то время и соскользнул вниз, на землю.

Дочитав до конца главы, мальчик заложил книгу оборванной веточкой полыни и нехотя поднялся с насиженного места. Слегка подсохший на солнце прибрежный песок взялся сверху хрупкой корочкой, но глубже всё ещё оставался волглым, и поэтому следы на нём отпечатывались чётко, как в лунном реголите.

В густой тени под ивой стояло пластмассовое ведро с сегодняшним уловом. Там же была старая консервная банка с червями. Мальчик перочинным ножом вырыл ямку у самых корней ивы, вытряс туда червей, засыпал сверху землёй, затем спустился к реке и, набрав в банку немного воды, вылил её на то место, где зарыл червей.

Пустую консервную банку он положил в сумку, туда же аккуратно уложил книгу. Удочку приторочил к сумке. Рюкзак в данной ситуации был бы удобнее, но мальчик не любил рюкзаков, предпочитая им прочную сумку от противогаза, носившуюся через плечо.

Высокое солнце припекало ему затылок и спину, но воздух здесь, у реки, был сырой. Вдоль берега мальчик дошёл до обрыва, образовавшегося там, где река, выгнув упругий хребет, тёрлась им о голый, не защищённый кустарником склон. Обрыв был довольно высокий для здешних мест — метров семь или восемь. Подойдя почти к самому краю, к мясистой трещине в мягком дёрне, которая намечала, какой толщины пласт рухнет в воду во время очередного весеннего паводка, мальчик увидел далеко внизу лежавший поперёк измелевшего русла бетонный столб — его погнуло, словно пластилиновый. Года через два, когда нанесёт песка, здесь образуется отмель.

Постояв на юру, мальчик направился по просёлочной дороге, широким полукружьем ведшей к пригородному посёлку. Примерно на полпути, посреди "однородных" картофельных полей, высилась плотная купа огромных, в полтора обхвата, тополей. Ещё на подходе к ним мальчик почувствовал под ногами шорох палой листвы и хруст обломанных ветром

веток, а в воздухе отдалённый невнятный шум. Шум рос вместе с приближающимися деревьями, пока не превратился в сплошной гул, напоминающий морской прибой. Высокие тополя качались в такт, словно мачты парусного судна, идущего при небольшой килевой качке. Мальчик знал, что если смотреть вверх, на волнуемую от ветра тяжёлую зелень достаточно долго, возникает ощущение оторванности, похожее на лёгкое головокружение — словно плотная поверхность просёлочной дороги постепенно исчезает из-под ног, и ты повисаешь в пространстве. Но сегодня мальчик не стал долго смотреть вверх. Сойдя с дороги и перебравшись через широкую канаву, он подошёл вплотную к тополям. Провёл ладонью по стволу одного из “патриархов”. Кора была грубой, как затвердевший цемент, и вся покрыта глубокими трещинами. Даже не верилось, что в этом окаменевшем ископаемом ещё может теплиться жизнь. Но жизнь упорно прорастала сквозь старческую коросту тонкими желтовато-зелёными веточками. Да и внизу, у корней, было много молодой поросли.

За тополями виднелась ровная площадка, по которой были разбросаны какие-то ржавые детали от тракторов, старые плуги и сеялки, пустые консервные банки, чьи-то кости (мальчик надеялся, что не человечесьи), прочий мусор. В склоне холма, ограничивавшего эту площадку с противоположной стороны, была вырыта землянка (вернее, неглубокая пещера, над входом в которую сделан деревянный навес): здесь весной, во время сева, и осенью, во время уборки, отдыхали сезонные рабочие.

Постояв в тополях, мальчик вновь вышел на просёлочную дорогу. Справа от него уходило в даль заброшенное, много лет кряду не паханное поле; высоченные кусты полыни торчали по всей его площади, как баобабы посреди африканской саванны. Слева же, в глубокой котловине, заросшей красноталом, виднелась зеленоватая жижа, в которой с наслаждением плескалось утиное семейство — мама-утка и четверо подростков-утят.

Далее дорога взбиралась вверх по крутому склону речной поймы. Идти стало тяжелее: не столько из-за самого подъёма, сколько из-за многочисленного мусора, попадавшего под ноги. Мальчик то и дело спотыкался об обломки кирпичей или пустые пивные банки. Да ещё ведро с уловом и тяжёлая сумка от противогаза, оттягивая плечи, мешали держать равновесие.

На самом верху, у развилки, лежал перевернутый вверх днищем искореженный троллейбусный кузов. Ни колёс, ни двигателя, ни сидений давно уже не было, только лобовое стекло уцелело каким-то чудом и даже не выглядело грязным. Юго-западный ветер, дувший теперь в лицо, донёс запах нагретого солнцем железа и человеческого дерьма. Желая выйти из зоны химического заражения, мальчик описал небольшую циркуляцию, как корабль, у которого заклинило руль на левом галсе, но тут из-под ворот ближайшего особняка выскочила мелкая брехливая шавка на трясущихся лапках и радостно кинулась на нарушителя своих территориальных вод. Пришлось ретироваться к развилке, а затем идти другой дорогой — по самой окраине посёлка, вдоль высокой земляной насыпи промышленного отстойника.

Когда мальчик был совсем маленьким, он думал, что этот отстойник и есть то самое “море”, о котором постоянно говорят взрослые и в котором его отец плавает на большой подводной лодке. Он был абсолютно убеждён в этом. И очень разочаровался, узнав, что атомный подводный крейсер, которым командовал его отец, просто не поместился бы в столь мелкий водоём.

На земляной насыпи отстойника рос клевер. Мальчик замедлил шаг, всматриваясь, но ни одного четырёхлистственного не нашёл. Почему-то это обстоятельство огорчило его, хотя он вовсе не был суеверен.

Возле асфальтированной дороги, делившей пригородный посёлок на две неравные части, молодой парень в потёртых джинсах, чёрной бандане и чёрной майке с надписью "Kill me!" пас овец. Вернее сказать, наблюдал за овцами, сидя на склоне отстойника и слушая что-то душещипательное через наушники плеера. На лице у него блуждала улыбка просветлённого Будды. Тем временем старый большерогий баран, щипавший бурьян несколько в стороне от остальных, добрёл до бетонного водостока, заглянул в него и, не долго думая, сиганул вниз. Тут же вся отара, как по команде, попрыгала следом. Овцы сгрудились в тесном водостоке, удивлённо таращась друг на друга и отчаянно блея. Матерясь на чистейшем аглицком языке, пастух бросился спасать своих заблудших агнцев.

Полюбовавшись какое-то время спасательной операцией, мальчик пересёк асфальтированную дорогу и пошёл знакомым проулком к видневшимся невдалеке воротам с аляповатыми ромашками. Необъяснимое чувство стеснённости и потерянности постепенно охватывало его, хотя в проулке никого не было, кроме соседской девочки, сидевшей на кирпичном заборе. Свет клонившегося к западу солнца запутался в её белокурых волосах.

Мальчик постарался пройти мимо, сделав вид, что смотрит в другую сторону: ему не хотелось ни с кем говорить сейчас.

— К вам гость приходил, — сообщила девочка, хитро сощурившись.

— Ну, — буркнул мальчик, продолжая идти к воротам.

— Мужчина в военной форме.

Мальчик резко остановился, мгновенно выпрямившись и подобравшись.

— В военной? — переспросил он. — В армейской или во флотской?

— Я не понимаю, — растерянно произнесла девочка и тут же добавила, словно оправдываясь:

— Он с Боцманом разговаривал. А твоя мама почему-то разозлилась и так калиткой хлопнула, что земля задрожала.

— Он ушёл?

— Постоял немного. Потом ушёл.

— О чём они говорили с мамой?

— Ни о чём. Просто твоя мама сказала, что не хочет никого видеть и чтобы он уходил... По-моему, она зря так... У него глаза добрые...

— Не твоё дело! — мальчик стремительно шагнул к воротам, давая понять, что разговор окончен.

— Дурные вы, — девочка скорее удивлённо, чем обиженно смотрела на его угловатую фигуру. — Думаете, раз я маленькая, то ничего не понимаю?

Мальчик не ответил. Он внезапно подумал совершенно о другом: возможно ли описать какую-нибудь местность и людей, и всё, что с ними связано — всё, что они чувствуют и думают, так, чтобы каждый пережил это как своё личное воспоминание? Возможно ли это?

И ещё...

Он подумал, что теперь знает, куда будет поступать после школы.

С юго-запада, со Средиземного моря шла тёмная грозовая туча.

г. Костанай.

Анатолий БОЛОБОНКИН

Лихолетье девяностых

Плыви, мой чёлн

Громко хрустнуло весло,
лодку в море понесло.
Я остался без руля —
без парткома и Кремля.
Я остался среди волн,
и куда закинет чёлн
океан седой воды,
к берегам какой беды?
Ничего, не пропаду,
по звезде свой путь найду.
Не по той, что на Кремле
предвещала свет Земле,
обещала общий рай:
всем единый каравай,
чтобы каждый, как хотел,
ел да пил, да песни пел.
Небо в звёздах неспроста.
Грустно с чистого листа
начинать дальнейший путь
в темноту, куда-нибудь.
И душа меня спросила:
отчего сложил крыла́, —
всё же дальняя Россия
предкам родиной была?..
Что я ей ответить мог?
Выгребаю свой челнок
По одной своей звезде...
Берега — они везде.

Состояние тревоги

Состояние тревоги —
ожидание дороги,
писем горьких, телеграмм,
ни про что семейных драм,
ощущение болезней —
в теле движущихся лезвий,
несвободы, нищеты,
неисполненной мечты.
К телевизору присел бы,
но стреляют в сербов сербы,
держат руку на ремне
в исстрадавшейся Чечне.
Выпить водки?
Это можно.

Но опять в душе тревожно:
выпить малость — ни к чему,
перепьёшь — беда всему.
Осень в думах, осень в жизни,
панихида по Отчизне —
к нам сиявшая звезда
закатилась навсегда.
Старики бредут, старушки,
инвалиды, побирушки,
словно год сорок шестой —
дымной горечи настой.
Вот одна с витриной рядом
останавливает взглядом...
Что подать ей, что сказать?
Не моя ли плачет мать?
Отживает поколение,
догорает, как поленья,
вся судьба измолота...
Недорезаны серпом,
недобиты молотом.

Какая чудная луна,
как докрасна накалена!
Едва отлил её завод
и запустил на небосвод.
Какая страшная луна!
И чем наполнена она?
И жуть берёт — не упади,
ведь всё прошло, всё позади,
мы ж не для этого, не для...
Какая хрупкая Земля.

Давно блуждаем, как в лесу,
не увидеть цветка зарницы.
Свое «ау!» не донесу —
кругом столбы, везде границы.
Уж такова, наверно, жизнь:
ударит ветер злым порывом —
и провода оборвались,
и нету сил искать порывы.
Когда же небо рассвело,
улёгся гром с глухим урчаньем,
мы в телефон кричим: «Алло!» —
а на другом конце молчанье.
В душе смятение растёт,
а мысли — лающая свора,
что от тебя никто не ждёт
ни телеграмм, ни разговора.

День ото дня, из ночи в ночь
баюкай собственное сердце,
не в силах сам себе помочь
и от себя куда-то деться.
Овладевает горечь мной
с каким-то жёстким постоянством,
как будто я, как шар земной,
лечу в холодное пространство.
Неизмерима высота,
и глубина неизмерима,
и подступает темнота
со всей жестокостью звериной.
Двадцатый век, печальный мир,
кромсает судьбы, жизни рушит,
мольбою полнится эфир:
«Спаси... спасите наши души!»

Осень берёт своё.
Кружит над городом вороньё.
Чёрной книги страницы листает
чёрной магии чёрная стая.
Крики вороньи всё глуше и глуше —
прочь отлетают чёрные души.
Мир в ожидании перерождения.
Кончилось лето. Идёт очищение.
Время берёт своё.
Что накаркает вороньё?

Я никого не оскорблю,
сказав, что Бога нет.
Об этом сам давно скорблю,
пожалуй, тыщу лет.
Так мало платят по труду,
а значит, мало ем..
Кому пожалуюсь пойду,
кому печаль повем?

Баллада об икре

Юрию Леонову

Как молодели тело и душа,
когда икру едали мы от пуза,
горбушу сахалинскую круша,
во здравие Советского Союза!
В крови томленье — где бы на авось,
без вех, чутьём определяли мели,
ведь каждый себя чувствовал — лосось! —
и девки изумительно балдели.

Была икра, как семечки, считай.
По руслу рек стеною рыба пёрла,
в конце пути ей был обещан рай.
И чайки хрипом надрывали горла.
Бери, пластай, бросай икру в туес,
готовь тузлук, а значит, всё в ажуре.
Вплотную подступает хмурый лес
каким-то чудищем в мохнатой шкуре.
Здесь столько разной птицы и зверья!
Река-кормилица, всегда полно в ней снеди,
все норовят урвать, и каждый рянь —
вороны, чайки, люди и медведи.
Года сплетались, прессовались в круг,
и таяли, и где-то мёрзли в зимах...
Но я встречал знакомую икру
по всей стране, в различных магазинах.
Вкушая бутерброд за тощий рубль
в сопровождении стограммовой нормы,
я сознавал, что был когда-то груб:
икра не корм, хоть мы считали кормом.
Не корм она — мечта, деликатес,
в ней солнечный огонь незримо бьётся,
икра, как золото, давно идёт на вес,
а золото мне в руки не даётся.
И вот настало время, что в игру
мы втянуты всей сутью поневоле...
Могу я заработать на икру
из кабачков...
Ну что ж, и тем доволен.

Послание

Стою в раздумье и смотрю в окно.
Шепчу тебе в пространство —
благодарствуй!
Хоть светит солнце нам пока одно,
Но мы, увы, два разных государства.
Не передать тепла твоим рукам.
Не правда ли, знакомая картина:
давно грустим по разным берегам,
тот самый дуб и ты, его рябина.
Пусть ни к чему весь этот разговор,
но как уйти от горестного спора? —
не кинуть мне цветы тебе во двор,
так высока вокруг стена забора.
И не начать всё с чистого листа.
Напрасно ждать, что вот придёт мессия,
тогда пикеты снимет Казахстан
и уберёт шлагбаумы Россия.
Как просто всё, что рвётся сгоряча.
Но скажешь ты: на то была причина...

Гори, гори в твоём окне свеча,
в моём гори печальная лучина.
Что наша жизнь? Оттуда не видна.
Пусть обо всём поведает посланье:
за грохотом степного табуна
услышь моё обиженное ржанье.
И если всё поймёшь, то Расскажи,
конверт отправив почтой голубиной,
как лес осенний хмурится в тиши,
и рыба ищет волжские глубины.
И не забудь поклоны сотвори,
прервав на время слов скупых вязанье,
один, сердечный, в сторону Твери,
другой, прощальный, в сторону Рязани.
Как просто всё, что рубится сплеча.
Но скажешь ты: на то была причина...
Гори, гори в твоём окне свеча,
в моём окне — печальная лучина.

Мироощущение

Крестили меня по обычаю,
В купели святой воды.
Сединки струились вычурно
От священниковой бороды.

Носили меня к причастию,
И сквозь годов глухоту
Память хранит участливо
Первую сладость во рту.

А впрочем, усилий не множили,
И время было таким,
Что рос я в святом безбожии,
Считая весь мир своим.

По-детски нашёл признание,
Что всё, что войной нанесло —
Не боги шлют наказание,
А люди посеяли зло.

И с детства я мысль эту вынынчил,
И сплёл её в прочную нить,
Что некие змеи-горынычи
Мешают работать и жить.

Чтоб силы набрать, добрый молодец,
Готовясь вступить в борьбу,
Распял на серпе и молоте
Себя и свою судьбу.

Смешно, будто мир изменится,
Лишь стоит усвоить устав...
В борьбе с ветряными мельницами,
Как многие, я устал.

А дни не вернёшь, они прожиты,
Недетской печалью томим,
Хочу, чтоб в святом безбожии
Остался весь мир моим.

Все люди — единая братия,
Хоть как их дели, разделяй...
Не верю богам и партиям
За их обещанный рай.

Мираж

Ты вроде есть и вроде нет —
туман болота,
и этот белый в небе свет от самолёта.
Возникнешь вдруг издалека,
но как-то странно,
как та бегущая строка
с телеэкрана,
автобус тот, что проскочил
черту запрета.
Звезда, упавшая в ночи, —
не ты ли это?
Рванула молнии рука
туч грозных тело,
вспорхнула бабочка с цветка
и улетела.
А мне всё слышатся шаги
стихов не спетых...
Вот были на воде круги —
и больше нет их.

Суицид

Тихо плавится лучина,
иллюзорно в свете дня,
отчего неразличима
диалектике огня?
Связь логична и причинна —
как века ни вороши,
до конца неразличима
диалектика души.
Что сгорит, не повторится,
байки эти — просто чушь!
На алтарь чего ложится
бессловесный пепел душ?

Петля, яд — уйти отсюда,
жизнь не стоит ничего:
диалектика абсурда
нам понятнее всего.
Кто на очереди смелый?
Жил не жил — исход простой —
задавил закуржавелый
социальный домострой.
Оттого и жаль лучины,
что сгорает без огня...
Диалектика причины
различима в свете дня.

Рассвет

Утром ранним, утром синим
Ветры прячутся под крыши,
И тревожный крик гусиный
Далеко в раздолье слышен.
За пустыней, за холмами
Солнце брызнуло лучами —
Пролилась опять над нами
Радость светлыми ручьями.
День встречаешь, ждёшь весну ли,
В ожиданье — грусть надежды,
Как бы вновь не обманули,
В чём обманывали прежде,
Как бы к зорям апельсинным,
Всей душой приемля вылет,
На призывный крик гусиный
Широко расправить крылья.

Стихи посвящаю самому себе,
Проведшему жизнь в суровой борьбе,
И снова идущему в тяжкий бой...
С самим собой.

г. Жезказган.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Трудовая династия Зенченко

Время и судьбы

Многим казахстанцам хорошо знакомо имя Геннадия Ивановича Зенченко. Ничего нет удивительного в том, что он волей судьбы и обстоятельств стал крупным хозяйственником, продолжая добрые традиции своих предков. Сегодня рядом с ним трудятся сын Геннадий Геннадьевич и внук Иван. Если Геннадий Иванович — генеральный директор ТОО “Зенченко и К”, то сын — исполнительный директор.

Геннадий Иванович — талантливый, энергичный, по-государственному мыслящий руководитель, который живёт думами о будущем Казахстана. Год назад указом Президента РК он одним из первых удостоен новой высокой награды — звания Героя Труда нашей страны.

Будет хлеб — будет песня

Трудно найти человека, который, проезжая автомобильной трассой Петропавловск — Костанай, не остановился бы у населённого пункта Новоникольский. Ещё бы! Это один из бывших крепких совхозов советского периода, который не только сохранил свой облик, хорошие традиции, но и преобразился, приумножив своё богатство. Как в капле росы высвечивается луч солнца, так и в судьбе здешних сельчан отразились большие перемены.

Одной из первых ласточек нового тысячелетия назвал товарищество “Зенченко и К” Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев в ходе ознакомления с этим хозяйством.

Действительно, агрофирма Зенченко — одна из лучших в нашей стране.

Об этом и других актуальных проблемах нынешней жизни шёл наш разговор в кабинете генерального директора.

Геннадий Иванович хоть уже и в возрасте, но выглядел стройным, подтянутым, сохранившим бравую выправку, добродушие, оптимизм.

Касаясь насущных дел агрофирмы, её руководитель не без основания заметил, что успехи в любой работе не рождаются из добрых пожеланий, а начинаются с конкретного труда, реальных шагов, результатов. Ведь не случайно гласит пословица: “Жизнь без труда — что погасший огонь”.

“Есть три вещи, которые унижают человека, — писал великий Абай, — это невежество, лень и злодеяние”. Нельзя порхать, словно бабочки-однодневки, и ждать неожиданных подарков от жизни, а самому делать её. Не бредить всякого рода модными словами: “новый казах”, “новый русский”, заниматься болтологией, а пора ставить неиспользованные потенциал и богатства на службу людям. Ведь для этого у нас есть все возможности. Мы — не мечтатели, мы — реалисты. Посудите сами, Казахстан — богатая страна, богата не только сырьём и другими природными богатствами. Давайте из этого исходить, — рассуждал Геннадий Иванович. — Прежде всего страна богата “человеческим капиталом” — обилием образованных, квалифицированных людей.

Чего греха таить, многие из них сидят без работы, сложа руки. Почему бы не подключить их знания и гражданскую энергию к преобразовательному процессу, мы тем самым создали бы качественно новое состояние нашего общества. Чего ждём? Право на свободу, право на самостоятельность, на “самобытность” — как на возможность “самому быть” человеку, региону, всему обществу мы получили с образованием суверенного Казахстана. Это заложено в основополагающих законах республики, в выступлениях главы государства, в его Посланиях народу.

Эту возможность нам в хозяйстве удалось использовать, пусть не сразу, но, как говорится, зерно “свободы”, упавшее на благодатную почву, проросло здоровым колосом, тем самым мы избежали развала совхоза. Может быть, кто-то думал, что и наш совхоз, как и другие, станет “тришкиным кафтаном”, но мы этого не позволили, сохранив базу. Не секрет, что даже многие бывшие совхозы-миллионеры, потеряв всё доброе нажитое, нынче страдают. И сколько их уже разорилось? Не в этом ли истина пословицы: “Что имеем — не храним, потерявши — плачем”?

Подчеркну, — продолжал Геннадий Иванович, — управлять хозяйством в современных условиях не так просто, это целая наука, а ответы на вопросы в учебниках не найдёшь. От любого руководителя многое зависит, я бы сравнил его с лоцманом, который в бушующем океане уверенно ведёт свой корабль к берегу.

А ведь было время, когда я крутился, словно белка в колесе, теряясь в круговерти дел и забот. Без сна, без отдыха. Конечно же, ища пути решения множества проблем, звёзд с неба не хватало. История как бы сама помогала заглянуть и в прошлое, в частности, на опыт моего отца — бывшего председателя колхоза, директора совхоза, и в будущее, и в этой связи она поучительна. Она подталкивала порой к неординарным решениям. Сами знаете, вехи человеческого прогресса всегда измерялись конкретными делами. Но, как говорят, факты — упрямая вещь: наши ожидания превзошли невозможное.

Следуя народной поговорке “Цыплят по осени считают”, — с удовлетворением отметил Зенченко, — в прошлом году мы собрали отличный урожай — в среднем по 31 центнеру зерна с гектара.

Что касается посевных площадей, то у нас 21 000 гектаров колосовых культур, кукурузы — 2 100 (и это только на силос), картофеля — 230 гектаров. А помидоры, огурцы, морковь, свёкла, лук и другие овощные культуры занимают 23 гектара.

У нас мощный технический парк — комбайны суперсовременные, комфортабельные, и не жаль денежных средств — машины того стоят.

Товарищество располагает и собственным элеватором, ёмкостей хватает для единовременного хранения зерна, но на перспективу необходим более современный элеватор. Думаю, что он будет в ближайшее время построен.

Забота о кормах для скота у нас первостепенная, — и тут генеральный директор обратился к цифрам. В хозяйстве 6000 голов крупного рогатого скота, 2000 — дойный гурт. Надои от коровы составляют в среднем 5800 литров молока в год, но теперь большое внимание уделяем не только количеству, но и повышению качества молочной продукции, её жирности. В животноводстве успешно внедрены передовые технологии. Ушли в прошлое лопаты и вилы — механизмы подают корм, производят очистку помещений. Фермы — образцовые. Один молочный комплекс голландско-немецкий, второй — канадский. Например, голландская технология позволяет молоку храниться без консервантов в бутылке до 6 месяцев и не портиться.

Есть и прекрасная конеферма.

Производственные дела у нас в Новоникольском не заслоняют социальную сферу, напротив — ей отдаётся приоритет. Все рабочие обеспечены жильём, в целом дома — комфортные. В них тепло, так как отапливаются централизованно. Нет проблемы и с питьевой водой. Есть в селе свой ресторан, столовая, где блюда вкусные и стоят недорого. Круглый год на столах у сельчан помидоры, огурцы, лук и другие овощи, выращенные по голландской технологии.

Оказываем помощь ветеранам. Выделяемая для них сумма составляет 23 млн тенге в год. Особый у нас подход к участникам Великой Отечественной войны.

Работа работой, однако не забываем и об отдыхе своих тружеников. Все они ежегодно отдыхают бесплатно либо в Казахстане, или за его пределами. Вот недавно несколько лучших работников ездили в Египет за счёт хозяйства. И для молодёжи созданы все условия, потому она держится за село.

Не забыты и дети — для них функционирует спортивная школа.

Нет в селе безработных. А безработных в сельской местности вообще не должно быть, — Геннадий Иванович сделал особое ударение на слове “безработный”. — На мой взгляд, понятия село и безработный — несовместимы. Я уважаю трудолюбивых, за это воздаю им должное, помогаю. А лодырей презираю, нет им места в нашем коллективе. Кто как думает, но это для меня аксиома. Наверное, и потому жители Новоникольского вот уже несколько лет не знают что такое хулиганство.

Это, так сказать, текущие дела, но нельзя не замечать, что с каждым годом проблемы становятся всё сложнее. И для того, чтобы не отставать от жизни, нужно постоянно заглядывать хотя бы на несколько лет вперёд, ставить перед собой стратегические задачи, учитывая перспективы развития страны.

Ведь любому непредвзятому человеку видно, что вектор преобразований, проводимых нашим Президентом во всех сферах жизни, нацелен в будущее, не на выживание, а на создание сильного, процветающего государства, — убеждённо говорит Зенченко.

Патриотизм не воспитывается сам по себе

— Мне как депутату областного маслихата и как руководителю, постоянно приходится встречаться с разными людьми — со своими характерами, судьбами, жизненными принципами. И, анализируя эти встречи, невольно задумываешься: всё-таки как же отличаются у людей установки в этой жизни! Одни как будто живут в другой стране, под другим небом, воспитывают детей, обустраивают жильё, работают, думают о перспективе. Другие живут в ожидании какого-то “розового” времени, жалуясь на то, что всё плохо, кругом хапуги, взяточники, в стране сплошной бардак. Ещё, мол, начальники не думают о людях, занимают позицию “пофигизма” и т. п. Вот таким ещё раз приходится напоминать о том, что на дворе другое время и другая жизнь, хватит ждать помощи от кого-то, мол, добрый дядя придёт — накормит, оденет, обучит.

Всё познаётся в сравнении, — продолжает Геннадий Иванович. — Помните 90-е годы, когда в одночасье распался Советский Союз, рухнули экономические связи, мы остались с пустой казной, прилавки в магазинах оказались пустыми. Люди метались в поисках насущного хлеба, выстраивались длинные очереди за куском колбасы. А пенсионеры месяцами

не получали законную пенсию. Но ведь всё это осталось в прошлом, произошли разительные перемены. Как сегодня можно не работать, не думать о завтрашнем дне? Или быть нахлебником у родителей, дедушек, бабушек и жить за счёт их пенсии. Мне вспоминается персонаж из рассказа Антона Чехова “Нахлебники” Михаил Зотов. Помните, когда ему сосед советует идти в богадельню или приютный дом, тот сразу возражает:

— Зачем? У меня родня есть. У меня внучка Глаша, дочь племянницы Катерины. Она обязана меня кормить! Ей мой дом останется, пускай же и кормит. Возьму и пойду к ней.

Так рассуждает чеховский мещанин. И среди людей нынешнего века есть такие, которые мыслят как Зотов. Пускай же их кто-то кормит.

Примеры свидетельствуют о том, что у значительной части людей, особенно современной молодёжи, отсутствует тот культурно-нравственный фундамент, столь необходимый в деле воспитания настоящего патриота Родины. У многих ещё потребительское отношение к жизни, — делится своими раздумьями Геннадий Иванович. — Считаю, что у наших граждан, особенно у солдат, сержантов, офицеров Вооружённых Сил, основным параметром духовного потенциала всегда должен быть патриотизм. Идея патриотизма должна жить в сердцах и умах каждого человека. Он сам по себе не воспитывается. Ведь Казахстан — наша общая Родина и наш общий долг — вносить вклад в укрепление обороноспособности страны.

Армия — школа жизни, полк — родной дом

— “Армия — школа жизни, дело настоящих мужчин” — это понятие для меня всегда являлось священным. Теперь об этом некоторые говорят с глубокой иронией, пытаются “закосить” от воинской службы, спрятавшись под крыло “крутого” папы или мамы. Такое отношение раньше считалось аморальным, безнравственным, если человек без уважительных причин не отслужил в армии. На них и девушки смотрели с презрением. К сожалению, и сейчас ещё можно услышать о том, что в какой-то части солдат дезертировал из-за дедовщины. Уму непостижимо. Что за нелепость! Нужны ли армии такие солдаты, которым не то что Родину защищать, на свободе находиться не следовало бы?

— А какая была обстановка в армии, когда вы служили? — интересуюсь у Геннадия Ивановича.

— Не скрою, мне до сих пор приятно вспоминать о том времени. Я проходил срочную службу в одной из танковых частей Белорусского военного округа. Это было в конце 50-х годов. Тогда мы служили три года. Мне, крестьянскому пареньку, служба пришлась по душе своей требовательностью, уставным порядком. Тем более, я в армию призвался, уже имея трудовую закалку. Работая молотобойцем, выхватив из огня добела раскалённую заготовку, бросал её на наковальню и, поворачивая клещами то вправо, то влево, бил молотом по горячему металлу, радовался, что деталь выходит надёжной. С утра и до позднего вечера слышались над посёлком звонкие удары молота.

Что касается армии, то полк стал для меня родным домом, настоящей школой дружбы, взаимовыручки. Командир части подполковник Васильев, фронтовик, Герой Советского Союза, был нашим воспитателем, если хотите, отцом. Гордились мы своим командиром — человеком-легендой, старались ни в чём не подводить.

То, что мы, танкисты, а танкисты — главная ударная сила Сухопутных войск — было для нас высокой честью. Высокая техническая оснащённость, огневая мощь, быстрота и натиск позволяли нам выполнять любую задачу.

В нашу бытность мы и не представляли, что такое дезертирство, дедовщина. Но зато день за днём настойчиво учились военному делу. Ведь военная удача сама по себе не приходит — это венец сноровки, знаний и опыта, добытых на занятиях и учениях. В успехе любого подразделения есть прежде всего заслуга командира. А командир обязан быть во всём примером. Я, исполняя обязанности командира танкового взвода, удостоился различных поощрений, в том числе три раза краткосрочного отпуска с выездом на родину. В частности, сам командир дивизии лично поощрил отпуском за отличную стрельбу.

— Не поверите, мои родители не могли нарадоваться такому успеху, — улыбается Зенченко. — И каждый раз отпуск проводил на казахстанской земле, в кругу родных. А уволился в запас в звании младшего лейтенанта (окончив офицерские курсы), окрепшим, возмужавшим, имея разряды по шести видам спорта. Да, образ жизни, взгляды, гражданская позиция — всё это формировалось и за годы армейской службы. Не только в песнях, но и на деле Советская Армия и Военно-Морской Флот были доблестными и уважаемыми в народе.

Такого же мнения и мой близкий сослуживец Леонид Швайбович. Долгое время от него не было вестей. Когда с ним состоялся телефонный разговор, я сразу же по голосу узнал своего однополчанина.

— Привет, брат! — звонко крикнул Леонид в трубку телефона.

А звонил он из Белоруссии. Вот такие-то счастливые минуты запоминаются больше всего в жизни. А затем мы с ним встречались на его родине, побывал я и в своей части, где когда-то служил.

Что касается сегодняшней армии, то немало говорится о профессионализации её, о привлечении на воинскую службу контрактников, — возражений нет. Дело хорошее, однако надо учитывать, что в настоящем бою победит в конечном счёте не простой наёмник, служащий за деньги, а убеждённый в правоте своего дела профессионал. За деньги убивают, но за деньги не умирают. Поэтому прежде всего надо думать о воспитании истинного патриота Казахстана. Очень важно понять: патриотизм не может возникнуть на голом месте, стихийно. Так или иначе, но любые задачи решают люди. И есть твёрдая уверенность, что нынешнему поколению командиров, офицеров-воспитателей эти задачи вполне по плечу. Главное, что сегодня проблемы армии не остаются вне внимания главы государства — Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами.

Вообще-то про таких, как Зенченко, говорят: военного роду-племени. Дед его был участником русско-японской войны, отец воевал в составе Красной Армии, дядя — участник Великой Отечественной войны, сам Геннадий Иванович тоже получил армейскую закалку.

“Мы все войны шальные дети...”

— Мысленно перелистывая страницы своей жизни и особенно детства, нелёгкого, подчас очень грустного, я всё же с благодарностью вспоминаю минувшие годы, — говорит Геннадий Иванович. — Они закалили, а главное — научили меня трудолюбию, ответственности, научили ценить людей, любить Отчизну.

Дед Емельян
Филиппович.

ти украинские, казахские, русские песни. Пели их, идя на работу, возвращаясь оттуда. С уходом мужчин на фронт посёлок опустел...

И хотя минуло уже 65 лет с того победного дня, но цепкая память и ныне хранит впечатления военных лет. Помню, была поздняя осень, зарядили дожди, а мы с мамой ходили по полю, собирали мороженую картошку. Промокли насквозь. Временами мама варила свёклу или ботву от неё. Кошмарно долго тянулись полуголодные дни, есть хотелось постоянно. Каждый раз разрезали кусочек хлеба на множество крохотных частей, чтобы съесть не в один присест, а растянуть удовольствие. И прав поэт, сказав следующее:

*Наш провиант — осьмушка хлеба,
Картофелина на обед,
А на десерт нам слало небо
Окрашенный мечтою свет.*

Дядя Лука
Емельянович.

Фронтовые известия были тревожными. Дядя Лука, который ушёл воевать, редко присылал письма отцу. Если приходили от него весточки, то они были короткими: «Дерёмся ожесточённо, защищая Сталинград. Здесь не поле, бои идут за каждую улицу, дом, подвал. Страшно подумать, земля пропитана человеческой кровью...».

И вот в наш дом пришла страшная весть о героической гибели брата отца Луки Емельяновича. В то время я не представлял, что такое «похоронка». Отец с мамой оплакивали утрату, а я с тревогой смотрел на них. Ощущение было такое, словно на шее затянули петлю. Я во всём, как мог, помогал пережить горе. Позже, когда

«Мы все войны шальные дети...» — поётся в песне о Великой Отечественной войне. И это очень верно. Сегодня нынешней молодёжи это понять трудно, но та народная война нас, мальчишек, быстро делала взрослыми. Она укоротила наше детство. Сначала мы не понимали, что война — не детская игра, в которую мы довольно часто играли. Хотели быть похожими на героев гражданской войны Чапаева, Щорса, Котовского...

Северный Казахстан, где я родился и вырос, хотя был вдали от фронта, но мы чувствовали дыхание войны. Она быстро откладывала свои отпечатки.

До войны, — как рассказывали мои родители, наш посёлок Щучинск ещё не являлся городом, был многонациональным, многолюдным, дружным и весёлым. В семьях было принято петь, несмотря на то что жили небогато. Звучали полные светлых надежд и гру-

Отец Иван
Емельянович.

дядя прибыл в отчий дом на костылях, неопишущей радости не было предела: он всем смертям назло выжил.

Если дядя Лука бил фашистов на фронте, то мой отец Иван Емельянович в тылу, так сказать, подпирал фронт. Будучи директором совхоза, он днём и ночью жил заботами об уборке урожая, сборе до единого колоска зерна и отправке хлеба, другого продовольствия на фронт. Он часто бывал на железнодорожной станции. Однажды я поехал с ним на станцию и на всю жизнь запомнил, как женщины провожали своих сыновей на передовую. Небольшой вокзал, окрашенный в казённый цвет, был набит людьми. Я стоял в замешательстве среди толпы, глядя на женщин, утирающих слёзы.

Когда по перрону разнеслась команда “По вагонам!” — все вывалили на перрон. Здесь же появился солдат-гармонист. Голова его была обмотана бинтом. Поверх повязки едва держалась выцветшая пилотка. На гимнастёрке поблескивал орден Красной Звезды. Заиграла гармошка, на лице солдата появилась горделиво-спокойная улыбка. Растягивая мехи гармони, боец напевал знакомые всем песни “Катюша”, “Смутлянка”. А когда громко запел:

*Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч...*

— женщины заплакали навзрыд.

По перрону вновь разнеслась команда “По вагонам!”. Машинист паровоза с шумом выпустил пар из котла. Огромный “муравейник” зашевелился. В шуме и гаме раздались голоса: “Сынки, добивайте фашистов, возвращайтесь с победой!”. Спустя несколько минут колёса теплушек медленно покатались по рельсам...

Прошли и годы войны. Её окончания все ждали с нетерпением. Мне День Победы представлялся началом совершенно новой красивой жизни. Честно говоря, тогда и не представлял, что и последующие годы будут трудными. Как бы там ни было, в День Победы мы с теплотой и сердечной благодарностью вспоминаем всех тех, кто сломал хребет фашизму. Перед моими глазами всегда светлый образ моего отца, дяди, которые внесли свою лепту в долгожданную победу. Действительно, “это праздник со слезами на глазах... Это праздник с сединою на висках”...

Его считали погибшим...

— Кто в детстве не зачитывался книгами о разведчиках, действовавших глубоко во вражеском тылу?

Что же касается войсковой разведки переднего края, нам об этом мало известно, книг и фильмов тоже немного. Однако хотя она и не решала задачи стратегического масштаба, но так называемые чернорабочие войны выполняли очень важные и ответственные задания. Они, рискуя жизнью, ходили за “языками” через передний край, добывая ценные данные о противнике.

Именно таким разведчиком был мой дядя Лука Зенченко, — с гордостью рассказывает Геннадий Иванович. — Окончив офицерские курсы, он в качестве командира разведывательного взвода принял непосредственное участие в Сталинградской битве.

Как он вспоминал, разведчиков на переднем крае постоянно подстерегала случайная смерть. Если группа идёт на диверсию, тогда порою задача может быть выполнена и без возвращения её обратно. Но если разведке необходимо получить для командования важную информацию о противнике, необходимо во что бы то ни стало вернуться к своим с этими сведениями.

Конечно же, мне хотелось больше узнать, за что брат отца получил ордена Красной Звезды, Отечественной войны, медаль “За отвагу”. Он же ответил, как обычно в таких случаях отвечают все фронтовики: “Мы ведь воевали не за награды”. И добавил, что они стояли насмерть в районе Калача, не пропустив врага к Волге. Всё же об одном эпизоде дядя рассказал. Вот как было дело.

В один из дней Лука Зенченко со своим разведвзводом, проведя конную разведку в окрестностях Калача, оказался на самом острие атаки фашистов. Десятки стальных машин с крестами на борту двигались прямо в его направлении. За танками гордо, как на параде, шла пехота.

Командир разведвзвода, поняв замысел гитлеровцев, которые намеревались взять в клещи горстку бойцов, решил принять бой. Лошадей оставили в лощине. Обращаясь к своим подчинённым, Зенченко сказал, как отрубил: “Настал час расплаты, ждать помощи неоткуда, будем драться до последнего”.

Бойцы сдерживали бешеный натиск фашистов, превращая машины в горящие костры, но и сами выбывали из строя. Лука Емельянович, увидев, что вражеская машина вот-вот прорвётся через них в тыл, кинулся наперерез танку, бросил гранату под гусеницы...

Свистели вражеские пули, угрожающе шипели мины. Прогрохотало несколько взрывов. Вдруг Лука Емельянович ощутил боль под сердцем. Перехватило дыхание, сознание плавало в каком-то вязком тумане. Всё тело охватило озноб. Больше он ничего не помнил, не знал, уцелел ли кто из его взвода. В беспомощности командир пролежал на сырой земле несколько суток.

Кто подобрал его на поле боя и как он оказался в госпитале города Саратова, не знает. Помнит лишь, что врачи спасли его от неминуемой смерти. Они сами были в недоумении, насчитав на его теле 28 осколков. “Лука, ты родился в “рубашке”, — удивлялись доктора, — и остался в живых благодаря тому, что был одет в стёганный полушубок, а ещё червям, которые завелись в ранах. Они оказались своего рода защитой от заражения крови...”.

Удивительно и то, что Луку Зенченко долгое время считали погибшим. Потому-то и отправили его родным похоронку. Бывший разведчик до последнего дня своей жизни носил в спине кусочки металла. При этом держался бодро, не драматизируя всё то, что с ним произошло на фронте. А наоборот, напевал озорную частушку, услышанную ещё в детстве и проснённую через всю жизнь.

От природы он был человеком незаурядным. От предков унаследовал ясный ум, здравый рассудок. От отца-матери перенял трудолюбие, настойчивость, честность. Про него не зря говорили: “Лука Емельянович — настоящий герой, к тому же добрый, отзывчивый, вся душа нараспашку”.

“Сколько бы лет ни прожил, но эта боль никогда уже не пройдёт, — признавался Лука Емельянович. — Из памяти не уходят боевые друзья, оставшиеся на поле боя. И нередко задумываюсь, какое же это благо и счастье мирная жизнь. Как хочется, чтобы у наших детей, внуков было большое будущее и чистое небо над головой”.

Ныне нет рядом с нами этого замечательного человека, фронтовика-разведчика, но добрая память о нём жива, — подчёркивает Зенченко.

Добро рождает добро

— Дело прошлое, но, как говорится, из песни слова не выкинешь, — замечает Геннадий Иванович. — Признаться, перебирая свой архив, люблю рассматривать старые фотографии, на которых запечатлена династия Зенченко

до седьмого колена. Вспоминаются рассказы отца, под впечатлением снимков вновь в моём воображении вырисовывается Харьковская губерния, откуда в далёком прошлом в Казахстан прибыли мои предки. Да, на этой древней земле родились мой отец, дети, внуки, которые украшали и украшают своим трудом этот край. Конечно же, по-особенному дорог Щучинск бывшей Кокчетавской области, ныне Акмолинской, где мы выросли.

Подумать только: когда наступал час великих испытаний, как и многие другие, дед, отец, его брат грудью вставали на пути врага. Они росли в труде, мужали в бою. Прошли через голод, разруху. Выстояли, окрепли. Разве их жизнь — не живая частица истории Отечества? Так, дед Емельян Филиппович храбро сражался на русско-японской войне, был тяжело ранен. Благодаря лекарю-китайцу выжил. После смерти деда мой отец рано познал тяжесть труда, горькую судьбу сиротства. Все заботы о семье легли на его хрупкие плечи, тогда ещё мальчишки.

Иван Емельянович, рассказывая о своей жизни, всегда удивлялся сам себе. “Мы хотели мира, только мира, — говорил он. — Мы же этот мир спасли, только какой ценой. Умирали за эту жизнь молодыми. Страшна война даже в своей обыденности. Из войны, голода, разрухи я вынес веру в неограниченные возможности человеческого духа. И после всего пережитого не знаю, есть ли что-то такое, чего бы человек не смог”.

Да, в жизни отца чего только не было. В 1918 году он заболел тифом. Ему тогда было 17 лет. В тот год колчаковские банды устроили кровавый разгул. Дым пожарищ стелился над аулами и сёлами Северного Казахстана. Белогвардейцы с помощью пуль и виселиц запугивали людей, грабили их, отбирали скот. А молодых парней силком забирали в свои войска. В “лапы” бандитов попал и мой отец. Сбежавших расстреливали на месте. Об этом свидетельствуют исторические документы. Вот строки из инструкции карательной команды 12-го Уральского арtdивизиона: “... По получению сведений о бежавшем, карательная команда отправляется на родину и, в случае поимки бежавшего, немедленно расстреливает его. В случае же обнаружения команда уничтожает имущество, скот и т. д. При этом необходимо убивать кого-нибудь из близких бежавшего, лучше всего — мать...”.

Находясь вдали от дома, Иван Зенченко не находил себе места, думая о матери, близких, родных. Пробыв несколько дней в руках врага, рискнул сбежать. Ночью, когда заснула охрана, он, связав двух колчаковских офицеров, тайком выбрался наружу. И погода соответствовала — моросил дождь со снегом. Удачному побегу помог революционер Макаров. Он же посоветовал, как и что сделать. Его знали многие крестьяне. Среди них Макаров проводил разъяснительную работу, рассказывая о жестокости колчаковской политики. Днём он прятался в тальниковых дебрях на берегах Ишима, а ночью пробирался в сёла.

Неизвестно, как сложилась бы судьба Ивана Зенченко в дальнейшем, если бы не встретился он с другим замечательным человеком — комиссаром Цыганковым — грамотным, интеллигентным, обаятельным, из питерских рабочих. По его рекомендации Иван Емельянович, став бойцом Красной Армии, участвовал во многих боях. Проявил себя храбрым воином.

Видя старание, трудолюбие, настойчивость молодого парня, Цыганков делал всё для того, чтобы раскрыть перед ним мир, направить по широкому и верному пути, по которому твёрдо шёл сам. С этой целью Цыганков добился отправки перспективного красноармейца на командирские курсы

в Петроград. “Иван, будешь человеком, если будешь учиться”, — твердил Цыганков. Но трудное положение в семье, связанное с бедностью, необходимостью иметь кормильца, не позволили осуществить заветную мечту.

“Память ещё об одном добром человеке мне особенно дорога, — говорил отец. — Не забуду тамыра Шаймердена Нургожина, поддержавшего, как кормильца семьи, отдавшего мне коня. Он щедро делился с бедняками всем, чем владел сам. Доброй породы вороной жеребец стал для меня опорой в хозяйстве. На нем возил уголь, зарабатывая деньги, как говорится, на хлеб”.

Но голод, холод, болезни, свирепствовавшие в жилищах бедноты, в том числе в семье Зенченко, требовали иного подхода к жизни. У трудолюбивого, предприимчивого Ивана Емельяновича возникла идея о создании крепкого крестьянского хозяйства на основе семейного подряда.

Но для этого следовало заработать первоначальный капитал. С этой целью Зенченко, проявляя дипломатичность, нашёл общий язык с крупным предпринимателем из Англии Берхом, представлявшим свою страну на казахской земле. Деляна в лесном массиве, принадлежавшая Берху, нуждалась в рабочей силе. Вот и пришлось Ивану Емельяновичу своей семьёй там поработать. А на заработанные деньги удалось купить четыре пары волов и лошадей. Вместе с братом Лукой и детьми Зенченко стали обрабатывать землю, собирать урожай. Как результат — появилось крепкое хозяйство.

Обладая сноровкой, волевым характером, весёлый и задорный Иван Зенченко стремился переделать жизнь в ауле и селе так, как учили его командиры Красной Армии. Благо, что он свободно владел казахским языком. Но нелегко было добиться поставленной цели. В те годы шастали по степи недобитые банды, совершая диверсии и поджоги. А голощёкинские подручные разоряли аулы и сёла, издевались над крестьянами, забирая их скот и инвентарь. А это привело к необратимым последствиям — небывалому страшному голоду среди казахского населения в 1931-1933 годах, неисчислимым жертвам из-за насильственного принуждения кочевников к оседлости.

В такое самое тяжёлое время Иван Емельянович стал одним из первых организаторов колхозов, а затем совхозов, проявляя недюжинный талант, волю, терпение. Одни понимали председателя, другие нет. Его прямота, смелость, открытость характера импонировали многим людям. Знали, что председатель не терпит расхлябанности, разболтанности, бездельников, пьяниц. Конечно же, были завистники и недоброжелатели, готовые нанести нож в спину.

Обращаясь к крестьянам на сходе, Иван Емельянович говорил: “Поймите, хлеб — наша жизнь, наша кровь. Объединимся в одно хозяйство — будет хлебушко”. И пришли годы, когда колхоз стал собирать большие урожаи.

Побывавший осенью 1934 года в Казахстане Сергей Миронович Киров, встречаясь с Иваном Зенченко, не только интересовался делами, жизнью и бытом крестьян, но и поддержал Ивана Емельяновича как инициативного, предприимчивого и рачительного руководителя.

Но массовые репрессии крестьян не обошли стороной и Ивана Емельяновича.

— Как “кулацкого элемента”, — рассказывает Геннадий Иванович, — отца голощёкинцы репрессировали, конфисковав всё нажитое имущество. Хотя кулаком он не был, что подтверждает один из архивных документов: “Я, Слепышев Константин, знаю товарища Зенченко Ивана Емельяновича, члена ВКП (б), с 1924 года, то есть со дня прихода из Красной Армии. Могу сказать, что по социальному происхождению он кулаком никогда не

был... Со дня прихода из армии тов. Зенченко сразу же был избран председателем селькредкома и затем — председателем совета в с.Щучинском. Во время коллективизации т. Зенченко избирался председателем колхоза “12-я годовщина Октября” в селе Щучинск и в 1931 году был выдвинут Щучинским РК ВКП (б) директором овцесовхоза “Боровской”... Знал т. Зенченко только с положительной стороны”.

Есть и другие архивные данные, где Иван Емельянович характеризуется как компетентный, инициативный руководитель, проявляющий заботу о людях.

“Не понимал и не понимаю, — удивлялся отец, — для какой цели сёла являлись полем для экспериментов верхов? В ходе коллективизации и в последующие годы сколько было всяких реорганизаций в сельском хозяйстве”.

Все эксперименты он испытал на себе, находясь у руля крупных хозяйств. Иван Зенченко руководил совхозами и в самые суровые годы Великой Отечественной войны. Сколько Иван Емельянович ни просился на фронт, ответ был один и тот же: “У вас же бронь. Неужели не хотите понимать, что стране нужен хлеб?! Обеспечивать фронт продовольствием так же почётно, как сражаться с врагом”. А он представителям райкома и военкомата доказывал своё: “Имею боевой опыт, в составе Красной Армии воевал против колчаковцев, врангелевцев...”.

Иван Зенченко, как и все труженики тыла, стремился сделать не только всё что мог, но и хоть чуточку больше. Возглавляемый им совхоз отправил на фронт десятки вагонов зерна, продовольствия, тёплой одежды с коротким, но выразительным адресом: “В действующую армию, советскому бойцу от казахстанцев”.

И в этом большую помощь ему оказывала супруга Анна Фёдоровна. Она была искусной мастерицей — пекла душистые караваи, другие хлебобулочные изделия, вязала варежки и носки для бойцов. Её за душевную щедрость любили и дети. Анна Фёдоровна была неутомимой труженицей тыла, во всём показывала пример односельчанам.

Несмотря на суровые зимы сельские жители — это в основном старики, женщины и дети, трудились днём и ночью, с большой ответственностью. Ибо чувство долга перед Родиной были превыше всего. “Всё для фронта, всё для победы” — это не слова, это был долг и подвиг каждого.

Как подвиг рождает подвиг, так добро рождает добро, потому-то Иван Емельянович с особенной теплотой и сердечностью организовывал приём под кров совхозных семей русских, украинцев, белорусов, эвакуированных из временно оккупированных фашистами территорий.

Огромную площадь занимал овцесовхоз, до 65 тысяч овец имелось в хозяйстве. В то время шоссейных дорог не было, поэтому Ивану Зенченко приходилось ездить в самые отдалённые сёла на лошади, несмотря на бураны и морозы. Главным для себя он считал заботу о человеке. Словом, вся жизнь Ивана Емельяновича прошла с людьми, на людях и для людей.

— Где бы отец ни находился, он не забывал свою семью, любил мою маму и нас, четверых детей, — вспоминает Геннадий Иванович. — Точно подметил великий поэт Тарас Шевченко, написав такие строки:

*Невесело на свете жить,
Коль сердцу некого любить.*

До сих пор удивляюсь тому, что мой отец, кавалер орденов Ленина, “Знак Почёта”, простой крестьянский сын, имея начальное образование, более 35 лет возглавлял крупные хозяйства, тем более в самое тяжкое для

Сын Геннадий Иванович — танкист в период армейской службы.

страны время. Видимо, природа щедро одарила его пытливым умом, талантом, работоспособностью, жаждой знаний, организаторскими способностями и умением доводить начатое дело до конца.

Ещё в детстве услышал от него такую казахскую поговорку: «Не тот долго живёт, кто много прожил, а тот, кто много видел».

Мне посчастливилось побывать в разных уголках мира, в древних городах Казахстана, России, Украины, созданных нашими предками, любоваться многочисленными храмами, доставшимися нам в наследство. Мой родной и прекрасный Казахстан — это часть света, где проживают представители многих народов, миссия родной страны — объединяющая, как в прошлом, в настоящем, так и в будущем.

Вера в это живёт в моём сердце.

Воспоминания, воспоминания...

Они, как огоньки, высвечивали в памяти Геннадия Ивановича то печально-грустное, то светло-радостное. Конечно же, помнится, как в часы досуга вся дружная семья собиралась за большим столом в уютном родительском доме. Представители разных поколений в непринуждённой обстановке вели разговор о жите-бытие, о насущных делах, звучали песни, раздавался детский смех. И сегодня эта добрая традиция продолжается. Тон в этом задаёт супруга Геннадия Ивановича Нина Мионовна, врач по профессии. Она обаятельная, добрая, её сердце открыто людям. Нина Мионовна вместе с Геннадием Ивановичем идут рука об руку, в ладу и согласии вот уже 45 лет.

Господь благосклонен к таким людям, как династия Зенченко, и хочется пожелать этой замечательной семье душевного лада и счастья-удачи во всём.

Северо-Казахстанская область.

На хлебном поле в наше время.

Владимир ГУНДАРЕВ

“Феномен Назарбаева”, или Служение народу, Отечеству, миру

К выходу книги К. Токаева “Он делает Историю”

В 2007 году после выпуска в свет книги председателя Сената Парламента РК Касым-Жомарта Токаева “Свет и Тень” мне довелось представлять читателям “Казахстанской правды” это издание, вызвавшее затем пристальный интерес не только в нашей республике, но и в ближнем и дальнем зарубежье.

Не сомневаюсь, что и вышедшая в начале июня из печати в астанинском издательстве “Фолиант” новая книга известного всему мировому сообществу казахстанского политика и дипломата под точным названием “Он делает Историю”, приуроченная к 70-летию юбилею Первого Президента РК Н. А. Назарбаева, также привлечёт к себе пристальное внимание.

По существу это внушительный по объёму сборник, составленный из опубликованных в нашей стране и за её пределами публицистических статей и очерков, а также глав и фрагментов из предыдущих книг автора, раскрывающих выдающуюся роль основателя современного Казахстана в становлении и укреплении независимости государства.

Безусловно, Касым-Жомарту Токаеву есть что сказать о нашем общенациональном лидере. Менее двух десятилетий назад энергичный дипломат, блестяще владеющий китайским, английским и французским языками, успешно работавший многие годы в МИДе СССР, К. Токаев был замечен Нурсултаном Абишевичем и призван им в свою команду для формирования и реализации внешнеполитического курса только что обретшей независимость Республики Казахстан.

Произошло это в 1992 году. А уже через два года дипломата, проявившего незаурядные деловые качества и способности в должностях заместителя и первого заместителя министра иностранных дел, Президент назначил главой внешнеполитического ведомства РК. С октября 1999 года К. Токаев занимал пост премьер-министра страны, в 2002 году был переведён на должность государственного секретаря — министра иностранных дел Республики Казахстан, а с 2007 года является председателем Сената Парламента РК.

Весь этот продолжительный период находясь в президентской “обойме”, Касым-Жомарт Кемелевич получил огромный и бесценный опыт дипломатической и управленческой работы, многое перенял у Нурсултана Абишевича, сформировался как видный государственный деятель современного Казахстана, пользующийся непререкаемым авторитетом на международной арене.

И вполне логично, что именно этот искушённый и многоопытный политик, непосредственный свидетель и участник всевозможных событий различного масштаба, в том числе мирового, в которых исключительную

роль играл глава нашего государства; знаток многих тайн “мадридского двора”; стоявший у истоков принятия неординарных и судьбоносных решений, многовекторной внешней политики, выстраивания отношений с “сильными мира сего”, с десятками стран на пяти континентах и их руководителями, взял на себя труд показать и подчеркнуть в новой книге на убедительных примерах, впечатляющих фактах поистине титаническую многогранную работу, проделанную Первым Президентом РК от периода обретения республикой суверенитета и до сегодняшнего дня. “Главное внимание автор, — как отмечается в издательской аннотации, — уделил его активной деятельности, направленной на созидание успешного, конкурентоспособного и процветающего Казахстана. В книге раскрываются различные стороны незаурядной личности Н. Назарбаева как национального лидера, содержатся интереснейшие наблюдения и не известные ранее факты”.

Книге “Он делает Историю” предпослано в качестве эпиграфа лапидарное, но ёмкое высказывание Владимира Путина: “Нурсултан Абишевич создал независимое государство с нуля. Такую задачу мог выполнить только незаурядный человек. Когда всё сделано, кажется, что легко. А когда всё начинается и доводится до такого уровня развития, как сегодня, — это грандиозная задача, с которой Нурсултан Абишевич справляется блестяще”.

А открывается сборник главой “На скрижалях новейшей истории” — ранее не публиковавшейся, написанной специально для данного издания. Это, можно сказать, своеобразная квинтэссенция всего, о чём говорится в последующих главах, обобщающая статья, в которой кратко прослеживается трудовой путь Нурсултана Абишевича, а затем обстоятельно анализируется и подытоживается всё сделанное главой суверенного Казахстана на нелёгкой дороге вхождения молодой страны в мировое сообщество и обретения в нём своего достойного места, преодоления тяжелейшего экономического кризиса, обрушившегося на республику после распада Советского Союза, перехода от прежней экономической системы к рыночным преобразованиям и модернизации.

Как свидетельствует развитие событий на постсоветском пространстве, Казахстану повезло, что в тот критический период у руля государства оказался не кто иной, а Нурсултан Назарбаев.

“Именно в такие моменты появляются лидеры, способные превозмочь трудности, преодолеть все преграды и расчистить дорогу для социального прогресса и обновления. Иными словами, выдающиеся личности порождает сама История. Но и сами лидеры творят Историю, — утверждает автор. — Одних исторических факторов, чтобы стать великой личностью, конечно, недостаточно. Личность должна быть неординарной, обладать выдающимися качествами, необходимыми для выполнения сложнейших и ответственных задач, стоящих перед страной и всем миром. Такой человек должен быть решительным и смелым, твёрдым и принципиальным, справедливым и отважным.

Таков Нурсултан Назарбаев — одна из крупнейших фигур в новейшей истории. Волею судьбы ему было предназначено стать во главе нашей страны в самый нелёгкий для неё период. Именно он нашёл в себе силы, мужество и решимость принять на себя ответственность за судьбы казахстанцев, стать основателем современного казахского государства — Республики Казахстан”.

Приходишь к закономерному выводу: если политика, — как уверяет классическое определение, — есть концентрированное выражение экономики, то Н. Назарбаев является неистощимым генератором и катализатором идей и решений, способствовавших в соответствии с его концепцией приоритета экономики над политикой сначала укрепить экономику и на этом прочном фундаменте выстроить эффективную внутреннюю и внешнюю политику.

И К. Токаев в главе “На скрижалях новейшей истории” напоминает сложнейшие задачи и острейшие проблемы, возникавшие перед республикой в тот или иной момент её независимого развития, и сжатыми, лаконичными, афористичными формулировками перечисляет неоспоримые заслуги Президента в их решении, подтверждая свои выводы ссылкой на авторитетные мнения государственных и политических деятелей разных стран и руководителей международных организаций:

“Теперь весь мир говорит о “феномене Назарбаева”, возникшем на стыке двух частей света — Европы и Азии, двух цивилизаций — восточной и западной, двух политических систем — тоталитаризма и демократии. Его имя упоминают в одном ряду с такими известными преобразователями эпохи, как Мустафа Кемаль Ататюрк, Шарль де Голль, Дэн Сяопин, Ли Куан Ю.

И это неслучайно. Ведь именно президент Казахстана сумел синтезировать в своей политике как европейский реформизм, прагматизм и приверженность демократической процедуре, так и азиатский традиционализм, основанный на тесной связи с основами общества”.

В следующих главах, занявших значительное место в книге, уже более подробно, в повествовательной манере освещаются события и коллизии, вызванные развалом СССР, и на конкретных красноречивых фактах показывается, как Нурсултан Назарбаев в сложившейся критической ситуации, чреватой непредсказуемыми и необратимыми тяжелейшими последствиями, выстраивал линию поведения, стараясь не сделать ошибочных шагов, не совершить опрометчивых поступков, нащупывая единственно верный путь, что потребовало от президента не только концентрации душевных и физических сил, непоколебимой твёрдости духа, мужества, упорства, принципиальности, но и прозорливой мудрости, чем он, к счастью, обладал в полной мере.

Об этом, в частности, идёт речь в главах “На заре новой эпохи”, взятой из книги “Под стягом независимости”, выпущенной в 1997 году, и “Первый опыт и первые уроки” из книги “Преодоление” (2003 года издания).

Вообще следует заметить, что не только в новой книге Касым-Жомарта Токаева, но и во всех предыдущих главным действующим лицом является Нурсултан Абишевич, автору удалось яркими штрихами через мельчайшие детали на основе примечательных фактов и эпизодов создать выразительный и цельный образ президента, характерные черты и неотразимое обаяние этой крупной исторической личности, ни в чём не проигрывающей в сравнении с авторитетными лидерами ведущих мировых держав, а кого-то даже и превосходящей по определённым параметрам и человеческим качествам.

Это в очередной раз подтверждают и основательные по объёму и фактажу главы “Инаугурация Президента” и “Президентская дипломатия”, перенесённые в новый сборник из книги “Свет и Тень” с некоторыми сокращениями.

Говоря о разработанной главой государства сбалансированной и разносторонней внешней политике, направленной на продвижение и защиту стратегических интересов нашей страны, благодаря чему Казахстан был и остаётся надёжным, предсказуемым и ответственным партнёром, открытым для широкого международного сотрудничества, автор отмечает:

“Во время инаугурации перед мировым сообществом предстал выдающийся государственный деятель, на долю которого выпала труднейшая миссия создания нового государства. — И далее продолжает: — Он “поставил” страну на карту планеты, превратил Казахстан в авторитетное государство современного мира. За рубежом нашу Отчизну стали называть лидером региона, “бриллиантом в центральноазиатской короне”. Сегодня Казахстан признан самым успешным государством не только постсоветского пространства, но и всего тюркского мира. По доходу на душу населения наша страна стала опережать многие страны Западной Европы, а по темпам экономического развития вошла в тройку лидеров азиатского континента. Казахстанцы стали ещё больше гордиться своей Родиной. Быть гражданином Казахстана — это большая честь и высокая привилегия, — делает вывод К. Токаев и заключает: — За всеми успехами нашего государства стоит президент Н. Назарбаев. В самые тяжёлые моменты депрессии и кризисов он не терял уверенности в светлом будущем Казахстана. Он вёл за собой многонациональный народ страны, разъяснял людям суть реформ и обеспечивал их осуществление своим мощным авторитетом”.

Особый блок в сборнике “Он делает Историю” составляют публицистические статьи, опубликованные с 2005 года и до последнего времени в периодической печати. Кстати, семь из них — на страницах “Казахстанской правды”. Это “Верность избранному курсу”, “Неповторимый прецедент во имя мира”, “Астана — триумф Президента”, “Опережая время” (размышления о Послании Президента), “Наше дело правое!”, “Символ независимости” (выступление на церемонии открытия монумента “Казак Елі”), “В трудные времена в Казахстане рождаются великие дела”. Кроме того, представлены статьи, увидевшие свет в других изданиях: “Он смотрит далеко, он видит многое” (“Экспресс К”), “Политик глобального масштаба” (журнал “Мадени мура”) и “Лидер глобального антиядерного движения” (газета “Литер”).

Прежде всего эти статьи — незамедлительный отклик автора на те или иные значительные события как внутри страны, так и в международном плане, взвешенная оценка и тщательное разъяснение предпринимаемых Нурсултаном Назарбаевым в связи с этим действий, его реакции на вызовы времени, показ различных аспектов неутомимой деятельности президента по всему спектру социально-экономического развития республики и международных отношений.

Несколько цитат.

“Перенос столицы — это, по сути дела, смена вех, исторических парадигм, показатель цивилизационного самоопределения...”. “Новая столица стала центром международной активности, взяла на себя миссию города-миротворца. В Астане наши зарубежные партнёры и гости открывают для себя Казахстан с новой, порой неожиданной, стороны. Здесь состоялись крупные международные форумы, саммиты СНГ, ШОС, ЕврАзЭС и

ОДКБ. В Астане с успехом проведены съезды лидеров мировых и традиционных религий” (“Астана — триумф Президента”).

“Прежде всего следует подчеркнуть, что наш президент первым из мировых лидеров открыто заявил, что международная финансовая система нуждается в коренной реформе. Именно Нурсултан Абишевич предложил включить в повестку дня крупнейших форумов, в том числе “Большой двадцатки”, вопрос о переходе к новой резервной валюте”.

“Ещё одна редкая способность казахстанского лидера — это умение адекватно отвечать на вызовы времени. Каким бы сложным и противоречивым оно ни было, Н. Назарбаев тонко чувствует все его “болевые точки”. Особенно наглядно это уникальное качество проявилось во время глобального кризиса, не обошедшего стороной и Казахстан” (“Опережая время”).

“Сегодня Казахстан во главе с его лидером готовится к рывку в инновационное будущее, где основное внимание будет уделяться развитию образования, науки, культуры и здравоохранения. Глава государства приступил к реализации далеко идущего плана — модернизации и индустриализации экономики на основе новейших технологий” (“Символ независимости”).

“Известно, что беспроblemных государств, особенно в условиях глобального кризиса, не существует. Все страны — большие, средние и малые — попали в “зону турбулентности” и сейчас обдумывают пути дальнейшего посткризисного развития. Казахстан же не стал искать проторённых троп и уверенно заявил, что пойдёт по пути ускоренной модернизации.

Что это значит? Из послания абсолютно ясно, что Казахстан отнюдь не собирается заниматься только залечиванием ран, нанесённых его экономике кризисным цунами, но планирует решительно встать на рельсы форсированного индустриально-инновационного развития и на этой основе усилить социальную поддержку населению” (“В трудные времена в Казахстане рождаются великие дела”).

“Получение Казахстаном права председательствовать в ОБСЕ подтвердило авторитет нашего государства и статус Нурсултана Назарбаева как выдающегося политика. Именно с его именем связаны не только крупные успехи в строительстве казахской государственности, но и такие исключительно важные процессы на международной арене, как ядерное разоружение, экономическая интеграция, меры доверия и безопасности, толерантность и межконфессиональный диалог” (“Политик глобального масштаба”).

Буквально по горячим следам, сразу же после прошедшей в Вашингтоне конференции по глобальной ядерной безопасности, на которой принципиальная и новаторская позиция Казахстана, озвученная в выступлении Н. Назарбаева, получила высочайшую оценку со стороны участников саммита и мирового сообщества, К. Токаев выступил со статьёй, дополнившей его книгу, “Лидер глобального антиядерного движения”.

В ней автор с удовлетворением подчёркивает: “Казахстан с момента обретения независимости придерживался стратегического курса на ядерное разоружение, отказался от четвёртого в мире атомного арсенала, доставшегося в наследство от СССР. И сегодня наша республика пожинает плоды такой политики, укрепляет свои позиции на мировой арене.

Именно в таком качестве президент Нурсултан Назарбаев принял активное участие в Глобальном саммите по ядерной безопасности. Демонстративно проявленное к нему уважение со стороны Барака Обамы и других мировых лидеров несомненно является знаковым событием как в современных международных отношениях, так и в истории нашего государства. Это, по сути, мировое признание лидерства казахстанского руководителя в сложном процессе ядерного разоружения”.

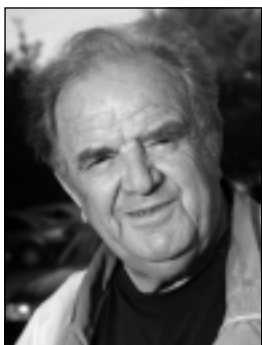
Заключительной частью сборника К. Токаева стал раздел “Он делает Историю”, в который вошли фрагменты из предыдущих книг автора, органично добавляющие дополнительные колоритные штрихи к талантливо изображённому им монументальному портрету Нурсултана Абишевича, вошедшего в “отечественную и мировую историю как Президент — Основатель, Реформатор и Созидатель”.

Как мне представляется, сегодня ещё не один политический деятель Казахстана не внёс такого большого вклада в оценку и популяризацию личности главы нашего государства, его титанической деятельности на благо страны и народа за период независимого развития республики, как К. Токаев. Многие годы находясь рядом с Нурсултаном Абишевичем, он в своих книгах, изданных на разных языках, фокусирует основное внимание на фигуре президента, сам же с присущей ему скромностью не выпячивает свою роль — ближайшего, по сути, сподвижника — в реализации разработанного Н. Назарбаевым стратегического политического и экономического курса, тактично, но с достоинством держится в тени.

С несомненным художественным мастерством и образностью (сказываются гены отца-писателя) описывая “феномен Назарбаева”, Касым-Жомарт Токаев справедливо заключает книгу “Он делает Историю” следующим выводом:

“Путь к мировому признанию тернист и пролегает через многие испытания и трудности. Нашего президента во всём мире оценивают как выдающегося реформатора. С этим качеством, разумеется, не рождаются, его приобретают в процессе гигантских усилий во благо народа. Поэтому Нурсултан Абишевич Назарбаев навсегда останется в Истории Казахстана как выдающаяся личность, политик, выведший нашу страну в ряды региональных держав”.

И с этим мнением нельзя не согласиться.

Моисей ГОЛЬДБЕРГ

Ковыльная баллада Рихарда Кремера

*... Мне завещаны дедом
Поле с житом и рожью,
Боровые приметы,
Луговые остожся.
На судьбу не в обиде,
Буду век сенокосить.
Только зря не губите
Во бору моём сосен.
Будет рожь колоситься
Год от года всё выше,
Только зря не гасите
Струйку дыма над крышей.*

Ольга Фокина

В Новодолинку решили проехать полевыми дорогами. У станции Бабатай свернули с госавтотрассы, ведущей на Караганду. За станционным посёлком запетлял путь между довольно запущенными зерновыми посевами. Трудно было определить, по какой системе здесь обрабатывалась пашня — живой памятник невежества и лени так называемого нового собственника. Прежде на этих полях до девяностых годов щедро колосились хлеба на радость всем, кто проживал вблизи Вячеславского водохранилища. Теперь эти места наводнили липовые пахари, люди, для которых крестьянские хлопоты никогда не считались светлым делом. Лицо Кремера покрылось хмуростью или какой-то жалостью. Он-то, проработавший в этих степях почти всю свою жизнь, хорошо знал, что давали распаханые целинные поля. В его бытность на этой ниве частенько бывал лидер всех казахстанцев Димаш Ахмедович Кунаев. Обычно к его приезду широкозахватные жатки уже успевали уложить в плотные валки пшеницу. Ленты были столь широки, что гостю, обладавшему широким шагом, не просто было перешагнуть уложенные на стерню стебли.

“Вот она, истинная гордость Казахстана, — восхищённо говорил Кунаев. — Что ещё нужно для души человека! Высший класс хлеборобского профессионализма. Спасибо хлеборобу. Быть республике всегда с таким ядрёным колосом”.

Жаль, что те добрые слова не стали заветом здешним нынешним сельчанам, обленившимся и исхалтурившимся вконец и пожинающим сейчас на многих полях в этом краю не полновесный колос, а стыдобу и позор.

Чтобы укоротить дорогу, нашей респектабельной иномарке разрешили проехать по плотине водохранилища напрямик. Путь лежал вдоль склонов нескольких сопков. Повернули круто на север. Миновали зону молодых лесонасаждений, которая здесь создаётся для подстраховки от обмеления хранилища. Вскоре мы оказались на земле родного Кремеру Ерейментауского района. Рихард Фёдорович заметил первым, что истинного напора на уборке ещё не было достигнуто. Обмолот вёлся, как говорится,

“ни шатко, ни валко”, с какой-то ленцой. А ведь при нём всегда в это время степь бурлила, как вода в казане. Жатва превращалась в праздник, в удовольствие для всего сельского люда.

Рихард Фёдорович решил заглянуть в Новодолинку, чтобы побывать на кладбище, где покоятся его родные, поклониться им. Да и всем землякам, с кем ему приходилось работать в годы директорства в этом немецком селе, считавшимся, пожалуй, самым благоустроенным населённым пунктом в области, эталоном ухоженности, подтянутости, аккуратности.

В том злосчастном 1979 году, когда произошла осечка с созданием немецкой автономии, будто по какому-то сигналу с небес, сотни немецких семей подались в Германию, понимая, что пребывание там тоже не сахар. Но политическая провокация, исходившая из Москвы, казалась для Кремера и его земляков такой унижительной, что захотелось оказаться подальше от всей этой истории, в которой было больше политической дешёвки и плутовства, чем здравого смысла. В который раз советским немцам дали оплеуху, если не сказать подзатыльник.

“Действительно, мы жили идеями единства и братства, — частенько в те дни размышлял Кремер. — И вдруг увидели общество, в котором человек человеку одновременно и друг, и брат, и сват, и лютый волк. Но как нам смотреть после этого казахам в глаза? Мы никогда не ссорились, и вдруг эта дикость с автономией, к которой мы, немцы, не имели никакого отношения. Мы никогда не претендовали на какие-то казахстанские территориальные владения. Немецкие сёла и так жили в полном достатке, и у нас были самые нормальные отношения со всеми казахами. Это могло бы продолжаться и продолжаться”.

Припоминается, что действительно в те годы разговор среди немецкого населения активно вёлся о восстановлении немецкой автономии. Но там, где она когда-то была. То есть на Волге. В Москву выезжали несколько делегаций, в которые входил мой добрый знакомый поэт Карл Вельц. Он рассказывал, что их принимал Анастас Микоян. Все доводы, которые приводили просители, отвергались. Он говорил о том, что немцы на Урале, в Сибири и в Казахстане являются могучими двигателями экономики. Их отъезд оттуда подорвёт прочность постоянного развития этих территорий. Позже, уже при Ельцине, появился бредовый план о выделении территории для немецкой автономии района Капустина Яра, то есть полигона, на котором испытывалось различное ракетное оружие. Его придумал некий региональный политический функционер Калашников, как бы в издёвку над и без того пострадавшими людьми.

С детства автор этого очерка испытывал к немецкой нации трепетную уважительность. Вырос я в немецком селе Нейкирхе Ротфронтовского района в запорожских степях под Мелитополем. Богатейший колхоз “Ударник”, возглавляемый моим отцом евреем, гремел высокими урожаями, племенной молочной фермой. Можно сказать, что в нашем селе задолго до войны люди распрощались с керосиновыми лампами и фонарями. Каждая улица и каждый двор были залиты электрическим светом. Село было радиофицировано: из репродукторов звучали передачи из Москвы, Харькова и Киева. Почтальон приносил в каждый дом большеформатную газету “DZZ” (“Дойче Централь Цайтунг”). Все праздники сопровождалась музыкой струнного и духового оркестров.

В годы голодухи все кормились в столовой полноценным обедом. Зерно мололи не на ветряках, а на вальцах. Словом, уже тогда люди ощущали щедрую, благополучную жизнь, которая, конечно же, не сваливалась с неба, а была результатом упорного труда, порядочности, внутреннего людского задора. Вкалывали с рассвета до рассвета. Всем хотелось больше наработать трудодней. Идеальное законопослушание, нравственным стержнем у всех нейкирхцев была Библия. Её читали в каждом доме и под звуки фисгармонии (мини-органа) исполнялись священные псалмы. Мы, мальчишки, все дружили. Самым близким моим другом был Абрам Эпп, живший по соседству. За каждым двором, вплоть до самой тихой речушки, простирались фруктовые сады. Вот мы с Абрамом всё лето и шныряли по чужим садам, набивая себе за пазуху черешню, грушу, яблоки, абрикосы, сливу. Почему-то чужое казалось нам слаще.

Однажды, проснувшись, ко мне прибежал дружок и сообщил, что его отца забрали работники НКВД. Оказывается, в эту ночь увезли из села и ещё с десятков отцов моих друзей. Это была первая тихая волна репрессий за два-три года до начала войны. А ведь немецкие мальчишки в школе мечтали стать советскими лейтенантами и сокрушать любого врага, кто посмеет напасть на нашу великую Родину. Тишь, благодать и спокойствие немецких сёл, добрая зажиточная жизнь и наша дружба были нарушены вероломством нацистской Германии. Многие немецкие парни в первые дни войны подали заявления в военные училища, просились на фронт. К сожалению, в военкоматах они получили отказы. Немецкие парни доказывали, что они не меньше других любят Родину и никогда не подведут свою страну. Нет, всем был дан отказ. Но вскоре все получили другие повестки: появиться на сборные пункты с кружками и ложками. Мол, все мобилизуетесь на тыловые работы. Практически все ребята из нашего села оказались на каторжных работах Урала, на шахтах Сибири и Казахстана. Создавались трудовые батальоны. Трудармия превращалась в новый ГУЛАГ. Мой друг Абрам Эпп оказался смышленнее других, и на станции Большой Токмак, где формировался ссыльный эшелон, он попросился у энкаведэшника нарвать в дорогу корзину абрикосов, а в то лето от обилия фруктов ломались ветки. Его след с тех пор простыл.

Всё, что происходило, не назовёшь иначе, чем откровенный цинизм. В те дни газета "Правда" писала: "В дни Отечественной войны трудящиеся АССР НП живут едиными чувствами со всем советским народом. Рабочие, колхозники и интеллигенция мобилизуют все свои силы для Победы над гитлеровской сворой, которая поработила многие народы Европы. Тысячи трудящихся республики с оружием в руках сражаются против озверевшего германского фашизма".

Действительно, в то время в Красной Армии находились десятки тысяч российских немцев. Помню, из нашего села было тоже несколько красноармейцев. Некоторые даже проявили своё мужество ещё на озере Хасан. Да и сейчас открываются документы об отваге красноармейцев-немцев. Как известно, в обороне Брестской крепости в числе прочих немцев участвовали командир 125-го стрелкового полка майор Александр Дулькайт, подполковники: Эрих Кроль и Георг Шмидт, военврач Владимир Вебер, рядовой Николай Кюннг. Боевыми орденами в первых сражениях с гитлеровцами были награждены уже в августе командир 153-й стрелковой дивизии полковник Николай Гаген, командир танкового батальона Альфред Шварц. Нацисты не щадили немецких красноармейцев. Из газет

того времени мы уже знали о подвиге приволжского немца Генриха Гофмана. Тяжелораненым он попал в плен. Его пытали. Но он не выдал военной тайны. Фашисты разрубили его в буквальном смысле на куски и сложили пятиконечную звезду, приколов штыком к сердцу комсомольский билет.

Но репрессии продолжались. На Восток было перемещено 400-тысячное население. Только в нашем Акмолинском регионе оказалось почти 200 тысяч человек. В Караганде — 130 тысяч человек.

Рихард Фёдорович пережил, испил всю горечь несправедливости, которая часто выпадала то на крымских татар, то на группу московских евреев-врачей, то на ингушей и чеченцев, и, наконец, на немцев, которые вдруг для всех стали ненавистными фрицами. При всей той политической катавасии этот человек достиг значительной жизненной высоты, с которой мир видится не только в весеннем цветении, в красках после грозовой радуги, но и в дымке многих ненастий, настоянных на горькой полыни. Своим родным домом он всё-таки считает наши милые ковыльные степи, где сам родился, где выросли его дети, где обрёл многих друзей. Каждый год он приезжает в сёла, где когда-то работал. Как он говорит, чтобы помолиться могильным холмикам, дедушке, бабушке, помолиться казахстанскому небу, солнечным далям своего детства. В самые суровые годы здешние старожилы открыли доброту сердца, помогли пройти многие чёрные беды и испытания.

Мы задержались на новодолинском погосте. Останавливались у нескольких холмиков. Рихард Фёдорович рассказывал:

“Здесь покоится моя мама Софья Мартиновна. Отец Фридрих Фридрихович прожил дольше, он достиг 85-летнего возраста. А вот наша бабушка Юлия Альтерготт родилась в 1879 году. Ровесница Сталина. Умерла в 1962-м. Прожила 83 года. У неё было шестеро сыновей и три дочери. Думаю, свою неугомонность и беспокойство она передала мне. Это точно от бабушки. Она никогда не позволяла себе малейшей праздности, сидеть у печи. Обязательно она должна была что-то делать: или вязать рукавички и тёплые носки

Ф. Ф. Кремер — дедушка, Ю. Кремер — бабушка Рихарда Фёдоровича.

Родители:
Ф. Ф. Кремер и С. М. Кремер.

всем, или штопать дыры на чулках. Приедет к своим детям, сыновьям, снохам, и с ходу даёт указания и команды. Почему сапоги стоят не в этом месте, а в том? Почему двор не убран? Что сидишь, быстро наполни флягу водой, бегом! Она требовала всюду порядка. И, между нами говоря, её все побаивались. Вот такая у нас была бабка Юлия. Все дети её уважали. А вообще наши генетические корни франкфуртовские. Об это мы узнали из записей, которые нашлись в немецких кирхах, где достаточно точно записано: где женился, где крестился. Время, в котором мы оказались, превратило нас в непомнящих Иванов. Это теперь все поняли, что без исторических корней не вырастишь плодоносное дерево. Оказавшись в Германии, я решил построить усадьбу. Пригласил электрика, чтобы смастерил по всем правилам проводку. Он аккуратно выполнил работу, и я ему выложил за усердие деньги. Но мастер поинтересовался моей фамилией. Оказывается, он тоже был Кремером. Оба мы ахнули. Конечно, никакие евро он не стал брать. Мол, мы всё-таки дальние либо близкие родственники. Мы как-то решили собраться всем вместе и отметить застольем наше родство. Оказалось на "тусовке" пятьсот Кремеров. Судьба многих переплетена с добрыми людьми бывшего Союза".

Встречаясь с Рихардом Фёдоровичем, мы часто углублялись в историю человечества. Конечно, вспоминали знаменитый исход евреев из

В десятом классе. Сидят (слева направо): П. Кузнецов, Н. Кукса. Стоят: Р. Кремер, М. Сагындыков, А. Вагнер.

Египта, который, как известно, продолжался сорок лет с немыслимыми испытаниями. Люди плелись по безжизненной пустыне, которую в принципе можно было бы пройти за несколько дней. Принято объяснять это необходимостью смены поколений: бывшие рабы не смогли бы основать свободное общество.

"Если сложить весь путь немцев, которые переселялись когда-то из Германии на Волгу, а потом Столыпиным на Восток, в казахстанские степи, с

Студенческие годы. Слева направо: А. Браун, Н. Сидорова, Э. Штейнмец, А. Штейнмец, Д. Горст, Н. Скачко, Р. Кремер, В. Кравченко, Н. Цубаренко.

нешадными мытарствами трудармейских поселений, и, наконец, возвращение в Европу, которое произошло на наших глазах, то получится, что исход немцев по продолжительности времени даже превосходит египетскую эпопею евреев, описанную в Библии и отражённую в картинах великих художников-гениев”.

... Небольшая запись рассказа о молодых годах героя этого очерка. “Будучи студентом, по воскресеньям, как правило, мы ходили на базар. Тогда это было любимым местом всех наших встреч. Конечно же, на этих встречах собиралось много кавказцев. По-теперешнему, это были тусовки. Они жили в хибарках в этом районе. А как браво они выглядели: все в папахах, галифе, кожаных пальто, и обязательно на ногах бурки. Это был кавказский стиль. Смотрел на них, а мне было уже семнадцать лет, и думал только об одном — как мне добыть такие бурки. Жизнь сложилась так, что многие ингуши и чеченцы стали моими большими друзьями. 30 лет продолжалась, например, моя дружба с удивительным человеком — Султаном Бексултановичем Хамхоевым. Он умер в возрасте около 80-ти лет. Это был идеально честный человек. Это я понял, когда стал директором совхоза “Казахстанский”. Принял разваленное хозяйство. Помню, меня представлял коллективу начальник сельхозуправления Виктор Иванович Голенищенко. Он сказал: “Кремеру нужно Звезду дать только за то, что он принял это развалившееся хозяйство, где ничего не было живого. Не было ни бригадиров, ни управляющих. Сплошной хаос”.

В такой момент одним из моих помощников — экспедитором — стал Султан Бексултанович. Этот светлый горец ни разу не позволил злоупотребить чем-то. Он считал каждую копейку. Любому выскажет в глаза всё, что о нём думает. Мне приходилось бывать в его доме. Я знал хорошо его жену — тётю Марию. При убогих зарплатах, при вечной нехватке денег, дефиците продуктов она умела накрыть стол и встретить гостей от всего сердца. Скажу так: он мне был дороже любого моего родственника, потому что не позволял никогда себе схитрить в чём-то. А связи у него были. Павлодарские родственники

Рихард Кремер с сёстрами Гильдой и Эрной.

Одесса, 1971 г. Молодые супруги Рихард и Полина Кремеры в театре оперы и балета.

Рихард и Полина Кремеры с сыном Сашей.

помогали ему доставать лес. Он знал, где и как заказывать подешевле финские домики. Хамхоев был настоящим советским снабженцем. Мог и выпить. Осушим пару бутылок, и, как говорится, ни в одном глазу. Будь здоров! Никогда этот человек не терял контроль над собой. Говорю это потому, что люди того времени не знали, что такое коррупция. И не требовалось никакого блата, чтобы решить какую-то проблему.

Так уж сложилось, что судьба меня связала ещё с одним кавказцем — Алиханом. Он был личным водителем Марка Георгиевича Гамазкова, одного из руководителей сельхозснабжения. Человек он был открытый, простой. Жена и сам Марк Георгиевич были остряками, любили шутки. Жена играла на баяне. Любые проблемы Гамазков решал, как говорится, не откладывая на завтра.

— Рихард, что тебе надо?

— Нельзя ли усилить нас несколькими новыми тракторами?

Он тут же приглашает Евдокию Григорьевну Севрюкову.

— Что у нас, Дуся, там с поступлением тракторов?

Она отвечает:

— Идёт разгрузка эшелона, прибывшего с завода.

— Дуся, не разгружай один вагон, отправь его в хозяйство Кремера.

Представляете! Без виз, без бумаг, на полном доверии. Другой случай. Старенький “ГАЗ-21” у меня совсем развалился. Двигатель забарахлил. Задний мост полетел. Нужны запчасти. Пришёл просить.

В ответ Гамазков говорит: “Зачем чепухой занимаешься? Барахло завтра снова полетит. Поступил новый кузов “Волги-24” для обкома партии. Вот я тебе его отдам. И у тебя будет новая машина. Поедешь в Алма-Ату с моей доверенностью”.

Вызывает начальника отдела запасных частей Иохима: “Выпиши доверенность”.

Привезли из тогдашней столицы Алма-Аты целую машину запчастей. И собрали мы новенькую “Волгу” тёмно-вишнёвого цвета.

Вот так по-деловому, с высочайшей ответственностью работали тогда руководители аграрного комплекса. Это теперь придумали тендеры, шмендеры, госзаказы, — и люди отстёгивают огромные государственные деньги нечестным работникам”.

1970 г. На празднике животноводов А. А. Камышный,
А. А. Ример, Р. Ф. Кремер.

Талант истинного управленца-агрария Рихард Фёдорович показал, будучи руководителем крупнейшего в области хозяйства — совхоза имени Карла Маркса, расположенного в Атбасарском районе. А хозяйство давало в год пять тысяч тонн молока. Стадо насчитывало шесть тысяч голов крупного рогатого скота. А самое главное, здесь выращивались 25 тысяч свиней. Совхоз давал 2500 тонн мяса. Кроме этого, хозяйство выращивало овощи, а 500 гектаров занимал картофель.

Свиноводство в те годы было очень престижной отраслью. Работа свиinarок, тем не менее, считалась изнурительной. И вдруг в штат хозяйства набирают 150 свиinarок. В других сёлах никого и коврижкой не заманишь на свииноферму. Кремер, во-первых, механизировал все трудоёмкие процессы, во-вторых, решительно похоронил традиционный режим работы, когда женщинам приходилось начинать свой рабочий день с пяти часов утра. Зачем? Кому нужна такая рань? Зачем загружать лишними хлопотами наших хозяйюшек? Утром они должны собирать в школу своих детей и готовить на день обед для семьи. А её привязывают, чуть ли не с рассвета до глубокой ночи к клетке, где спокойно дрыхнет хрюша. Как известно, это животное любит лежачий образ жизни. Это идёт на пользу. Набирается вес. Вот и издал директор приказ, чтобы рабочий день свиinarок начинался точно так же, как и у бухгалтеров, счетоводов совхоза и всех конторских работников.

Огромное уважение к Кремеру проявлял первый секретарь обкома партии Николай Ефимович Кручина. А первая встреча с ним началась таким образом: Кремера вызвали для утверждения на бюро обкома партии.

— Мне сообщили, что вы не с особой охотой согласились стать директором. Это так?

— Действительно, я не рвусь к этому портфелю, — ответил довольно откровенно Кремер.

— Почему?

— Вы знаете, что центральная усадьба совхоза “Казахстанский”, куда вы меня посылаете директором, расположена в Благодатном. И люди там действительно живут благодатно, они привыкли к этому населённому пункту. А нам предлагают центр совхоза перевести в экспериментальный

Д. А. Кунаев и Б. А. Ашимов на полях совхоза им. Карла Маркса Атбасарского района.

агрогородок. Людям нужны не многоэтажки, а чувствовать под собой землю, согретую трудом. Я противник этих надуманных агрогородков. А ваши помощники, товарищ Кручина, категорично требуют переезда. В таком случае ищите другого директора.

Кручина занял сторону самого молодого директора в области. Он часто приезжал к нему в совхоз имени Карла Маркса и восхищался размахом дел. Однажды он ему сказал:

— Рихард, у тебя всё хорошо, но почему ты до сих пор не высадил картофель, и, как я вижу, даже не собираешься этим заняться.

— Нет семян. Мы семена отдали другому хозяйству.

— А ты найди, если хочешь остаться моим другом, да посади.

— А где я наберу семена, чтобы занять площадь пятьсот гектаров? Это надо несколько вагонов картофеля. Уже уходят последние сроки посадки. Мне легче найти слиток золота, чем семена.

— Прошу тебя по-дружески.

Кремер с ходу кинулся к своим друзьям в Карагандинскую область. А наутро уже из Караганды пошли машины с семенами картофеля в сторону атбасарских степей.

В сёлах хозяйства — в Сергиевке и Самарке — благоухали вишнёвые и яблоневые сады. Далеко окрест можно было слышать летние соловьиные трели. Вот оно, гордое творение Кремера, его вклад в экономику Казахстана.

Длительное время Рихард Фёдорович работал в Целиноградском районе, а затем руководителем областного масштаба. При нём область побилла все рекорды Казахстана и Союза по производству мяса и молока. В области появились крупнейшие животноводческие комплексы европейского типа. Шёл завоз племенного скота. Рихард Фёдорович практически в каждом районе утверждал самую высокую культуру ведения животноводческой отрасли, которая, к сожалению, в девяностые годы оказалась

Р. Ф. Кремер с Героями Социалистического Труда И. Д. Жангуразовым и И. И. Шарфом.

эпизод. Раскрывающий обострённое немецкое самолюбие, желание показать своё «я».

«Среди нашего брата часто бывает такое: увидит Рудольф, что его сосед Вальтер посадил в палисаднике грушу, он тут же посадит три. Да ещё высадит пять кустов роз. Увидит Давид, что сосед смастерил летнюю веранду, он тут же перещеголяет его, отгрохает во дворе не только летнюю кухню, но и целый павильон. Помнится, пришёл как-то ко мне нахмуренный Давид Вильгельмович Бурбах. В чём дело? Кто обидел? Пожаловался он на Давида Римера, переехавшего из его совхоза управляющим в Павлоградку, в соседний совхоз. С тех пор между ними будто чёрная кошка пробежала. Признался, что Давид превратился в страшного конкурента. Бурбах пригласил бригаду строителей из Закарпатья. А Давид перехватил её на вокзале по прибытии и привёз в свою Павлоградку.

погубленной. В то время проводились областные слёты доярок и свинок, встречи чабанов и коневодов. Крупнейшие учёные Москвы и Сибири считали за честь активно сотрудничать с Кремером. Праздники животноводов превращались в торжество труда. У него было много единомышленников среди весьма известных хозяйственников: Бурбах, Геринг, Миллер, Кузнецов, Абиров. А знаменитый Андрей Ример оказался его прямым родственником.

Говоря о некоторых общих знакомых из директорского корпуса, Кремер вспомнил любопытный

Директора совхозов Р. Ф. Кремер, А. А. Камышный, А. А. Ример, М. М. Поморцев, Н. М. Анищенко.

Давид Вильгельмович негодовал, когда узнал, что автобус, посланный на станцию, вернулся пустым.

— Ну ладно, ладно, — успокаивал я моего друга. — И ты ему что-нибудь придумаешь в отместку. Всё равно твоего уровня ему не достичь.

Бурбах вписал в историю казахстанского села немало добрых дел. Его жизнь оборвалась во цвете лет. Оторвавшийся тромб оказался смертельным. А сколько здоровья отнято чиновничьей дуристикой”.

Рихард Фёдорович тяжело вздохнул и стал рассказывать об Андрее Андреевиче Римере.

“Ему было пятнадцать лет. И до войны он стал бригадиром полеводческой бригады. В то время председатель и бригадир считались самыми видными фигурами на селе. Бригада молодого Андрея стала лучшей в округе. И вдруг в 1946 году его посадили. Оказывается, соседний директор завидовал успехам бригадира и накатал донос о том, что на корм лошадей и быков он тратит зерно. А как можно было поступать иначе? На лошадях и быках выполнялись все работы в деревне. Кроме этого, Ример съездил в Караганду и поменял там на зерно брезентовые ленты. Они нужны были, чтобы сшить сбрую и упряжь для верблюдов. Доносу был дан ход, и молодой Андрей загремел на пять лет. Но и на новом месте он не загоревал. Его назначили бригадиром сенокосильщиков. Вернувшись, он стал замечательным шофёром. Потом диспетчером МТС. Потом был назначен инженером и достиг должности директора совхоза. Его хозяйство гремело своими добрыми делами. Животноводческая отрасль имела 13 тысяч голов крупного рогатого скота, 500 верблюдов. Завёл он оренбургских пуховых коз. Конское поголовье достигло 5 тысяч лошадей. А самое главное, каждый год хозспособом он расширял сельское жильё. Строил дома культуры, больницы. Жизнь его оборвалась в 62 года. Дело в том, что к руководству области пришёл весьма жёлочный человек, и по-чёрному завидовал римеровским успехам. Стал посылать к Римеру бесконечных проверяющих, и кончилось всё обширным инфарктом”.

Немецкий поэтический гений произнёс: “Невозможно всегда быть героем, но всегда можно оставаться человеком”. Как будто о Кремере сказано. Ему приходилось бывать в гуще людей и исполнять обязанности доверенных ему постов, часами выслушивать не только глубокие помыслы, очень важные суждения, но и довольно частенько сумасбродные речи и указания различной бельсенды — начальства, научившегося только болтать.

“Не терплю пустословия и демагогов всех мастей. От пустых разговоров вырастают только дикие травы на пустырях. А мы с вами, дорогие мои пастухи и доярочки, должны обилие людям создавать, чтобы дети и внуки радовались жизни”.

И вновь он обращается к мысли Иоганна Гёте: “Лишь в людях себя познать способен человек”.

Во взаимоотношениях с другими он проверял себя. Очень тепло отзывался об этом человеке Евгений Михайлович Золотарёв в мемуарах “Минувшего неугасимый свет”, в которых написал о многих целинниках. Вот его строки: “ Рихард Фёдорович оказался не только сильным специалистом, но и порядочным человеком. Он великолепно сработался с директорами и специалистами района, постоянно и душевно общался с простыми тружениками. И получалось, что там, где трудно, где какая-то загвоздка — едет Кример, и мы знаем, что всё будет как положено, всё нормализуется.

П. Кремер, Р. Кремер, дочь друга В. К. Пеннекера, сын В. Кремер, друг С. Б. Хамхоев.

Дети Рихарда Фёдоровича и Полины Готлибовны: Виктор, Александр, Марина.

Я с ним не только очень слаженно сработал, но и по-человечески сдружился. К счастью, на всю жизнь.

У замечательного советского поэта Михаила Светлова есть очень ёмкое выражение: «Дружба — понятие круглосуточное». Наши братские отношения с Рихардом Фёдоровичем вполне отвечают этому критерию».

Знаменитый руководитель треста «Каззолото» Александр Мефодьевич Шевченко определил дружбу не менее ёмко: «Если из жизни уходит родная мать — это очень трудно и больно. Но пережить можно. Если от тебя уходит жена — это тоже больно, но переносимо. А вот если тебе изменит друг — то это уже ничем не восполнишь».

Он оставался всегда на таких позициях.

Пожалуй, пора вернуться в Новодолинку. Подъехав к посёлку, гость из Германии обнаружил картину, которую трудно себе представить. Живая декорация к фильму «Сталинградская битва».

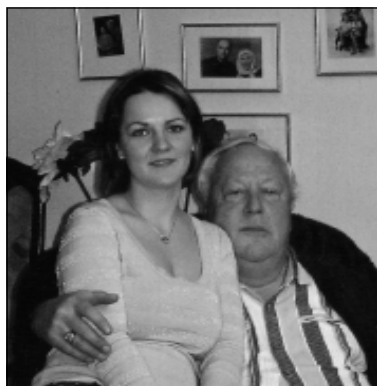
Сразу несколько улиц старой деревни перестали существовать, будто разбомблены или снесены плотным огнём знаменитых «катюш». На местах домов, в прошлом согретых солнцем, благоухающих сиренью, черёмухой, вишней, ныне заросли чертополоха. Пустыри. Вдоль снесённых улиц бурьян в рост человека. На одной из таких улиц Кремер остановил машину и долго всматривался в пустоту, пытаясь найти место, где стоял его дом. Кое-как определил кусочек земли, по которой он ходил, которой кланялся, молился каждый день. Увидел уцелевшую яблоньку.

«Боже мой! Выходит, что народная мудрость «Свято место пусто не бывает» — не всегда отражает житейскую реальность. Яблонька уцелела. Надо просто не уважать самого себя, чтобы допустить такой уровень запущения, — с возмущением сказал Кремер. — Да, ныне этот район заселён приехавшими оралманами. Но зачем же было разрушать старые дома и сносить целые улицы, чтобы потом снова строить?».

В посёлке красовалось здание школы с богатейшими фресками на фасаде, с дубовыми паркетными полами. Здесь сейчас расположена конюшня.

Рихард Фёдорович с Полиной Готлибовной на курорте.

Рихард Фёдорович с внучкой Нелли.

Автор этих строк, как уже упоминалось, родом из запорожских мест. Питлеровцы, оккупировавшие эту землю, не посчитались с тем, что всё это когда-то возводилось золотыми немецкими руками. Фюрер распорядился: всё превратить в мёртвую зону. Но там всё-таки прошли военные действия. А здесь?

Под осенним не щедрым, но тёплым солнышком все мы почувствовали себя в какой-то степени осиротевшими. Глаза моего друга наполнились печалью.

“Все мы работали, как говорят, до десятого пота и верили в Бога и себя. Правильно говорят: если ты свою веру не считаешь единственной, то какая это вера?”.

Отстремели салюты 65-летия Великой Победы над фашизмом. Море цветов принесено к обелискам и памятникам защитников Отечества. Но если мы люди, мы не вправе забыть и героев-трудармейцев. Тех, которых ссылали в самую глушь, чтобы превращать пустынные территории в заводы, шахты, новые города.

“Вот ваша земля, — объясняли им. — Обживайте её, стройте”.

Большая семья Кремеров с друзьями.

Они умирали на лесоповалах и в шахтах. Они слабели на глазах друг у друга. Эпизод, который мне поведал человек, побывавший и на лесоповалах, и в других зонах, где строились новые заводы и фабрики.

“Жили за колючей проволокой, обращались с нами как со скотом и даже хуже. Как-то зимой, в трескучий мороз, среди ночи пошёл я в туалет. Был раздет, сунул ноги в валенки. На улице снежная кутерьма. Мороз сковал меня, и я остановился за баракком. Попался на глаз дежурному и угодил в карцер. Сквозь забитые досками окна просачивался сорокаградусный мороз. Почувствовал, что замерзаю. Начал отогреваться прыжками, дыханием. Но вскоре стал околевать. Я умолял дежурного выпустить меня. Стал звать на помощь, — и к карцеру подошли такие же бедолаги, как я, из барака. Увидев меня еле живого, стали оттирать снегом и поместили в тёплую каптёрку. Всё это происходило у нас под Карагандой. Одеты мы были плохо, в рваньё. Обувь с деревянными подошвами. Ночью подымали на разгрузку леса. Как-то у одного пропала обувь, а начальник лагеря достал пистолет: “Вставай в строй, пойдёшь босиком, или пристрелю как собаку”. Так и шёл парень по фамилии Баум на шахту голыми ногами по снегу. Такое не забудешь”.

Любопытна история Новодолинки, где многие годы проработал Кремер.

“Оказавшись на Волге, европейские немцы построили богатейшие колонии по указу царицы Екатерины. Когда всем там стало тесновато, многие переселились в Казахстан под Караганду. Посёлок получился на загляденье. Его называли Долинкой. Он как раз и приглянулся НКВД. Было принято решение разместить здесь главный штаб будущих ГУЛАГовских точек. Нам приказали убраться и выделили новое совершенно голое место. Только отстроили новую Долинку, как село попало в зону затопления. Чтобы создать водохранилище. И снова нам безо всякой компенсации предложили убраться. Теперь уже подальше — в ерейментаускую степь. В общем, считайте, что немецкими руками были отстроены три Новодолинки”.

Так что Кремерам в этом плане не позавидуешь.

На память приходят новые воспоминания.

“Помню двух комендантов — Шаповалова и Кудайбергенова, при форме и с пистолетами. Из села нельзя было высунуть носа. Был у нас

К. К. Карбаев и Р. Ф. Кремер.

Объятия друзей. Р. Ф. Кремер и М. М. Гольдберг.

один хлопец, решил побывать в Благодатном, чтобы навестить тётю. Мальчишке было десять лет. За это он угодил в тюрьму, где с него хулиганы сняли тёплые носки. Да, вспомнил имя этого мальчика — Саша Либендорф. Этот надзор над нами был настолько узаконен, что учительница по фамилии Карпова сказала злобно — никогда не забуду эти слова: “Будь моя воля, я бы вас, немцев, даже в туалет под надзором коменданта отправляла”. Более того, уже после войны мы узнали, что в нашем селе располагался карательный взвод НКВД — на случай, если бы Гитлер добился успеха — мы все должны были быть расстреляны”.

Каков завтрашний день села? Неужели огромный столетний опыт пахаря здешней степной шири улетучится как утренняя весенняя дымка? Что принесут будущие десятилетия новым крестьянским поколениям? Я спросил об этом моего друга.

“Думаю, что уроки перестройки, ломки и разрушения не пройдут даром. Придёт прозрение. Но, понимаете, жизнь не терпит повторения. Нельзя поклоняться новому только потому, что оно новое. Не надо из нового делать моду. Развитие села, как мне кажется, тормозится равнодушием чиновника. Село требует справедливости. Возьмите тот же паритет цен. Где он? Одна болтовня. Где-где, а на селе жизненное обновление чувствуется особенно остро, оно приходит с каждым новым урожаем, с каждым новым стеблем и ростком. Пусть не обижаются на меня министры и различные правительственные боссы. Вырастили крестьяне в прошлом году неплохой урожай, а государство не может дать за него достойную цену — мозгов не хватило. Некоторые

Р. Ф. Кремер и Г. К. Кудайбергенов.

*Стоят: сыновья Р. Ф. Кремера и Е. М. Золотарёва.
Сидят: М. С. Исмагамбетова, Р. Ф. Кремер и Е. М. Золотарёв.*

элеваторы забиты зерном, а во многих краях света люди умирают с голода. То, что произошло с реализацией урожая, свидетельствует о бездарности тех, кому президент поручил заниматься ответственным делом. Мой давнишний друг, видный учёный Галим Кудайбергенов сумел реализовать в кризисной ситуации почти весь запас зерна и муки. И в какие страны! — Иран, Афганистан, Пакистан и в некоторые другие дальние государства. Поражаюсь доверием к нему со стороны многих зарубежных покупателей. Но такого доверия нет к другим чинам. Хлеб и по сей день остаётся могуществом Казахстана. Это видит сейчас весь мир. Целина по сей день остаётся для всех нас определённым чудом, которое надо беречь. Зачем надо было всё рушить и перечёркивать труд людей, их порывы и энтузиазм? Дело даже не только в ликвидации целых отраслей. Посмотрите, вы не увидите прежние животноводческие городки, где люди были заняты полезным трудом. Людей разобшили, безработица ввергла их в тоску и уныние. Это не пустяки”.

Кремер признаётся, что почти каждую ночь к нему во сне приходит дышащая зноем степь. И он мотается в мареве зреющих хлебов на своей легковушке до головокружения. Вокруг горбящихся сопки поляны ковылей. Ветер перекачивает серебристые волны, и это живое серебро разливается у его ног. Ковыли, ковыли, ковыли... А над сопками орлы-степняки, зорко высматривающие свою добычу. И эта синь снова и снова снится ему. Выходит, что земля тоскует по нему, зовёт: “Вернись, Рихард”.

“Что бы ни происходило в жизни, истинную уважительность, любовь, дружбу нельзя разрушить”, — убеждён Кремер. Поэтому в разговорах у себя в Германии он часто рассказывает о чистом синем небе Казахстана.

— А что под этим небом? — спрашивают у Рихарда те немцы.

— Поле.

— А что за полем?

— Поле.

— А что за тем полем?

— Поле, поле, поле...

С. А. Терещенко, Е. М. Золотарёв, Н. Т. Князев, Р. Ф. Кремер.

Р. Ф. Кремер с В. К. Гартманом и С. В. Кулагиным.

Фото из домашнего архива Р. Ф. Кремера.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

По уставу быть самим собой

Предельно правдивые,
отчасти спорные фрагменты
к 100-летию Героя
Советского Союза
Баурджана Момыш-Улы
на основе прежних
и впервые публикуемых
документов

*... Нам известны военные подвиги Баурджана Момыш-Улы.
Став писателем, он тоже совершил подвиг.
Оба подвига, на мой взгляд, равноценны.*

Герой Советского Союза, генерал-майор
Пётр Петрович ВЕРШИГОРА (1905—1963), выпускник ВГИКа (1938),
в годы Великой Отечественной войны командир 1-й Украинской
партизанской дивизии, затем преподаватель Военной академии
Генерального штаба, заведующий военным отделом всесоюзного
журнала “Знамя”, лауреат Сталинской премии за книгу
“Люди с чистой совестью”.

I. В дни и ночи 250-летия “добровольного
присоединения Казахстана к России”.
“Каждый казах у нас — это поэт.
А если не поэт, значит, он не казах”.

НЕ ЗНАЮ, кому как, а лично мне невероятно трудно, да что там трудно — совершенно невозможно осознать, что календарный возраст легендарного военачальника боевой школы славных полководцев Великой Отечественной войны Панфилова, Доватора, Чистякова, Вершигоры, Рокоссовского, Баграмяна, Черняховского, чрезвычайно одарённого литератора и философа, военного психолога, вдумчивого историка-новатора Баурджана Момыш-Улы исчисляется (подумать только!) целым веком.

Абсолютно не реальной кажется мысль о том, что его, как он сам себя называл иронично, **человека без фамилии** (в самом деле: **Баурджан** — это его имя, а **Момыш-Улы** — отчество — **Сын Момыша**, стало быть, **Момышевич**) нет среди нас с печального дня 10 июня 1982 года.

Но хорошо помню (и записи рабочего ежегодника точно подсказывают) — то был суматошный четверг, за которым наваливалась очень напряжённая череда невиданных дотоле праздничных торжеств. Димаш Ахмедович, заметно подавленный трагической вестью о кончине Бауке, ещё и подустал от частых выездов в аэропорт: Брежнев (не подозревавший, как и все в мире, что его земному кругу — день в день! — остаётся ровно 5 месяцев) уже подписал Указ о награждении республики **“за достигнутые успехи казахского народа и в ознаменование 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России”** орденом Ленина, и в Алматы отовсюду слетались делегации из братских союзных и автономных республик во главе с тогдашними номенклатурными китами.

И всех их, держа собственные чувства в крепкой узде, надо было встречать и ублажать. Да не просто в духе исконного казахского гостеприимства, но и многожды помноженного на высокий коэффициент исключительной значимости предстоящего события, которое ныне, как довелось мне вычитать из одной, несомненно, колоритной книги о Момыш-Улы, её автор — для Бауке далеко не сторонний человек (не стану указывать пальцем), поименовал **“лицемерным праздником”**.

Не сказал бы так — вздорно и вульгарно. Ибо то 250-летие действительно было **знаковой** датой для Казахстана, СССР, социалистического содружества и всего прогрессивного человечества. Остальное же, подразумевается, не-прогрессивное, в ту пору погрязло по уши в экономических, милитаристских, межэтнических, экологических и прочих раздорах и кризисах, в кои волей Всевышнего и полным нашим (чьим же ещё?) безволием, дьявольскими стараниями дядюшки Сэма и собственно-отечественных полит-аферистов через какой-то десяточек лет предстояло окунуться, как в гигантскую отхожую яму, и всем нам, причём с головой.

Но об этом тогда никто, включая великую болгарскую прорицательницу Вангу, не ведал. Повсюду наша пропаганда усиленно возглашала о неимоверных успехах, расцветах, взлётах, достижениях СССР (а они, эти успехи, расцветы, взлёты, никогда не были виртуальными), и многонациональному Казахстану на ярком примере “250-летнего нерасторжимого братства с великой Россией” надо было (и, прежде всего, докладом, подготовленным для его Первого Лица “золотыми перьями”) показать всем континентам планеты, исключая Антарктиду, ещё (не лишний!) раз, как считалось, несомненные преимущества **развитого (зрелого)** социализма над исторически обречённым миром алчного капитала, социального зла и неравенства.

Словом, тогда такой **амбициозный** праздник нужен был позарез, и эти, отнюдь не однодневные, торжества Кунаеву и всем, кто к их “механизму” вплотную был причастен, надо было провести на “ять”, без каких-либо сбоев и осечек. Хорошо понимали это и прибывавшие по ясному июньскому небу, во всех смыслах, **дорогие** гости, пока ещё совсем ничего не знавшие о смерти Бауке. Московскую делегацию возглавлял сутулый и грузный, словно перетрудившийся вол, тов. Гришин, делегацию Питера, или как тогда любили говорить, города Ленина на Неве — округлый приятно-улыбчивый колобок с монархической фамилией тов. Романов, а делегацию Российской Федерации

— известный, ещё в бытность вторым секретарём казахстанского ЦК, как непревзойдённый маэстро пикантных развлечений (приключений), тёзка Горбачёва (Михаил Сергеевич), крупным грубым лицом очень напоминавший истукана с острова Пасхи, тов. Соломенцев, ну и так далее. Когда в ожидании их снова зашёл уточнительный разговор, кого в какую резиденцию везти из аэропорта, Д. А. мрачновато усмехнулся:

“А Михаила Сергеевича можно сразу же на ночку-другую прямиком доставить на дом к... — и негромко назвал всем известное имя-отчество алма-атинской пассив Соломенцева, на которой тот **погорел** — женщины обаятельной и неглупой (право, как же она могла ответить такому **дубу** взаимностью? но ведь не даром в народе говорят: любовь зла, полюбишь и козла), но не напомнил, о чём тоже все хорошо знали: приткого партдонжуана тогда быстрёхонько спас Леонид Ильич (сам в подобных сюжетах не промах), перебросил из Казахстана в первые секретари Ростовского обкома партии, а потом, отозвав в Москву, поставил (вот смех и аплодисменты!) во главе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, где каждая третья скандальная **персоналка** включала в себя и **альковный** ингредиент.

Сопровождаемые своими идеологическими поводьями прибывали на устраиваемые в Казахстане Дни литературы и искусства РСФСР лауреаты-перелауреаты — живые классики всех видов и жанров — писатели, композиторы, художники, ваятели... Когда я, уже к вечеру, тоже прилично замотанный, занёс к Д. А. заключительные документы дня и самые последние новости с ТАССовских телетайпов (и своих телефонов), чтобы подробно обговорить распорядок на столь же бурное завтра и предстоящие дни и ночи празднеств, он прервал меня слабым движением руки, глубоко вздохнул:

“И-эх-х, святой Владислав! Гости гостями, но ни им, ни нам уже не воскресить Бауке! Такого человека потеряли!” — и всем корпусом тяжело отворнувшись к высокому западному окну, за которым, словно траурно развёрнутое густо-красное знамя, полыхал долгий летний закат.

Наутро глава делегации братской Украины, председатель Президиума её Верховного Совета глыбистый тов. Ватченко, не увидев огорчения Кунаева, вручил Д. А. (а заодно своему казахстанскому коллеге Имашеву и председателю нашего Совмина Ашимову — они тоже были не веселы) медаль “В память 1500-летия Киева”. Главы других делегаций ничего не вручали, кроме — по собственному усмотрению — текстов предстоящих выступлений на торжественном заседании во Дворце имени Ленина (ныне Дворец Республики). Понятно, не для цензуры, а для перевода на казахский язык. Объявившийся загодя в нескончаемой круговерти порученец тов. Гришина (полковник в штатском) не забыл скорбно упомянуть про Бауке и тут же объявил о горячем желании своего шефа увезти в Первопрестольную в качестве подарков трём внукам “впечатляющие казахские сувениры”.

Не оставляли Кунаева без деликатных просьб и знатно-именитые московские служительницы муз — им очень поглянулись роскошные меховые шубы и шубки, прочие привлекательные, ничуть не хуже любых импортных, изделия на республиканской ВДНХ — Выставке достижений народного хозяйства, а мастера театра и киноэкрана, мольберта, а также пера изъяснялись о своих желаниях увезти с собой по новому автомобилю “Волга”.

“Да я что им — Аладдин с волшебной лампой или старик Хоттабыч? — тихо ярился Д. А., но всё-таки говорил (кому надо) о непременно выполнении этих заказов, причём не на халяву, а сполна по госцене с её оплатой

заказчиками из их отнюдь не пустых карманов. — Вот видишь, святой Владислав, даже по-человечески погоревать по Бауке не дадут. Ну и ну! А разве бы он позволил себе такое? Ни-ког-да! Ты подскажи, чтоб за всеми этими громкими здравицами и бурными овациями не забыли про некролог. Чтоб напечатали в газетах на видном месте. И укажи там прямо, что Бауке был, — тут Д. А. нажал на голос, — **сподвижником и талантливым учеником легендарного генерала Панфилова!** Вник? То-то! Это Панфилов первым представлял Бауке сначала к ордену Ленина, затем и к Золотой Звезде! Потом полковник Серебряков тоже представлял. Даже дважды! А затем уже — и мы пытались... Да вот толку, как знаешь, пока никакого...”

Д. А. первым подписал некролог.

Назарбаев — девятым.

Одиннадцатым — Язов.

Тридцать девятым — Снегин...

Центральный орган Министерства обороны СССР четырежды орденосная газета “Красная звезда” отмолчалась, зато дала 12 июня 1982 года громадный отчёт о торжествах в Казахстане “в честь 250-летия добровольного присоединения” и вручении республике ордена Ленина.

Эти торжества кипели всюду, выплеснувшись из волшебного похорошевшей Алма-Аты на казахстанские просторы — очень сердечные и вдохновенные, но и с неожиданными — хоть стой, хоть падай — курьёзами.

“И всё же порадовался бы Бауке вместе с нами празднику! Помнишь, как здорово он выступил у нас на Пятой конференции писателей стран Азии и Африки! То-то! Однако и поиздевался бы, пожалуй. Ты сам слышал, как Гришин во Дворце Ленина безбожно коверкал наши исторические имена. Да так, что зал перестал аплодировать. Чокана окрестил ЧОканом, Ураза Джандосова — Джандосаевым, Маншук Маметову — Маншук Мамотовой, а Баурджана вообще не назвал. Ну и Цицероны, чтоб им пусто было...”

Много позже Д. А. с непривычной для него скованностью подвинул ко мне густо исписанный чёрным фломастером широкий лист бумаги **“верже”** — была у него из старых совнаркомовских запасов, с волнистыми водяными знаками, если просматривать её на свет. Теперь такой бумаги ни у кого нет.

“Ты мастер художественного слова, — сказал в своей уже давно мне знакомой, чуток насмешливой манере, но на этот раз слегка чужим голосом. — Посмотри, почитай, пожалуйста. Понятно, это всего лишь набросок, если угодно. Но ведь есть настроение? Или нет настроения? Скажи, только честно... Считай, что тут один тебе хорошо знакомый человек просит...”

Посмотрел. Негромко зачитал вслух. Настроение чувствовалось.

То были строки о Бауке, исполненные неким странноватым полуверлибром в виде пафосного обращения к самому Герою:

“Земля казахская — твоя родина, твой стан! / Эй, сородичи! / Знаете ли вы, кто такой Баурджан? / Наследник гордых предков ратной славы, / Защитник в грозный час войны державы, / Известный миру тактики тиган, / Среди писателей, поэтов великан! / Родных небес орёл, степей ковыльных / арыстан, / Вся жизнь его — пленительный дастан...”

Ну и так далее, в том же духе.

“Так-та-аак, — с немалым изумлением (и не скрою, скепсисом — его мгновенно уловил Д. А.) сразу же я понял по много лет мне отменно знакомому клинообразному (как у Менделеева) почерку, **чьи** это строки, и стал

медленно тянуть я резину. — “Дастан”, ясное дело, это — “поэма”. А “арыстан” — это, стало быть, “лев”. Царь зверей. Так, да?”.

“Да, царь, — подтвердил Д. А. — Ну так и что?”.

“Как что? Где же мы с Вами могли видеть “в степях ковыльных” льва? — осторожно поинтересовался я. — В камышах реки Или, близ Китая, давным-давно, во времена майора Перемышльского, водились семиреченские тигры. Они, как и уссурийские, даже благополучно зимовали. Снегов не боялись. Но опять же — не львы, а тигры. Даже есть картина у художника Верещагина — на ней русские солдаты в белых гимнастёрках жарким летом отбиваются от нападения полосатого хищника...”.

“Ну не будь же ты буквалистом, святой Владислав!.. Лев — это, понимаешь, поэтический образ, символ! Причём распространённый! А ты — камыши, река Или, тигры, Верещагин, майор Перемышльский!” — нехотя возразил Д. А., всё ещё полностью не открываясь мне в своём авторстве; историю основанного майором Перемышльским Заилийского военного укрепления Верное (Верный), ставшим Алма-Атой и в конце концов Алматы (да “в конце ли концов”? ибо обожают у нас, мёдом не корми, чаще всего наобум Лазаря, переиначивать изначальные топонимы).

Историю Семиречья и всего Казахстана наш Первый знал как Бог.

“Вот, если помнишь, — продолжил Д. А. — Лермонтов, кстати, майор Перемышльский, а вовсе не Перемышльский, как твердят наши умники-краеведы, был его университетским товарищем, писал про львицу с гривой, а у львиц, как знаешь, никакой гривы нет и не было...”.

“Да, писал. Но это не аргумент, — сказал я. — Русский язык и любая поэзия, будь она русской, казахской, турецкой или армянской не подчиняются даже самому высокому начальству. Партийному тоже...”.

“Эге! Это значит — мне!” — наконец-то открылся в своём авторстве Д. А.

“И потом какой же, простите, “пленительный дастан” может представлять собою жизнь Байке, если она у него была сплошь трудна и даже трагична? Правда, сам он никогда не плакался. Считал себя по-своему счастливым, полностью свободным человеком. Мог любому в глаза высказать, что о нём думает...”.

“Знаю-знаю. Считал. Ну а как правильней сказать про дастан?”.

“Правильней сказать — “героический дастан”.

“Гм-м... Это верно!” — подумав, одобрил Д. А.

“И что же, Вы этот свой дастан читали самому Байке?” — поинтересовался я как бы между прочим.

“Что ты! что ты! — замахал он руками, — только жене своей читал. И брату. Да вот тебе ещё. Ну, верно, и ещё кое-кому... Согласен с тобой — я, мил друг, конечно, не Абай и не Твардовский. А вот Байке мог сравниться с ними! И как писатель, как поэт он — великан! Даром, что ли, к его главной книге сам Константин Симонов предисловие дал! А вообще учти: у нас каждый казах — это поэт. А если не поэт, значит, он не казах”.

“О том, что каждый казах — поэт, я знаю. Причём давно”, — уведомил я.

“Это хорошо! — удовлетворённо кивнул он. — Но, по правде говоря, Байке не очень-то любил большие торжества и не жаловал шумихи, особенно громких похвал в свой адрес. Даже мог встать, сказать слово — соль с горчицей и перцем! — круто развернуться и — уйти! И никто ему не осмеливался перечить! Такой характер!”.

Через много лет (Д. А. уже не было на белом свете) мне довелось увидеть его строки о Байке у земляков Момыш-Улы Фатимы Оразбековой и

Армана Шауханова в их труде, рекомендованном к изданию учёным советом Таразского университета имени Дулати (рецензент доктор филологии, профессор М. Мырзахметов) под титулом “Глубокий след тулпара. Баурджан Момыш-Улы: Личность, Воин, Мудрец” (Алматы, 2006, тираж двести экземпляров). Право, уж не знаю, хвалить или порицать их за “предание тиснению” дастана Д. А., но полагаю, что сам Д. А. на такой публицистический подвиг едва ли бы решился.

И вот теперь, когда в память и честь Баурджана Момыш-Улы к его 100-летию (н)извергаются бурные Ниагары юбилейных акафистов и тропарей, со всей ясностью представляю его же, Бауке, едчайшую саркастическую улыбку от этих дифирамбических пассадов, впрочем, вполне заслуженных, но жадно (по-гобсековски) припрятываемых трибунными скрягами и скопцами при его (отнюдь не Мафусаиловых сроках) жизни.

А ещё остро чувствую и понимаю его громадное недовольство (возмущение и даже негодование) тем, как нынешние, не в меру усердные ревнители отечественной ономастики и топонимики, “энциклопедические” тоже (по сути, те же Гришины, но местечкового закваса), упорно тщатся выдать миру за подлинного Бауке его некий дубль (подобие) по имени **Бауыржан**, а по отчеству **Момышулы**.

Да будь он жив, ничуть не сомневаюсь, они получили бы от него такой укорот, который запомнился бы им, их внукам и правнукам навсегда. Любую историческую подчистку Бауке считал смертельным грехом, и своему “крёстному отцу” известному советскому писателю-фронтовику Александру Альфредовичу Беку (1903—1972) в официально составленном ими в 1942 году договоре на создание книги “Волоколамское шоссе” (видел я и этот документ) он внушал, чтобы его имя **Баурджан** и заменявшее ему фамилию отчество **Момыш**, а также смысловая частица **Улы (Сын)** тоже непременно обозначались Беком с большой буквы.

Вообще, как правильно заметил сын Бауке Бахытжан — с ним я знаком с юношеских лет — его отец **очень любил всё, что пишется с больших букв**. Но это вовсе не означает его (Бауке) самовлюблённости и гордыни, которую он всегда настойчиво призывал не путать с гордостью.

II. Скажи мне, кто твой друг. Шесть наград аксакала. “Шантимес”. “Ворошиловский стрелок”. Судьбоносные сборы в Ташкенте

Справедливость — талисман — и его должен носить в себе каждый командир и солдат.

Баурджан МОМЫШ-УЛЫ. Психология войны.

Книга-хроника. “Казахстан”, Алма-Ата, 1990, с. 109.

И ВОТ единственно-верная, с первого часу на этой Земле дарованная ему раз и на века, гордая персоналия — Баурджан Момыш-Улы — опять предо мною, крупно, чётко и размашисто не единожды прочерченная его собственной рукою в подробных текстах его же личных писем, фактически пока ещё никем на этом свете не знаемых, а также прежде тщательно от чужих глаз скрываемых им, гвардии полковником запаса и членом Союза писателей СССР Баурджаном Момыш-Улы, его сокроенных дневниковых записей на стыке конца т. н. хрущёвской оттепели и начала правления Брежнева, тоже пока ещё нигде не опубликованных.

Тексты этих машинописных и рукописных страниц, **безутайно** обращённых Бауке к большому уму и беспокойному сердцу своего верного сомышленника, выдающегося партийно-государственного и общественного деятеля Ильяс Омаровича (точнее, Дилимовича) Омарова (1912—1970), — незадолго до своей внезапной кончины передал мне вместе со своими новыми и, как оказалось, увы, последними трудами “Ильяс Омаров. Жизнь и философия”, “Когда и почему казахи присоединились к России” близкий родственник Омарова, видный историк и к тому же одарённый учёный-химик, мой надёжный друг Мухаммед-Халел Сулейманов — к слову, заботливый отец и своеобразный импресарио талантливой пианистки, лауреата элитных международных конкурсов в Риме и других европейских столицах Жанар Сулеймановой.

Мощным и разносторонним интеллектом Омарова, необоримой силой его воли и отваги, деловой находчивостью, его мировоззренческой убеждённости, аналитичностью ума, всенепременной слитностью слова и дела были покорены и очарованы многие из его самых значительных современников — от Леонида Леонова и Александра Фадеева, Каныша Сатпаева и Шакена Айманова, Ивана Шухова и Галины Улановой до Жумабая Шаяхметова и Нуртаса Ундасынова, Леонида Ильичёва и Екатерины Фурцевой...

Второй после Герольда Карловича Бельгера переводчик всемирно известной историко-революционной эпопеи Абдижамила Каримовича Нурпеисова “Кровь и пот”, “советский Чехов” Юрий Павлович Казаков (1927—1982) об Омарове сказал так: “... далеко не каждое министерство культуры может похвастаться действительно культурным министром. От души радуюсь за казахских друзей и даже жалею, что я не казах...”.

Ещё в 1944 году только что вернувшаяся после пяти лет ГУЛАГа из ссылки будущая Герой Социалистического Труда, народная артистка, лауреат Ленинской и Государственной премий, режиссёр и драматург Наталья Ильинична Сац (1903—1993) моментально увидела в нём не просто деятельного и разумного республиканского наркома: “Я поговорила с Ильясом Омаровым пятнадцать минут и после этого полюбила всех казахов. Какая культура, такт, уважение к собеседнику, вера, что мой приезд в Казахстан принесёт здесь большую творческую пользу!”.

Но ни Казаков, ни Сац, ни Шаяхметов, ни Айманов или кто-либо другой никогда и ни при ком не говорили о том, что Омаров республиканским министром культуры, а до того наркомом торговли и секретарём ЦК КП(б) Казахстана (по идеологии), а потом (да ещё и по совместительству) председателем правления всесоюзного агентства печати “Новости” в Казахстане, главой Общества советско-японской дружбы и главой Общества советско-корейской дружбы (и ещё полдюжины весьма ответственных в ту пору общественно-политических структур) стал вовсе не от своего рождения, что в 1934 году его лишали партийного билета, который он сумел вернуть, вторично вступая в партию в грозном 1941-м, сознавая, что Родине грозит смертельная опасность.

Что в 1952 году, когда он “допустил публикации, восхвалявшие ханов Аблая и Кенесары, батыров Исатая и Махамбета”, да ещё категорически отказался участвовать в идеологической травле своевременно отбывшего из Казахстана в Москву и Ленинград Мухтара Омархановича Ауэзова и профессора истории Ермухана Бекмаханова, осуждённого “за национализм” ярыми остолопами на 25 лет (освобождён в 1954-м, реабилитирован и назначен заведующим кафедрой истории Казахского государственного

университета имени Кирова), его (Омарова) вывели (исключили) из состава ЦК и, “милосердно” лишив любой другой работы, затем потребовали, чтобы он снова выложил партбилет, он заявил ошалевшим эмиссарам из партийного “гестапо”: “Получите, но вместе с пулей в моём виске”. Отстали кабинетные каты! Но не по-щучьему велению, а потому что партия и тогда не состояла из одних бессовестных прилипал и отпетых мерзавцев.

Баурджан же Момыш-Улы (он был всего на пару лет старше Омарова) все принципиальные (на обывательский **салтык**, безрассудные) высокоценностные качества своего друга воспринимал как должные и ничуть им не удивлялся и “не покорялся” им, “не очаровывался” ими, поскольку **всегда и во всём** был ему **ровня**, как, впрочем, и своему тоже пожизненному, фронтовому побратиму-панфиловцу, народному писателю Казахстана Дмитрию Фёдоровичу Снегину (1912—2001), которого наш Первый Президент справедливо назвал **Великим Гражданином**.

Семиреченцы вполне могут считать Бауке земляком, **жетысуйцем** — ибо территория Джамбулской области, где он в ауле Кольбастау Джувалинского района (родным же аулом Бауке стал Мынбулак. — **В. В.**) появился на свет божий 24 декабря 1910 года, тогда входила в состав Казахского Семиречья, обладавшего в ту пору ещё и всеми землями нынешней Киргизии, а незадолго до того — даже приличным по площади Заилийским “участком”, в конце XIX-го столетия, как подчёркивал один из самых деятельных семиреченских губернаторов Герасим Алексеевич Колпаковский (1819—1896), “по справедливости возвращённым Китаю”.

Бауке стал пятым ребёнком в семье грамотного мастера на все руки Момыналы (по-аульному Момыша) и работающей Разии — увы, мать Бауке умерла, когда ему не было и трёх лет, и все заботы о нём и его старших сёстрах легли на плечи отца и ласковой, мудрой и волевой бабушки Кызтумас. В автобиографической повести “Наша семья” (1956) Баурджан Момыш-Улы с неизбывной душевной благодарностью, тёплым юмором, зрительно и правдиво обрисовал многих с детства близких и родных ему людей, дал ёмкие картины родного очага, широкую панораму народного бытия со всеми его печальями и радостями, празднествами и конфликтами, живо и памятно воспринятыми глазами быстро взрослого казахского аульного подростка. Завершил эту повесть автор сказом, как и зачем он, уже отведавший хлёстких розг в ученье у муллы, оказался по воле отца и собственному желанию в деревне Евгеньевке в русской семье близких друзей отца Гончаровых и твёрдым обещанием: “О том, как дальше складывалась моя жизнь, будет рассказано в следующей книге”.

Правда, семиреченцам мог бы (при желании) возразить и сам Бауке, иногда уточнявший, что его родной район раньше принадлежал к Чимкенту и лишь при Советской власти был передан Джамбулской области, чей центр успел поименоваться и древним, известным ещё с V-го века до н.э. городом Таразом (Таласом), пострадавшим в XII-м столетии от нашествия каракитаев и монгольского владычества, и Аулие-Атой, и городом Мирзояном (в честь видного довоенного партийно-государственного деятеля, павшего жертвой местных и кремлёвских партийных интриг), и собственно Джамбулом, и вот, наконец, опять Таразом. В любом случае Бауке происходил из рода Дулат (Шамыр), он знал свою родословную (правильнее, **родословие**) досконально и безусловно приветствовал в землячестве исстари традиционно-воодушевляющую силу. Именно об этом (настоятельно советуя перечитать!) его пронзительный рассказ “Жизнь не погасла” (1966).

См.: Баурджан Момыш-Улы. Собрание сочинений. Предисловие Дмитрия Снегина. Том второй, Алма-Ата, “Жазушы” (“Писатель”), 1986, с. 226-240.

Это редкой эмоциональной силы правдивое сказание о безотказном “чернорабочем войны”, отважном, находчивом и немногословном пожилом казаке Адиль-Герее Калиеве, переимёнованном ещё в детстве в Андрея. Ничем плохим не было его имя, означавшее — Справедливый Герей, но в его семье “дети долго не задерживались на этом свете, и родители решили назвать меня Андреем, чтобы несчастье заблудилось и остался я жить...” — так объяснил он своё русское имя новому командиру дивизии, который обратил на него самое пристальное внимание.

Шестнадцать (!) раз Андрей-Адиль-Герей из воинственного рода Берше Младшего жуза, соплеменник легендарного бунтаря Исатая Тайманова из Букеевской орды, был изуечен германским свинцом в жестоких схватках с врагом, но выживал и возвращался в боевой строй. Превращая его воинская часть уходила вперёд, а сам он снова и снова всякий раз оказывался среди незнакомых ему бойцов и командиров — без единого, хотя бы маломальского поощрения. Кроме шестнадцати жёлтых и красных нашивок на груди. Из них шесть жёлтых — за тяжёлые ранения.

Невероятно, однако — факт!

И вот новый командир 9-й гвардейской стрелковой дивизии 6-й армии, освобождавшей Советскую Прибалтику, гвардии полковник Момыш-Улы данной ему свыше властью — командующим Первым Прибалтийским фронтом, будущим Маршалом Советского Союза, дважды кавалером Золотой Звезды Иваном (Ованесом) Христофоровичем Баграмяном — за свершённые, почти невероятные, но неопровержимые ратные подвиги награждает Калиева перед строем бойцов и командиров его батальона и под их бурные рукоплескания от имени Президиума Верховного Совета СССР **сразу же**:

- (1) воинским званием старшины,
- (2) Гвардейским знаком,
- (3) медалью “За боевые заслуги”,
- (4) медалью “За отвагу”,
- (5) орденом Славы третьей степени,
- (6) орденом Красной Звезды.

Скажу от себя, о чём ведаю не из вторых рук.

6-й армией командовал хорошо знакомый Бауке ещё по трудной службе на Дальнем Востоке в 1936-1940 годах генерал-полковник Иван Михайлович Чистяков — он был там командиром дивизии. Узнав о столь необычайном, шестикратном акте награждения, Баграмян и Чистяков полностью его одобрили.

Это я уже сам слышал от Ивана Христофоровича — с ним и его славной семьёй Бог сподобил меня тесно сблизиться в третьей четверти XX-го столетия.

Письма семьи Баграмянов храню свято (но это уже из другой тетради).

Однако Бауке никогда не абсолютизировал землячество и родство, не наделял их (само)властными и тем паче демоническими (скорее, блатмейстерскими) свойствами (“рука руку моет”, “ты — мне, я — тебе”, “сухая ложка рот дерёт”, “не подмажешь — не поедешь”, “ну как не порадовать родному человечку” и т. д.), беструдно позволявшими даже самым посредственным родичам намного легче других, более способных сограждан извлекать по жизни видимые (и невидимые) преимущества. Его кредо, однажды высказанное в минуту светлого откровения сыну Бахытжану:

“Кровное родство ничего не значит, если нет родства духовного”.

Да, смолоду для него в любом человеке важнее всего были живой ум, безупречная порядочность, честное отношение к труду и людям, а в Армии — к Воинской Присяге и всей нелёгкой ратной службе.

От сердца благодарный прекрасной **малой родине**, искренне воспе-той им в его стихах, рассказах, повестях, романах, он — вот уж поистине советское, а не какое-либо иное воспитание! (и тут уж из песни слов не выкинешь, а если выкинешь, то это будет другая песня) — безмерно боготворил **большую родину** — великий Советский Союз, а в нём — **свою**, братскую Россию.

Это её столицу в суровом 1941-м он вместе с бойцами и командирами 16-й армии Рокоссовского и 20-й армии Власова (того самого — до поры до времени тоже сильного, тоже патриотичного, тоже крепко любимого Сталиным и пока ещё — нет и быть не может войн без огромных трагедий и нелепостей! — не переметнувшегося к супостату) Бауке мощно прикрыл грудью своей и своего гвардейского батальона, а потом и гвардейских 1073-го и 1075-го полков на самых опаснейших рубежах, а затем с ними же, однополчанами самых разных возрастов, профессий и национальностей, освобождал российские, а когда, с подачи Баграмяна, возглавил 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, то — и прибалтийские города и веси от ненавистной нацистской и прочей нечисти.

Совсем не предполагая, что вот эти, почти полувек назад, далеко от дома, отстуканные им на простенькой пишущей машинке строки смогут стать **завещательными**, он обращался, казалось, на самом высшем эмоциональном пределе в письме к дорогому Ильяссу, а в его лице, наверное, и ко всем землякам и согражданам, потому что мало когда называл Омарова на “Вы”:

“... Мне очень грустно. Я тоскую по России. Я устал от вас. Вы устали от меня... А работать надо!!! **Служить** Советскому Союзу до последнего дыхания — **обязательно!!!**

Я — гражданин СССР!!!”.

И он — **служил!**

Да ещё и как, крепя свой **советский патриотизм** уже сразу же после отнюдь не радужной поры детства (вспомнить хотя бы лютый мятежный 1916 год или голодные годы — 1917-й с 1918-м с их засухой и недородом, массовым падежом скота) и после семилетней школы при Чимкентском интернате, затем быстро промелькнувшими годами романтической учительской и строгой, будничной, что ни на есть **советской — властной** райисполкомовской работы, с которой все трудовые люди всегда связывали понятие справедливости, и он олицетворял её для них.

Сызмальства за ним закрепилось лестное прозвище — **Шантимес**. Первыми об этом вспомнили ещё при его жизни чехи в одном из журналов “Златой Праги”, опубликовав ещё и выразительный фотоснимок: знаменитый на весь мир **барбудос** (бородач) **команданте** Кастро-старший пристально читает книгу на испанском языке — то ли самого Момыш-Улы, то ли о нём самом. Спустя четверть века, а то и больше, о лексеме **Шантимес** бодро вспомнили у нас в республиканских газетах, дав ей свою транскрипцию: **Шантемес**. Толкование же, слава Аллаху, осталось прежним: так в народе называют стремительного скакуна, чьих быстрых копыт не касается даже пыль дорог.

В начале 30-х годов Бауке стал самым молодым в Джувалинском районе да и всей области находчивым и смелым начальником милиции.

Но тут его скошил — нет, не бандитский выстрел из-за угла, а свирепствовавший окрест тиф, и, когда медики сумели вызволить его из липких лап опасной болезни, он, поначалу исключённый злобными недругами из комсомола и профсоюза, да ещё и ославленный в местной газете, но вскоре восстановленный в правах, с путёвкой крайкома комсомола подался в Алма-Атинский медицинский институт, в ту пору почему-то имени Молотова, но после знакомства с институтским моргом сразу же оставил этот вуз в пользу рабфака СХИ — сельскохозяйственного института. Но и СХИ тоже пришлось оставить, хотя его ректор — выдающийся партийно-государственный деятель, экс-нарком просвещения, экономист и вообще человек множества самых позитивных достоинств Ураз Кикимович Джандосов (1899—1938), у кого трудолюбивый и прилежный Бауке одновременно секретарил, прочил (удивительное совпадение: как и Снегину!) Бауке увлекательную судьбу агрария.

Снегин блестяще защитил диплом агронома-плодовода, а вот Бауке не вняв Джандосову и в 1931-м переквалифицировался (опять же недюжинные способности позволили) в толкового финансиста у меня на родине — в Чимкенте, откуда в ноябре 1932 года из тамошнего Промбанка военкоматская труба (проще сказать, мобилизационная повестка) позвала (призвала) его на **действительную** службу в РККА — Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, всего как 10 лет, в 1922-м, вышедшую из бурного огня и невероятных тягот Гражданской Смуты и иностранной интервенции.

Попал Бауке в РККА только лишь на год.

Легко сказать “только лишь”. В знойном Термезе близ границы с Афганистаном у полноводно-мутной Амударьи он получил первые почётные звания — **отличника** армейской службы и **“Ворошиловского стрелка”** (из 100 возможных очков выбивал почти 100!), но термезский год не показался быстрокрыло-кратким.

Насквозь пропылённый, продутый жаркими суховеями глинобитный Термез “под белым солнцем пустыни” запомнился Бауке на всю жизнь. Потом были довоенные паузы, заполненные теперь уже хорошо знакомой и крепко полюбившейся ему работой экономиста в Чимкентском Промбанке, Республиканском управлении Промбанка СССР в Алма-Ате и даже успешно освоенными годичными курсами при Ленинградской академии финансов.

В Питер он влюбился навеки. Много лет спустя с восторгом говорил:

“Город буквально ошеломил меня. Ни в какое сравнение не шли с ним ни Бурное, ни Чимкент, ни Аулие-Ата, ни Алма-Ата... На курсах я оказался самым молодым слушателем. Преподаватели удивлялись моей памяти. Зачётку постепенно заполняли четвёрки и пятёрки, как утки слетавшие весной на своё родное озеро. Всё свободное от занятий время я бродил по Ленинграду. По его музеям, паркам, старался не пропускать театральных премьер... Не мог насмотреться на плавную, величавую Неву... А по обе стороны её, будто белые ягнята на привязи, красивые, ровные, один к одному, здания. О! какая строгая и благородная архитектура! Словно гиганты из бабушкиных сказок — колонны Зимнего дворца. А колоннада Исаакиевского собора напоминает золотую ханскую корону. Вдалеке Петропавловская крепость. Сверкает на солнце остроконечная стрела Адмиралтейства... В Ленинграде я впервые по-настоящему узнал Пушкина. Долго я ходил вокруг Медного всадника. Он казался мне защитником казахского народа Кобланды-батыром, а конь под ним легендарным тулпаром Тайбурылом... Много раз ещё приходил я к памятнику, и он теперь

напоминал мне уже не Кобланды, а родного моего отца Момыша... А строптивые кони на Аничкином мосту напоминали мне наших жеребцов на далеком джайляу у подножия Джувалы... Самое интересное — в боях за Москву я во сне видел почему-то Ленинград и бронзовых коней Клодта — израненные пулями врага, они ржали, требуя отмщения...”

В стылом ноябре 1935 года военкоматская труба вновь подала властный голос, призвав 25-летнего Баурджана на командирские курсы в ТУЦ САВО — Ташкентский учебный центр Среднеазиатского военного округа.

“Сборы в Ташкенте и решили мою дальнейшую судьбу, — отмечал Бауке. — Конечно, если бы я не показал себя с лучшей стороны и если бы не заметили меня тогда, возможно, всё сложилось бы иначе, вышел бы из меня другой Баурджан...”

Но это была всего лишь месячная разминка перед вхождением в бытность теперь уже **профессионального** военного, которая (если сказать точно) началась у него со второй половины марта 1936 года, когда он был вызван в Казвоенкомат и направлен в Штаб САВО кадровым офицером (в звании лейтенанта!), а оттуда определён на Дальний Восток. Сначала командиром взвода управления батареи полковой артиллерии, затем командиром батареи горно-вьючной артиллерии, потом — начальником штаба батареи 267-го полка.

“И если я — **крепкий гвоздь**, то потому, что выкован в замечательной кузнице **Дальнего Востока**. И кузнецом, умело ковавшим и меня, и моих товарищей, я считаю **Блюхера**”, — отмечал Момыш-Улы.

III. Часы от маршала Блюхера. “Победа будет за нами!”. Слово Рокоссовского. Нашла коса на камень. Какой у него читатель

*... Кто наложил домашний арест на старика Абая, его лирику, его гений, его мудрость и не позволяет ему маленькими брошюрами прийти на фронт?..
... Что же вы, казахстанские писатели, так и будете сидеть у себя дома, не видя собственными глазами эту страшную войну? Как же вы завтра будете писать о военном времени?..*

Из письма Баурджана МОМЫШ-УЛЫ
в Союз писателей Казахстана. 1942 год.

*Я пришёл сюда не красоваться перед вами,
а отвечать за свои слова.*

Из выступления Баурджана МОМЫШ-УЛЫ
перед писателями в Москве 8 декабря 1944 года
на обсуждении повести “Волоколамское шоссе”.

НА ВСЮ жизнь Бауке запомнил, как он, 27-летний красный офицер, возглавлявший ещё и команду своего полка по конному спорту, в знак признания своих заслуг успел в 1937 году получить именные часы из крепких рук легендарного командующего воспетой в героических песнях ОКДВА — Особой Краснознамённой Дальневосточной Армией, кавалера пяти орденов Красного Знамени, в том числе этого ордена за № 1, грозы белочехов и атамана Дутова, героя обороны Каховского плацдарма и штурма Перекопа,

экс-главного военного советника при революционном китайском правительстве Сун Ят Сена, одного из первых Маршалов Советского Союза Василия Константиновича Блюхера (1890—1938).

Пели гордо и громко, чтобы весь мир слышал: “Винтовку в руки! / В карьер! / В упор! Товарищ Блюхер, / Даёшь отпор!”.

Но сам Блюхер (и это давно не секрет) — уже как командующий Дальневосточным **фронтом** — начав (внимание!) военные действия в районе озера Хасан **первым**, затем не сумеет **дать отпор** милитаристам императора Хирохито. Японцы, захватив стратегические высоты Безымянную и Заозёрную, летом 1938 года нанесут тяжелейшие удары пограничным и регулярным советским войскам. За невиданные провалы в войсковых операциях Блюхер, к тому же ещё и тесно подружившийся с зелёным змием, проследует 22 октября 1938 года — по решению специальной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) — под следствие и неожиданно (тромбоз сосудов!) скончается на 18-й день после ареста.

Тем временем кремлёвской дипломатии и пропаганде во что бы то ни стало нужно было срочно выдать катастрофический неуспех Хасана за блестящую победу — наподобие провального марша Красной Армии в 1920 году на Варшаву, поименованного Тухачевским **“победоносным поражением”**. Политический иллюзион вполне удался внутри страны, но только не вне её пределов. Хасан окончательно вдохновил Гитлера и всех остальных непримиримых европейских противников Кремля к “крестовому походу” на Восток, а обнаглевшего Жёлтого Микадо сподвиг к повторному броску — на СССР и теперь ещё и на Монголию в районе низовьев монгольской реки Халхин-Гол. Убийственная **шалость** обернулась не в его пользу самой настоящей войной и отнюдь не скоротечной — с мая по середину сентября 1939 года.

После ареста Блюхера слова о нём моментально повывлетали из громкой песни, сразу же переименованной: “Прицелом точным, / Врага в упор! Дальневосточная, / Даёшь отпор! / Краснознамённая, / Смелее в бой!”.

Были были взяты под стражу ещё несколько армейских командиров. Момыш-Улы спасли от ареста комдив Чистяков и его (Бауке) собственная прямота и правдивость, с какими он отвечал на вопросы особистов.

Но — замечу — самого Блюхера никто, нигде и никогда не объявлял **“врагом народа”** ни до, ни после кончины. Однако Бауке (только ли он!) до глубины души был потрясён всей **сложностью** случившегося. И всё же утешало, что вслед за **Хасаном** Блюхера грянул ещё и по-настоящему победоносный **Халхин-Гол** в блестящей стратегической аранжировке Героя Советского Союза Григория Михайловича Штерна (1900—1941), потом угодливо и целиком приписанной податливыми официальными историками Жукову.

Молодой командир Момыш-Улы воспрял духом. Ещё и потому, что прежде арестованные офицеры возвращались в боевой строй — все до единого.

В начале 1940 года он, несказанно возмужавший, уже не холостой, прибыл в Алма-Ату, откуда вместе с женой Жамал и дочкой Шолпан (с Жамал, как говорит сын Бауке Бахытжан, отец “познакомился в гостях; когда она хотела разрезать яблоко, предложил ей свой нож, она так сильно смутилась, что положила нож в свою сумочку — нож и оказался счастливым предлогом для новых встреч”) отбыл к месту нового назначения.

Им стал аккуратный военный городок Богуня в семи километрах от Житомира — во владениях КОВО — Киевского особого военного округа, которым тогда командовал Жуков. Начальником оперативного отдела был

полковник Баграмян. Должность Бауке получил весьма ответственную — **первого** помощника (фактически заместителя) начальника штаба 406-го стрелкового полка 24-й стрелковой дивизии. Как и на Дальнем Востоке, сразу же был замечен и отмечен командованием. Но служба под началом будущего четырежды Героя Советского Союза Жукова оказалась сравнительно недолгой — уже в конце 1940 года Бауке вернулся в Алма-Ату, как он откровенно признавался Снегину, во многом разочарованный и уязвлённый “грубейшим фельдфебельским стилем” управления Жуковым подчинёнными ему войсками. Да и первая встреча с Баграмяном, честно говоря, оказалась прохладной: тот явно (поначалу) подыгрывал Жукову в чересчур суровом обращении с командирами, не говоря уже о рядовых бойцах.

Но, быть может, и в этом тоже была своя сермяжная правда и своя необходимость — война уже заглядывала в земные и небесные ворота Советского Союза. К нашествию на СССР готовились не только в Германии и Японии. Франция с Англией уже разработали тайный план совместных мощных авиационных бомбардировок нефтепромыслов Баку и Майкопа. Далеко не дружественные проекты в отношении Москвы втайне от своих народов, а то и въявь, взлелеивались корыстными правителями не только больших, но и карликовых государств по давно известному: куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй. Словом, Кремлю и его военачальникам было не до сантиментов. Хотя, и это не анекдот: Железный Клим — нарком обороны СССР Ворошилов перед войной с Гитлером привёз из одной зарубежной военной академии (турецкой) для отечественных академий новую спецдисциплину — курс бальных танцев, правда, в факультативном варианте — кто хочет, осваивает, танцует, а если желания нет — прочерк в зачётке и воленс-ноленс, минус в характеристике. А посему в вальсах и мазурках, польках и менуэтах, полонезах, падекатрах, падетепатинах и других бальных танцах крутились все.

Однако сколько ни ждал танцующий, но бдительный, насквозь сурово “прожученный” военно-командный люд Страны Советов, не раз предупреждаемый на секретных совещаниях в Кремле Вождём после Хасана, Халхин-Гола и феерически неудачной для Красной Армии и всего СССР 108-суточной Финской кампании (за неё, как агрессор, СССР был изгнан из Лиги Наций) о роковой неотвратимости Большой Войны, а вероломное нападение 190 дивизий нацистской Германии и её разноплеменного охвоста 22 июня 1941 года оказалось как снег на голову.

Да, люфтваффе рейхсмаршала Геринга и диверсантам адмирала Канариса только за этот чёрный для СССР день, с самого утра и до позднего вечера, удалось сжечь немало краснозвёздных самолётов — поболее **полутора** тысяч! — преимущественно на аэродромах. Увы, это так. Но в первые же часы войны гитлеровцы крепко получили по зубам и в советском небе, и на яростно атакованных ими Балтийском, Северном, Черноморском флотах и Дунайской флотилии, на множестве западных погранзастав, а в Молдавии были отброшены туда, откуда они, как некормленые дикие звери, накинудись на советскую землю.

И — что и поныне тщательно скрывают от нас беспардонные перелицовщики Истории: никакой, даже самой малой растерянности, а тем более паники **в народе** не было. Напротив, все, даже те, кто был крепко обижен Советской властью, были уверены, что святые слова, вложенные Сталиным, Берией и другими членами Политбюро ЦК ВКП(б) в историческую речь Молотова первого дня войны, сбудутся, причём непременно:

“Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!”.

После возвращения из КОВО — Киевского особого военного округа — 30-летнему Баурджану Момыш-Улы, назначенному старшим инструктором Казахского республиканского военного комиссариата, немалый опыт, обрётённый на Дальнем Востоке и на Украине, очень сгодился, особенно при формировании в Алма-Ате и Талгаре под руководством генерал-майора Панфилова 316-й — будущей 8-й гвардейской стрелковой дивизии, неспроста получившей на всю войну у врага эпитет **“самой злой дивизии”**.

С ней он, уже командир 1-го батальона Талгарского полка, оставив семью в Алма-Ате, и отправился на фронт. В ноябре 1941 года командующий 16-й армией, впоследствии командующий Брянским, Донским, Центральным, Белорусским, Первым и Вторым Белорусским фронтами, Маршал Советского Союза и Польши, дважды кавалер Золотой Звезды Константин Константинович Рокоссовский скажет ему:

“Товарищ Момыш-Улы, не могу утверждать, что Вы единственный старший лейтенант в Красной Армии, который будет командовать полком, но в моей армии Вы — единственный. А ещё я думаю, что Вам пора вступать в партию. Новое назначение доказывает Вашу зрелость, и я надеюсь, что коммунисты полка окажут Вам доверие. А пока — поздравляю Вас!”.

Вскоре Бауке было присвоено звание капитана, а 2 октября 1942 года он стал подполковником.

В ответ же на его укоризненное письмо в Союз писателей Казахстана “старик Абай” полностью освобождается из-под “домашнего ареста”. Мухтар Омарханович Ауэзов завершает первую книгу своей эпопеи об Абае — позже он за неё удостоится Сталинской премии первой степени (1949), а ещё через десять лет, за всю эпопею “Путь Абая” — Ленинской премии.

В Панфиловскую дивизию стали наведываться из Алма-Аты, других мест республики её самые видные поэты и прозаики, известные деятели искусства. Первым проторил дорогу к передовой замечательный казахский поэт и драматург Абдильда Тажибаев, который с Бауке на всю жизнь сдружился ещё смолоду — в Чимкентском интернате. Его (Тажибаева) взволнованное стихотворение “Великан”, посвящённое гвардии капитану Баурджану Момыш-Улы, в блестящем переводе прекрасного поэта (и не только детского), четырежды лауреата Сталинской премии Самуила Яковлевича Маршак (1887—1964) было опубликовано в газете “Известия”, а до того напечатано на казахском языке в республиканской периодике. Безукоризненно владевший английским языком (ещё в 1912-1914 годах он был слушателем факультета искусств Лондонского университета), классический переводчик сонетов Шекспира, песен и баллад Бёрнса, Блейка, Вордсворта, Китса, Киплинга и многих других великих британцев, Маршак создал ещё и на их языке вариант “Великана”. Его передали по каналам ТАСС — Телеграфного агентства Советского Союза на берега Туманного Альбиона, в Канаду и США, Австралию, остальные англоязычные страны для публикации в периодике.

И словно ему в подкрепление по радио Москвы на весь мир голосом Левитана прозвучало сообщение “От Советского Информбюро”, напечатанное потом всеми газетами СССР:

“На одном из участков Калининского фронта противник атаковал одно из наших подразделений. Наши бойцы под командованием гвардии капитана Баурджана Момыш-Улы встретили врага огнём из миномётов и пулемётов, затем, контратаковав, отбросили гитлеровцев назад. На поле боя противник оставил убитыми 120 солдат. Подбиты два вражеских танка”.

6 июня 1942 года Момыш-Улы вручается орден Красного Знамени, а в августе того же года он был представлен к званию Героя Советского Союза, которое по неведомым нам причинам тогда не получил. 17 июля 1944 года гвардии полковник Серебряков, исключительно умело командовавший Панфиловской дивизией с марта по октябрь 1942 года, и начальник её отделения кадров гвардии майор Кондратов обратились в Президиум Верховного Совета СССР с убедительно проаргументированным новым представлением Момыш-Улы к званию Героя.

Безрезультатно.

“Сам я никогда не гнался за наградами, ни у кого их не просил. Я просто честно выполнял свой солдатский и гражданский долг, воюя за независимость нашей страны. Само письмо полковника Серебрякова является для меня наградой. Самой высокой наградой”, — так говорил сам Бауке.

Сменивший Серебрякова новый комдив генерал Ч. (Бауке, то ли из великодушия, то ли по каким-либо другим причинам, нигде не называет его фамилию полностью) сразу собрал всех командиров и прямым текстом дал знать им, что отныне вся история дивизии будет связана с ним и только с ним, а не с Панфиловым, Чистяковым и Серебряковым. Не согласным с ним Ч. посулил “показать, где раки зимуют”. Он же приказал забыть “о так называемых национальных особенностях дивизии”.

Поднявшийся с места Бауке в своей гневной отповеди не оставил камня на камне от абсурдных “заповедей” распоясавшегося краснолампасного самодура.

Тот взревел:

“Прекратить! Я знаю, что ты любимец Панфилова! Но я тебе не Панфилов и не Чистяков!”.

“И эти Ваши слова я не отношу к разряду умных, товарищ генерал”, — спокойно сказал Момыш-Улы и сошёл с трибуны.

Неизвестно, чем закончилось бы далее это непримиримое противостояние, но вскоре в кровопролитном бою Бауке был тяжело ранен и с родной дивизией ему пришлось расстаться.

“Так кто же он такой, этот загадочный генерал под литерой “Ч”? Фамилию хотя бы назовите”, — попросил я Бауке дома у Снегина во время одной из их незабываемых бесед “при ясной луне”.

Оба поначалу многозначительно переглянулись, потом Бауке, глядя в глаза мне, отрицательно покачал головой и принялся молча заправлять в свой мундштук новую сигарету, а Дмитрий Фёдорович сквозь зубы тихо процедил, добавив ядрёное словцо, которого допреж я от него никогда не слыхивал:

“Лучше не вспоминать, Слава!”.

“Вот именно!” — кратко и угрюмо подтвердил Момыш-Улы в сердцах произнесённую Снегиным невероятно крутую лексему.

Много лет прошло с того позднего осеннего вечера, и вот не далее, как в канун предвесенней выставки 2010 года “Раритеты АПРК — Архива Президента Республики Казахстан”, где впервые в Содружестве Независимых Государств среди общедоступных материалов были представлены и архивные документы из рассекреченных т.н. “особых папок”, мой давний коллега, известный историк и опытейший архивист, заместитель директора АПРК Вячеслав Михайлович Чупров ознакомил меня с фронтовыми

фотоснимками 67-летней давности (март 1943 года), запечатлевшими торжественную встречу командования 8-й гвардейской дивизии имени Панфилова с казахстанской делегацией во главе с одним из тогдашних секретарей ЦК КП(б) Казахстана Абдыкалыковым.

По центру каждого из снимков выделялся прочно скроенный, парадно-осанистый генерал-майор с театрально-полководческим лицом, украшенным коротко стриженными усами — явно под Клима Ворошилова, в ладно сшитой и аккуратно подогнанной новой шинели. А все же остальные, кого захватили в кадр фотообъектив, лишь просто фон, аккуратные статисты да и только. И партийный вождь Абдыкалыков, и отважный панфиловец Малик Габдуллин, и все прибывшие из Казахстана достойные представители его рабочего класса, колхозного крестьянства, трудовой интеллигенции.

И тем более картинно маячивший в отдалении молодой боец-казах из генеральской охраны — в его руках трёхлинейная (пятизарядная) винтовка Мосина образца 1890/1930 годов. Оно-то, конечно, могли бы дать этому, явно заранее тщательно проинструктированному бойцу и новенький автомат (пистолет-пулемёт) Шпагина (ППШ — в диске 72 патрона), но для гостей из далёкого тыла внушительных размеров винтовка с примкнутым к ней длинным трёхгранным штыком куда как более наглядный и более убедительный, чем автомат, атрибут всамделишной фронтовой обстановки.

Вот так и был разгадан нехитрый, явно показушный замысел генерал-майора по фамилии **Чернюгов**. Ни на одном из снимков с его участием Бауке я так и не узрел. Да и как узреть, если Момыш-Улы там не было и в сущности не могло быть.

И всё же от Снегина я узнал: когда Панфиловская дивизия наконец-то освободилась от бесчеловечного деспота-комдива, в ней моментально вспыхнуло настоящее празднество — открыто ликовали во всех её ротах, батальонах и полках. Повсюду командиры и рядовые весело шутили, от радости обнимали друг друга, пускались в пляс и даже палили в воздух — столь сильна была всеобщая (и тоже гвардейская!) неприязнь (если не сказать больше) к их бездарному и свирепому военачальнику.

“Уж больно осточертел всем этот форменный негодяй. Его богом стала вседозволенность. Поэтому он мог бы запросто схлопотать от кого-нибудь из **наших** якобы шальную пулю в спину, а ещё лучше — пониже спины, если бы его почаще видели на переднем крае так, как там всегда появлялись Панфилов и Чистяков. Такие случаи в других дивизиях бывали. Но он, как никто другой, очень берёт себя. Но, слава богу, не успели взять его на мушку”, — сказал мне по строжайшему секрету Дмитрий Фёдорович. И добавил, что этот горе-комдив очень был щедр на представления к наградам только для своих любимчиков и холуёв — к сожалению, объявились и они.

“Не стыдно ли им было носить такие ордена и медали?” — спросил я. Снегин горько усмехнулся:

“Что вы, Слава! Есть же поговорка, так она о них и только для них — стыд не дым, глаза не выест”.

А вот Бауке все свои наградные книжки (принародно орденов он почти никогда не носил) считал само собой разумеющимися — на ордена Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны

1-й степени, Красной Звезды, “Дружбы народов”, “Знак Почёта”, на другие “малые и большие” государственные знаки отличия.

И к своей всесоюзной и **всепланетной** славе относился точно так же, как позже его младший великий современник Первокосмонавт Юрий Алексеевич Гагарин (1934—1968) — с полным пониманием, но без самовлюблённой эйфории, — с тех пор как Александр Альфредович Бек, кстати, великолепно — слово в слово! — владевший искусством стенографии, открыл и психологически ёмко показал Бауке, **своего фактического соавтора**, тысячам и миллионам читателей в самых выразительных и динамичных книгах о героической защите столицы СССР от гитлеровцев и их финских приспешников — в повести “Панфиловцы на первом рубеже” и романе “Волоколамское шоссе” (в казахском переводе верного друга и однопольчанина Бауке отважного панфиловца Курманбека Сагындыкова — “Арпалыс”, что означает “Столкновение”), поначалу опубликованном в союзном журнале “Знамя” (1942), а затем распространившемся по всему белу свету, не исключая Острова Свободы, где Баурджан Момыш-Улы стал национальным героем кубинского народа.

Причём стал уже не только как знаменитый, досконально овладевший высоким ратным искусством — далеко не каждому в Большой Войне выпала необыкновенная и в то же время совершенно закономерная судьба **состояться** в ней от командира взвода, батареи, батальона и полка до командира **гвардейской** дивизии, а после этой небывалой и жесточайшей войны — успешно выйти в выпускники Высшей ордена Суворова 1-й степени академии имени Ворошилова, в обычные профессора другой, не менее важной, Военной академии тыла имени Молотова, более того, уверенно, несмотря ни на что, войти в круг самых значительных авторов советской и мировой биографической и военной прозы, теперь уже навсегда включившей в свой богатейший ареал и его книжные шедевры.

Прежде всего, это “записки офицера” о боевых подвигах Панфиловской дивизии “За нами Москва” и “История одной ночи”, чьи рукописи дважды обсуждались в 1942 году в московском Доме литераторов с аудиторией не менее 200-300 участников.

О неплакатной патриотической военной (а если смотреть глубже, то **антивоенной**) документальной прозе Момыш-Улы, его зорком писательском видении с немалой долей почтительного удивления (ещё бы! — то было едва ли не самое первое вхождение обстрелянного **офицера с передовой** в Большую Литературу!) говорили:

автор двухтомных мемуаров “Пятьдесят лет в строю”, старейший российский дипломат и военный деятель, окончивший Академию Генштаба в 1902 году, участник Русско-Японской войны (1904-1905), военный атташе России во Франции, Дании, Швеции и Норвегии, после Октября 1917 года безоговорочно вставший на сторону трудового народа и сохранивший для СССР огромные российские денежные средства, вложенные на его имя в заграничные банки, генерал-лейтенант Советской Армии Алексей Алексеевич Игнатьев;

известная революционерка из чрезвычайно одарённой семьи Стасовых, ветеран Коминтерна, главный редактор журнала на английском и французском языках “Интернациональная литература” Елена Дмитриевна Стасова;

участник Первой мировой и Гражданской войн, мэтр советской поэзии, неоднократный лауреат Сталинской премии (а в будущем и Ленинской премии) Николай Семёнович Тихонов;

академик, профессор истории Анна Михайловна Панкратова (не убожавшаяся в пору оную вместе с Ильясом Омаровым выступить в защиту историка Бекмаханова);

маститый эссеист, литературовед и критик Виктор Борисович Шкловский — не скрою, единственный, кто двинул поперёк всеобщего одобрения, но сделал это не убедительно, и в ответном слове Баурджана посправедливости был разделан под орех;

крупный прозаик и драматург, дважды лауреат Сталинской премии Борис Андреевич Лавренёв, многие другие столпы советской литературы, общественно-политической мысли и жизни.

Со временем не менее похвально были встречены книги Бауке “Тулеген Тохтаров”, “Генерал Панфилов”, “Кубинские впечатления”, “Наша семья” (за неё, опубликованную в 1956 году в России, писатель, спустя всего лишь каких-то 20 лет, у себя на родине в 1976 году был удостоен Государственной премии имени Абая), рассказы “Я помню их”, “Спина”, “Помкомзвода Николай Редин”, “Зелёный бугорок”, “Она” и другие произведения.

Хвала Аллаху и, разумеется, самому Бауке — ни одна из его книг (и лучших книг о нём!) и поныне, когда само книжном море интеллектуально обмелело и оказалось пока ещё густо затянутым тиной отъявленной безвкусицы и воинствующе-мерзкой пошлятины, не пылится на библиотечных полках, как в гигантских городах-мегаполисах, так и в аульных глубинках.

У Момыш-Улы, как, впрочем, и у Снегина, **свой**, я сказал бы, **особенный**, трезвый и не ошалевший от свалившихся на его (и нашу) голову всем известных передряг (демагогически объявленных множеством алчных политических лицемеров и конъюнктурных ублюдков чуть ли не всенародным благом), многомиллионный и многоязычный читатель — российский, китайский, германский, болгарский, чешский, польский, венгерский, румынский, британский, итальянский, греческий, французский, испанский, израильский, конголезский, никарагуанский, а теперь вот ещё (как мне пишут) и венесуэльский...

Советский и мировой читатель тянулся к Бауке всей душой, о чём свидетельствует множество получаемых им писем — отовсюду, откуда летают самолёты, ходят поезда и почтовые автомобили. И сегодня его труды, несмотря ни на какие социально-политические и прочие перемены, не могут быть списаны из нашего современного духовного арсенала. Ибо они служат отличным противоядием той мерзопакостной книжно-журнальной и телевизионной отраве, что уже давно без устали варганится на смрадной кухне идеологических перевёртышей и хамелеонов вроде изменника Родины, перебежчика Резуна, усопшего генерала Волкогонова, однако ныне вполне благополучно здравствующих беспогонных фальсификаторов Истории типа Делаграмматик, Артёмова, Пушкарёва (перешеголявших в своих цинично-лживых измышлениях о Великой Отечественной войне даже доктора Геббельса), прочих российских, западноевропейских и заокеанских очернителей нашего героического прошлого.

Продолжение в следующем номере.

Геннадий ЛУНЁВ

Дочь Арала

Повесть

(Окончание. Начало в № 7 за 2010 год)

Глава седьмая

С того дня Карлыгаш и Еркен стали ходить повсюду вместе: и в школу, и в кино, и купаться на море. После уроков часто шли к Еркену домой, где вначале пили чай с яблочным вареньем, а потом садились за книги. Еркен занимался математикой и физикой по учебникам высшей школы, а Карлыгаш — литературой. Еркен готовился к поступлению в технический институт, а Карлыгаш в педагогический вуз в Оренбурге. Специальную программу для них подобрал и разработал Алексей Иванович Козлов.

Злиха часто выговаривала дочери: к лицу ли девушке до замужества встречаться с парнем и появляться в его доме? Мол, это не в традициях казахского аула! Но мудрый Ербол успокоил жену. Дескать, старые привычки канули в прошлое, поэтому дочь должна идти в ногу со временем. Одна лишь Глафира откровенно поощряла дружбу Карлыгаш с Еркеном.

— Завидую я тебе, Карлыгаш, — не раз с грустью говорила она девушке, когда та иногда вечерами делилась с ней своей первой девичьей тайной. При этом Глафира не раз тактично намекала ей на то, что она должна свою девичью честь хранить до замужества.

— Не переживайте, вам не будет стыдно за вашу воспитанницу, — отвечала Карлыгаш, густо краснея.

А сама про себя иногда думала: “Ну какая я Еркену пара? Он парень с математическими способностями, серьёзный, обязательно станет учёным. И мать, и сестра у него хорошо играют на пианино. А кто я? Простая девчонка, каких много на железнодорожной станции и в рыбацком посёлке...”. Одно лишь Карлыгаш успокаивало и ободряло: когда она появлялась в доме Сулейменовых, мать Еркена всегда нежно обнимала её за плечи и приговаривала ласково:

— А вот и наша будущая невестушка пожаловала к нам в гости.

Но все планы, мечты об учёбе в вузе Еркена и Карлыгаш, и миллионов советских людей в одночасье надломила и спутала начавшаяся война с фашистской Германией 22 июня 1941 года.

В это воскресенье выпускники Аральской железнодорожной средней школы решили попрощаться с Аралом, поэтому ранним утром всем классом пошли купаться на море. На следующей неделе они должны были разъехаться: одни — продолжить учёбу в вузах, некоторые ребята завербовались на строительство Магнитки, а Витьку Кузьмина и Зинку Богатырёву зачислили топографами в геологоразведочную партию, которая отбывала в район Магадана, где для геологов был непочатый край работы. Здесь, на берегу залива, и разыскал своих питомцев Алексей Иванович Козлов.

Ребята не узнали его. Он был сильно чем-то встревожен, выглядел растерянным и не был похож на того уверенного в себе директора школы, которого они привыкли видеть ежедневно на уроках. Едва скрывая волнение, как-то виновато поглядывая на ребят, он и сообщил дрогнувшим голосом

страшную весть, что началась война. Сразу наступила мёртвая тишина. Ребята словно онемели, они понимали, что означает такое страшное слово “война”, их лица мгновенно стали серьёзными, до жути бледными. Первым заговорил Еркен.

— Надо полагать, Алексей Иванович, нам, парням — будущим защитникам Отечества — ныне не до учёбы.

Алексей Иванович уже слышал по радио выступление Молотова, который сообщил, что вся страна в гневном порыве поднимается на борьбу с фашизмом, что и в Аральске, по инициативе городской комсомольской организации, на предприятиях уже начинают формировать из числа молодёжи отряды добровольцев, готовых отправиться на фронт, грудью встать на защиту Родины.

В гражданскую войну Алексею Ивановичу тоже пришлось с винтовкой в руках в частях Красной Армии отстаивать идеалы революции в борьбе с отрядами атамана Дутова в Оренбуржье. Многие его сверстники — участники тех сражений — полегли на поле брани на левом берегу реки Урал, и матери до сих пор оплакивают своих сыновей и дочерей. Теперь и его воспитанникам, если попадут на фронт, а попадут они наверняка, в этом старый солдат не сомневался, — придётся привыкать к мысли, что человек и смерть в бою всегда ходят рядом. И все ли вернутся они живыми? А возможно, погибнут в огне сражений, ещё не вкусив всех прелестей жизни? Кто может предугадать это? Никто!

— Посмотрите, как сразу постарел наш директор, — прошептала ребятам Зинка Богатырёва, — он совсем стал походить на старичка-боровичка из русской народной сказки, — по-женски горестно всплеснула она руками. Но её слов уже никто не слышал. Ребята стали торопливо одеваться, а затем гурьбой направились в город, где на городской площади, рядом со зданием райкома партии, должен был начаться митинг.

Глава восьмая

29 июня 1941 года, через неделю после начала войны, на железнодорожной станции в городе Аральске собрались едва ли не все жители. Провожали на фронт первый отряд добровольцев, сформированный из рабочих судоремонтного завода и выпускников десятых классов казахской и русской средних школ. В центре перрона на трибуну, сбитую в спешке из грубых досок и обтянутую красным сатином, сменяя друг друга, поднимались руководители горкома партии, активисты комсомола, рабочие морского порта, преподаватели школ. Злиху Бикжанову, провожавшую на фронт единственную дочь, больше всего поразило то, что речи выступавших больше отдавали торжественностью и парадностью, чем тревогой за судьбу страны, за жизнь будущих воинов. Все ораторы почему-то были твёрдо убеждены, что через месяц-другой доблестная Красная Армия разобьёт врага, и молодые бойцы после победы вернутся домой живыми и невредимыми.

Парни и девчата, ещё не достигшие 17-18-19-ти лет, построенные у здания вокзала в три шеренги, замерли в ожидании приказа представителя военкомата о посадке в товарные вагоны, которые затем должны были прицепить к пассажирскому поезду “Москва — Ташкент”. Как объяснили в военкомате их родителям, добровольцы вначале пройдут специальные курсы по военной подготовке в Среднеазиатском пехотном

училище в городе Ташкенте, и лишь потом попадут на фронт. Ребята в старой, поношенной одежде, с вещмешками за плечами выглядели робкими и взволнованными.

Еркен Сулейменов, Витька Кузьмин, Карлыгаш Бикжанова, как самые рослые ученики в десятом “А” классе, стояли в первой шеренге. Они внимательно и с восторгом слушали речи ораторов, которые с гневом клеймили фашистов, напавших на СССР, хотя ещё незрелым умом не могли толком понять, о чём шла речь. Война по привычке в их воображении воспринималась как детская игра в казаки-разбойники, а не как тяжёлый ратный труд, замешанный на солдатском поте, крови и смерти. Они не ведали, что им вскоре предстоит столкнуться в открытом бою с жестоким врагом, покорившим чуть ли не всю Европу, а после этого, если повезёт, разделить с однополчанами либо славу победы, либо умереть на поле брани во имя того, чтобы жили другие. Им тогда почему-то казалось, что смерть не так страшна, а наоборот — почётна, когда погибаешь с мыслью во имя защиты Родины и вождя страны Сталина.

Ербол и Злиха Бикжановы — родители Карлыгаш, оба бледные, точно окаменевшие, молча стояли в толпе провожающих. Соседка Глафира постоянно подносила к лицу Злихи пузырьрёк с нашатырным спиртом, чтобы она, стиснутая горем, словно стальным обручем, пришла в себя и смогла тепло проститься с дочерью, сказать ей перед расставанием напутственные слова. Чуть в сторонке, понуриив голову, стоял в одиночестве брат Глафиры Савелий Шнуров — его сын Фёдор, токарь судоремонтного завода, тоже добровольцем уходил на фронт.

Директор школы Алексей Иванович Козлов выступал на митинге последним. Лишь его речь отдавала тревогой за судьбу своих учеников, однако и она больше походила на лекцию по военной подготовке, чем на патристический призыв к землякам грудью встать на защиту Отечества. Как старый солдат, прошедший через страшную бойню гражданской войны, трижды раненный и контуженный, он по собственному опыту хорошо знал, что от пулемётного огня чаще гибнут те солдаты, которые идут в атаку не пригибаясь, а во весь рост. Что воронки от бомб — самое удобное место, где бойцы могут укрыться от огня артиллерии. Словом, Козлов был хорошо знаком с простым набором суровых солдатских навыков, и если его ученики, полагал он наивно, будут соблюдать их во время боя, атаки, то пули, осколки минуют ребят. Ради этого он и поднялся на трибуну, ради этого и говорил, чтобы предотвратить преждевременную гибель своих учеников, чтобы потом их матерей не захлестнули волны безутешного горя, чтобы они не рвали на голове вмиг поседевшие волосы и не царапали лица, захлёбываясь от слёз. В одно Козлов упрямо не хотел верить, что жестокая война, уже неделю бушевавшая на западе страны, вскоре разделит его учеников на живых и мёртвых, и что затянется эта кровавая бойня на целых четыре года.

Раздалась команда на посадку в вагоны. Духовой оркестр заиграл марш “Прощание славянки”. Родители в возникшей суматохе стали спешно прощаться с детьми. Злиха вдруг услышала, как кто-то из сотрудников военкомата с тревогой в голосе тихо сказал секретарю горкома партии: “Воевать провожаем детей вместе, а умирать в бою они будут поодиночке”. Эти слова будто острым ножом полоснули по сердцу Злихи, она в беспомощности впилась в плечи дочери и, обливая лицо Карлыгаш горячими

слезами, волчицей выла у неё на груди. Ербол с трудом оторвал жену от дочери. Глафира едва успела сунуть в руки Карлыгаш пакет с бинтами, ватой и беляшами, как чьи-то сильные мужские руки подхватили девушку, и она оказалась в вагоне. Глафира догадалась — это были Еркен Сулейменов и Витька Кузьмин.

Злиха не видела, как маневровый паровоз бесшумно подцепил товарные вагоны и покатил их на запасной путь, освобождая место прибывающему на станции пассажирскому поезду. Сломленная горем, рыдая, она обречённо смотрела в сторону удаляющихся вагонов. Вскоре их прицепили в хвост пассажирского поезда, и толпа провожающих ринулась в конец состава, расталкивая детвору, женщин, торгующих рыбой. Через несколько минут громкий гудок паровоза прокатился над перроном, заглушив собой и плач женщин, и песни под гармонь, и медь духового оркестра. Поезд тихо тронулся, вагоны, дробно постукивая колёсами на стыках рельсов, стали быстро набирать скорость. Было страшно смотреть на рыдающих матерей, бегущих рядом с вагонами, и как их дети, переваливаясь по пояс через заградительную доску, тянули к ним руки.

Постепенно зелёная нить поезда скрылась за входным семафором. Злиха и ещё несколько женщин, сами того не понимая, что делают, припали щеками к горячим рельсам, подрагивающими от дальнего перестука колёс вагонов. В эти минуты Злихе казалось, что стальное полотно будто живой нитью связывает её с дочерью, которую она родила 17 лет назад, а затем столько же лет воспитывала и с нежностью лелеяла, как когда-то в юности ранней весной распустившийся комнатный цветок. На следующее утро соседи, встретившись с Злихой в магазине, заметили, как постарела и осунулась она за одну прошедшую ночь. По скорбному взгляду её потемневших и нахмуренных глаз нетрудно было догадаться, как нелегко дались женщине проводы на фронт единственной дочери.

Глава девятая

Каждый день после вечерней поверки курсанты Среднеазиатского Ташкентского пехотного училища с волнением слушали по радио сообщения Информбюро о положении на фронте. 28 сентября 1941 года пришла тревожная весть — немцы блокировали Ленинград и продолжают рваться к Москве. Над столицей нависла опасность. Войска Западного фронта ведут ожесточённые бои с фашистами на Можайском и Наро-Фоминском направлениях.

На следующий день рано утром училище подняли по боевой тревоге. Первую роту, где проходили службу курсанты из города Аральска Карлыгаш Бикжанова, Еркен Сулейменов, Витька Кузьмин и Фёдор Шнуров, доставили на железнодорожный товарный тупик. На первом пути стояли три старых пассажирских вагона, неподалёку майор Жумабаев и старшина Фоменко что-то выясняли у железнодорожника. Тот, возмущаясь, сердито размахивал перед ними руками. Курсанты с любопытством наблюдали за их перебранкой.

— О чём это они спорят? — поинтересовался Фёдор Шнуров у Еркена. За него с тревогой в голосе ответил Витька Кузьмин:

— Прибудем на фронт, узнаешь.

Курсанты побаивались и одновременно уважали майора Жумабаева. Преподавателем он был строгим, единственным в училище, кому в 1939 году,

командуя батальоном, довелось воевать в Монголии с японцами в районе реки Халхин-Гол. Воевал храбро, надёжно, о чём красноречиво свидетельствовали его боевые награды. Трижды был ранен, один раз тяжело. Поговаривали, будто орден Красного Знамени ему лично вручал сам командующий группой войск на Халхин-Голе Г. К. Жуков. На лекциях по боевой подготовке Жумабаев старался внушить будущим лейтенантам, что пуля в бою в первую очередь настигает труса, а смерть бессильна перед смелыми и находчивыми командирами и бойцами.

Раздалась команда “по вагонам”.

Еркен Сулейменов, временно назначенный Жумабаевым командовать ротой, приказал девушкам из взвода медицинской службы занять первое купе. Курсанты и бойцы под их присмотром взялись раскладывать на полках матрасы. Витька Кузьмин, заглянувший в купе, не сдержался, съязвил, шепнув Карлыгаш на ухо:

— Удобное местечко для свидания с Еркеном.

Разбирая вещмешок, та сердито посмотрела на Кузьмина, потом спросила незлобно:

— Завидуешь Еркену?

— Завидую, — растерянно ответил Витька. Ему вдруг стало неловко за свою глупость, смутившись, он торопливо покинул купе.

Однокашники Кузьмина знали: Витька ещё с седьмого класса, как они выражались, по уши был влюблён в Карлыгаш, несколько раз после уроков пытался проводить её до дома, но та отказывалась от его услуг. А однажды в присутствии подруг, вырвав из его рук портфель, сердито оттолкнула парня. После того случая Витька стал избегать с ней встреч, даже на переменах. К чему искушать судьбу? А когда узнал, что Карлыгаш втайне от подруг встречается с Еркеном, даже пытался бросить школу.

Сформированный в Ташкенте воинский эшелон с замаскированными на платформах броневиками, пушками, другой техникой, с короткими остановками на узловых станциях шёл на запад. За окном проносились товарные поезда с эвакуированным населением из Украины, Белоруссии и России, полустанки, деревни, поля с пасущимися коровами. На пятый день эшелон остановился на небольшой станции. Выскочивших из вагонов курсантов и бойцов несколько местных женщин принялись угощать варёным картофелем. Одна, раздавая горячие клубни, приговаривала:

— Ешьте, сынки, ешьте на здоровье, только воюйте стойко. Сколько ж можно отступать, пора и упереться. Не дайте врагу захватить Москву!

— Не тревожьтесь, столицу не уступим, — уверенно ответил Еркен Сулейменов.

— Дай-то Бог..

Пожилая старушка со слезами на глазах упрашивала ребят отомстить проклятым фрицам за сына, погибшего на границе на третий день войны.

Одна полная женщина, глядя, как курсанты с аппетитом уплетают картошку, шутливо заметила:

— Видать, приелась на службе гречневая каша-то?

— Ничего, потерпим, — засмеялся Витька Кузьмин.

— Откуда родом-то, сынки? — любопытствовала она.

— Мы-то?

— Да...

— Из Казахстана, — с гордостью ответил Фёдор Шнуров.

— Вы ж дети ещё, а уже воевать едете...

— Надо, мамаша, страна в опасности, — как-то по-взрослому заметил он.

8 октября эшелон прибыл в пригород Москвы — на станцию Быково. Курсанты и солдаты высыпали из вагонов. На перроне к майору Жумабаеву подошёл офицер в звании капитана. Представившись, приказал построить курсантов и солдат. Из дверей вокзала торопливо вышел полковник — пожилой, седеющий человек с усталым лицом и перевязанной головой. На затылке сквозь бинты просочились следы крови. Выслушав рапорты капитана и майора Жумабаева, полковник подошёл к строю. Поздоровавшись с курсантами и бойцами, представился по-военному чётко:

— Я командир 17-й стрелковой дивизии 2-й полевой армии полковник Скворцов Василий Ефремович. От имени командования поздравляю вас с прибытием на фронт. В пригороде столицы формируется запасной полк. Воевать вам предстоит в армии Рокоссовского в составе Западного фронта. — Окинув строй внимательным взглядом, шутливо заметил:

— Хорошо что с вами прибыл взвод девчат. Значит, воевать будет не скучно.

Потом поинтересовался у Жумабаева, почему курсантам не присвоили в училище воинское звание — лейтенант или младший лейтенант.

— Не успели, товарищ полковник, да и служат они без малого три месяца, — ответил тот.

Курсанты и солдаты рассматривали командира дивизии, они впервые встретили военного человека, который уже успел повоевать, пройти на фронте через горнило боевых сражений. Полковник говорил громко, с тревогой в голосе, лицо от напряжения сделалось строгим, тёмным, точно вырубленным из серого камня.

— Немцы остановлены на подступах к Москве временно. Но будет ошибкой думать, что фашисты не полезут на столицу. Полежут! И вам, командирам, курсантам и бойцам Красной Армии, выпала честь остановить врага. Сейчас от правильных действий, организованности и стойкости каждого полка, батальона, роты, от храбрости солдат и командиров зависит исход каждого боя, каждой операции, а, в конечном счёте, — судьба Москвы! Я, сынки, надеюсь на вас.

— Не сомневайтесь, товарищ полковник, не позволим врагу захватить столицу! Погибнем, но не дадим! — неожиданно для всех выкрикнул из строя Еркен Сулейменов. И опешил от собственной смелости.

Майор Жумабаев строго посмотрел на него. Перебивать старшего офицера по званию, да ещё командира дивизии, он считал грубейшим нарушением воинского устава. Но Скворцов, наоборот, приветливо улыбаясь, подошёл к Сулейменову, стоявшему в первой шеренге, и спросил, положив ему руку на плечо:

— Откуда будешь родом, курсант?

— Из Аральска, есть такой город в Казахстане на берегу Аральского моря.

— Казах?

— Так точно, товарищ комдив.

— И много вас из Казахстана?

— Целый взвод наберётся.

Полковник одобрительно похлопал Сулейменова по плечу.

— Спасибо за поддержку, сынок. Уверен, казахстанцы не осрамят дивизию.

— Служим Советскому Союзу! — хором ответили курсанты.

Подошла полевая кухня.

— Ну вот, плотно пообедайте, потом получите оружие, боеприпасы, сухой паёк и — маршем к месту дислокации полка. Встретимся на передовой.

В середине второй декады октября немецкая армия усилила наступление на Москву. На всех направлениях Красная Армия вела тяжёлые бои. Военная обстановка на Западном фронте менялась ежедневно, а порой — ежечасно. 15 октября под натиском армии фон Бока и танковой группировки Гудериана пал город Боровск, а 18 — Малоярославец и Можайск. В те дни командующим Западным фронтом и ответственным за оборону Москвы по распоряжению Сталина был назначен генерал армии Г. К. Жуков. Его имя, как победителя немцев под Ельней и организатора обороны Ленинграда, стало популярным на фронте и вселяло боевой дух среди солдат и офицеров.

Курсанты Среднеазиатского пехотного училища вошли в состав 2-го батальона 139-го полка, командовал которым подполковник Терёхин. Командиром батальона назначили майора Жумабаева. Медицинских сестёр — стройных, стеснительных девчат, ещё не привыкших к солдатским сапогам и военной форме, в их числе и Карлыгаш Бикжанову, направили в медсанбат. Еркена Сулейменова, Витьку Кузьмина, Фёдора Шнурова, других курсантов зачислили в пятую роту, понёсшую накануне большие потери в боях за город Можайск. Её командиру лейтенанту Поликарпову не было и 30 лет, а выглядел он намного старше. Построив роту, он молча обошёл строй, внимательно всматриваясь в лица новобранцев, которых предстояло ещё научить обороняться и наступать. В его хмурым, критическом взгляде не трудно было прочесть: «Нашли пополнение... С таким детским садом навоюешь...».

Командир полка Терёхин, кадровый военный, организованно отступая с частью с боями от самой белорусской границы, уже хорошо усвоил, что такое война. Она в мгновение может лишить человека либо жизни, либо покалечить. Пройдя с тяжёлыми сражениями сотни километров, он так и не привык к смерти солдат, видеть, как гибнут однополчане, особенно молодые парни. Им бы ещё только жить да жить, учиться или работать, ходить на свидания с девушками, а война уже подставила их под пули. Вот и девушки-медсёстры приехали на фронт добровольно. И кто заручится, обойдёт ли их смерть стороной? Знакомясь с прибывшим пополнением из Средней Азии, с кем вскоре предстояло разделить славу победы или погибнуть, Терёхин в разговоре с майором Жумабаевым не скрывал — бои за Москву предстоят тяжёлые. Только одного опасался он — выстоят ли курсанты, не дрогнут, увидев танки. Жумабаев ответил уверенно:

— Выстоять-то выстоим, только вот ребят жалко. В бою ещё не были, необстрелянные. Полягут многие...

В штаб 17-й стрелковой армии поступила секретная сводка — готовясь к решающему наступлению на Москву, немецкое командование сосредоточило на Наро-Фоминском и Волоколамском направлениях крупную группировку из нескольких отборных пехотных дивизий и танковой армии. Взятый разведкой в плен немецкий офицер подтвердил: по приказу

Гитлера сюда из-под Ленинграда срочно перебросили много артиллерии и бронетехники. Перед полком Терёхина была поставлена задача — задержать наступление немцев на Волоколамском направлении. Одна назойливая мысль постоянно терзала его — хватит ли у полка сил, чтобы остановить врага.

Батальон Жумабаева занял линию обороны в 135-ти километрах от Москвы, на крутом склоне высоты по соседству с небольшой деревенькой Серпуховка. Это расстояние от станции Быково батальон преодолел маршем за трое суток — с небольшим отдыхом и привалами. Потом два дня под холодным осенним дождём бойцы рыли окопы в полный рост, укрепляли блиндажи, огневые точки. Усталость валила с ног, но они, не жалея себя, продолжали расчищать ходы сообщения, маскировать окопы.

В третьем отделении второго взвода пятой роты, где за старшего был сержант Ермилов, после предыдущих боёв кроме него самого остались два бойца — пулемётчики Захар Сорокин и Гога Инаридзе, балагур, рассказчик весёлых баек и анекдотов. Но это были уже опытные, обстрелянные солдаты. Пятерых курсантов они встретили как старых друзей. Витьке Кузьмину, Еркену Сулейменову, Фёдору Шнурову понадобилось несколько часов, чтобы с ними познакомиться и подружиться.

Сержант Ермилов слыл в роте опытным младшим командиром, успел повоевать с финнами на Кольском полуострове и был известен в полку своей отчаянной храбростью. Во время короткого отдыха он подсказывал новичкам, когда лучше стрелять из винтовки по вражеской пехоте, как пользоваться противотанковыми гранатами. Главное, бросать их надо, когда танк подойдёт на близкое расстояние, а гусеницы — самые уязвимые места. По разговору в штабе полка Ермилов догадывался — бои за город Волоколамск предстоят тяжёлые, и ему, как и подполковнику Терёхину, очень хотелось, чтобы новички не дрогнули в первом бою, дрались с твёрдой верой в победу.

Рано утром 22 октября немецкая авиация и артиллерия начали массовую бомбардировку передовых линий 17-й стрелковой дивизии. На позиции батальона Жумабаева обрушился град бомб и снарядов, они рвались неподалёку от бруствера, где расположилось отделение Ермилова. Еркен Сулейменов, Витька Кузьмин и Фёдор Шнуров, не понимая, почему вдруг на них нахлынул жуткий страх, попадали на дно окопа. Взрывной волной на спины обрушило комья земли, от угарного газа трудно было дышать, слезились глаза. В окопы спрыгнул сержант Ермилов. По старой воинской традиции он хотел поздравить новичков с боевым крещением, узнать, готовы ли они к отражению атаки противника. Увидев прижавшихся их к земле, похвалил:

— Поступили грамотно, осколками тут вас не достать.

Рядом с траншеей разорвалась бомба, взрывной волной сержанта отбросило на землю. Смачно выругавшись, он тяжело поднялся на колени. Фёдор Шнуров наклонился над ним. Подёргав за руку, растерянно спросил:

— Что, ранило?

— Чуток контузило, сейчас пройдёт, — ответил Ермилов, обхватив голову руками. Из соседнего блиндажа прибежала побледневшая Карлыгаш

Бикжанова. Её позвал Витька Кузьмин. Открывая санитарную сумку, склонившись над сержантом, спросила испуганно, куда ранило.

— На этот раз пронесло, — смущённо заулыбался тот. Через минуту, овладев собой, сержант поздравил новичков с настоящим боевым крещением и добавил охрипшим голосом:

— Бомбардировка вот-вот прекратится, и фрицы пойдут в атаку. Поправьте каски, и не трусить!

— Мы — добровольцы из Казахстана и со словом “трусить” не дружим, — с обидой в голосе отпарировал Еркен Сулейменов, но сержант уже не слышал его слов, пригнувшись, он побежал дальше.

Постепенно разрывы бомб и снарядов стали удаляться и затихать. На смену им послышались глухой гул моторов и лязганье гусениц. Из-за опушки леса показались немецкие танки, извергая из стволов огонь. За ними двигалась во весь рост пехота с автоматчиками.

— Ну, гады, — зло выругался Витька Кузьмин, — шагают, как на параде. — В эти минуты ему показалось, что все танки и автоматчики прут на них.

— Ничего, сейчас мы их встретим, — отозвался Еркен Сулейменов.

Витька Кузьмин, обернувшись в его сторону, шутливо припомнил:

— Вот, Еркен, и наступил для тебя случай, чтобы отличиться в бою.

Тот, поняв, на что намекал Витька, согласно кивнул.

Когда танки приблизились до трёхсот метров, поступил приказ отсечь от них пехоту. Молчавшие до этого окопы ошетинились градом огня. Витька Кузьмин, Еркен Сулейменов, Фёдор Шнуров отчётливо видели, как после их метких выстрелов фрицы падали на землю. Вот когда пригодились занятия в училище по стрельбе из винтовки! Первые волнения, вызванные у них показавшимися танками, постепенно прошли, исчез и страх. Витька Кузьмин, ещё не остывший от нахлынувшей на него злости в начале боя, когда увидел, как отставшая от танков немецкая пехота, неся потери, залегла, прижатая к земле огнём, закричал радостно: “Вот как мы фрицев прищучили!”.

Командир пятой роты Поликарпов напряжённо наблюдал в бинокль за тем, как в отделении Ермилова встретили танки. Поликарпов, как говорится, на собственной шкуре три месяца назад в первых боях испытал, что такое танковая атака. Именно тогда он почувствовал себя бессильным против стальных машин, сеющих снарядами и гусеницами смерть. Ему тогда захотелось как можно глубже зарыться в землю. А вот сейчас охватила другая тревога: выстоят ли новобранцы, не испугаются ли танков. Успокоился лишь тогда, когда увидел, как новички, без следов страха на лицах, уверенно отражали атаку противника.

Вражеские танки с ходу вели пушечный огонь. Снаряды ложились, не долетая до окопов. Из соседнего укрытия по ним длинной очередью застрочили из бронебойных пулемётов. Один танк остановился, не дойдя метров сто до окопов, второй тоже вспыхнул. Еркен Сулейменов, Фёдор Шнуров, другие бойцы усилили огонь, стреляя по пехоте, по выпрыгнувшим из горевших машин танкистам. Когда пулемёты временно смолкли, один танк устремился к их траншее. Но навстречу ему уже полз солдат. Прижимаясь к земле, прячась за кустами невысокой травы, он на секунду замер. Витька Кузьмин с затаённым дыханием наблюдал за ним: когда танк приблизился, солдат стремительно привстал и рывком швырнул

связку гранат под гусеницу. Раздался мощный взрыв, машина застыла на месте, из люка хлынул чёрный столб дыма.

— Учись, Федька, как надо воевать, — крикнул Витька Кузьмин Шнурову, высунувшись из окопа.

В это время осколок снаряда угодил в его каску и пробил ее с тыльной стороны. Удар был такой силы, что Витька упал и потерял сознание, струи крови залили глаза и шею. Он не видел, как вокруг шёл ожесточённый бой, и бойцы из его отделения из последних сил отражали атаки немецкой пехоты. Не довелось наблюдать и такой эпизод — когда прорвавшийся вражеский танк стал утюжить гусеницами окопы соседней роты, Еркен Сулейменов подполз к нему с другой стороны и броском гранаты подбил машину. Не видел он, как смело дрался в рукопашной штыковой схватке и погиб Фёдор Шнуров. Очнулся Кузьмин, когда бой утих, в санитарной палатке. Карлыгаш Бикжанова в третий раз меняла ему окровавленные бинты. Когда открыл глаза, она, обрадовавшись, обняла его и крикнула кому-то:

— Живой наш Витька, живой!

Кузьмин догадался — это был Еркен. Сплёвывая с губ засохшую землю, пробормотал тихо:

— Как я рад, что и вы живы!

Бой длился чуть больше трёх часов, но за это время солдаты из Казахстана доказали, что они не думают о смерти, не боятся врага и умеют храбро воевать. Вечером в батальоне Жумабаева подсчитали потери. Из 623 бойцов в живых осталось 387, но готовых вновь вступить в схватку с врагом. Бойцы из отделения Ермилова отдыхали, когда в блиндаже, в сопровождении майора Жумабаева, появился комполка Терёхин. Красноармейцы вскочили, застыли по стойке “смирно”. Прервав рапорт сержанта, Терёхин заметил:

— Без доклада вижу, молодцы твои солдаты, воюют грамотно. А кто подбил танк? — поинтересовался он.

Ермилов указал на Еркена Сулейменова. Терёхин подошёл к нему, крепко пожал руку.

— Молодчина, родители должны гордиться таким сыном! А теперь, майор, слушай дальше, — обратился Терёхин к Жумабаеву. — Подготовь завтра представление отличившихся бойцов к награде — медалью “За отвагу”, а солдата, подбившего танк, — к ордену Красной Звезды.

Когда Терёхин с Жумабаевым покинули блиндаж, Карлыгаш Бикжанова первой бросилась поздравлять Еркена. Она неумело обняла его и, не стесняясь, нежно поцеловала в покрасневшие щеки.

— А нас, — закричали другие бойцы.

— А вас, когда тоже заслужите ордена, — засмеялась она.

На следующий день рано утром, едва взошло солнце, противник вновь возобновил атаку укреплений 17-й стрелковой дивизии. Бомбардировку начали 12 тяжёлых самолётов, а продолжила налёт артиллерия. На оборонительные линии батальона Жумабаева обрушился шквал из бомб и снарядов, местность перед высотой и позади её покрылись глубокими воронками. Оставшиеся в живых после вчерашнего боя пятеро солдат из отделения Ермилова, в том числе и Еркен Сулейменов,

оглохшие от взрывов, укрылись в блиндаже. Через полчаса бомбардировщиков в небе сменили четыре «Юнкерса». Еркен отчётливо видел, как один самолёт на бреющем полёте стал обстреливать из пулемётов командный пункт полка и стоявшие неподалёку палатки, где располагался медсанбат. У Еркена от волнения похолодело в груди, он не отрывал от истребителя глаз до тех пор, пока по нему не открыли огонь из зениток. Вскоре самолёт, окутанный шлейфом дыма, взорвавшись в воздухе, рухнул недалеко от штаба полка.

— Один готов, долетался, подлюка, — выругался Ермилов.

— А я думаю, уйдёт. Молодцы зенитчики! — радостно закричал, обернувшись в их сторону, Еркен Сулейменов.

Но насладиться приятным чувством им не дали нарастающий гул немецких танков и крики следовавших за ними автоматчиков.

Приблизившись, танки прямой наводкой открыли огонь по окопам. Грохот от взрывов был таким сильным, что Еркен на секунду закрыл глаза. А когда открыл, увидел — к окопу подполз пожилой солдат из соседнего отделения, лицо его заросло густой щетиной. Тяжело дыша, закричал:

— Вот, боеприпасы доставил, — протянул он ящик с патронами, — комбат Жумабаев приказал. Небось, поистратились...

Еркен, принимая патроны, рукой провёл по своему лицу, давая понять ему, «ну и оброс же ты, солдат».

Уловив, о чём идёт речь, тот закричал:

— Я потому не бреюсь, чтобы щетиной смерть отпугивать, — и пополз в обратную сторону. Потом, обернувшись, крикнул: — Только патроны попусту не трать.

Поднявшись во весь рост, боец попытался бежать, но вдруг неожиданно упал. Еркену не хотелось верить, что он убит. Хотя было видно — его лицо залито кровью.

Это утро для батальона Жумабаева оказалось самым тяжёлым. Наступление противник начал непрерывными танковыми атаками, но бойцы батальона не дрогнули, выстояли. Еркен Сулейменов был единственный боец из отделения, кто остался в живых, но и его тяжело ранило в плечо. Когда атаки отбили и немцы отступили, Еркен попытался сосчитать, сколько танков они уничтожили, но всё поле было усеяно густым дымом от догорающих машин. Оглянувшись, увидел лежавшего на дне окопа сержанта Ермилова. Преодолевая боль, не обращая внимания, как по спине под гимнастёркой стекает кровь, бережно поднял тело сержанта и положил на край окопа. Только после этого Еркен почувствовал, как по лицу текут слёзы. От командира роты Поликарпова Еркен узнал, что в этом сражении геройски погиб командир батальона майор Жумабаев, закрыв собой от автоматной очереди немецкого пехотинца медицинскую сестру, перевязывавшую рядом с ним раненого бойца. Из донесения командира полка Терёхина в штабе дивизии узнали: «В битве на Волоколамском направлении от двух батальонов его полка остались одни осколки...».

Трое солдат из похоронной команды до самого вечера доставляли в медсанбат раненых бойцов. Карлыгаш Бикжанова с пожилой старшей медсестрой под присмотром военного врача-хирурга, чудом оставшегося в живых после жуткого артиллерийского обстрела, до утра перевязывали раненых. Переживания за жизнь раненых, бессонные ночи давали о себе знать, от усталости Карлыгаш едва держалась на ногах. За работой ей не

раз приходила в голову мысль: “Во время отдыха отпущусь у хирурга и навещу Еркена”. Но не успела — через день она погибла во время бомбёжки, когда выносила с поля боя раненого красноармейца. О смерти любимой Еркен Сулейменов узнал в госпитале от раненого командира роты Поликарпова. В те минуты сердце у него сжалось от невыносимой боли, а глаза заполнились слезами. Теперь она никогда не услышит от него таких слов, которые он часто вечерами повторял про себя: “Карлыгаш, я люблю тебя, ты слышишь, люблю!”.

На следующий день из военных сводок Информбюро страна узнала: в ходе трёхдневных боёв немецкому командованию не удалось прорвать на Волоколамском направлении нашу оборону. В боях за Москву особенно отличились воинские части из Казахстана!

Ещё четыре месяца назад парни и девчата из далёкого Казахстана, ушедшие после окончания школы добровольцами на фронт, казались совсем детьми, не познавшими любви и жизни. А когда нагрянула суровая беда, в них пробудилась великая сила, они грудью встали на защиту Родины. И служили для других воинов символом мужества и героизма. Вечная им слава!

Глава десятая

После проводов дочери на фронт дни для Злихи стали серыми и однообразными, как пенные волны на море в ненастную погоду, и наполнились тревожным ожиданием. Вставала она теперь утром рано, торопливо пила чай и, не убирая со стола посуду, бежала на почту, расположенную по соседству с железнодорожной станцией: в это время пассажирскими почтовыми поездами из Узбекистана и России доставляли посылки, письма, газеты, другую корреспонденцию. На почте помогла пожилой сортировщице разбирать и раскладывать письма на полке. А до этого Глафира неделю вечерами учила Злиху русской грамоте и поражалась, как, в общем-то, пожилая женщина быстро познала алфавит, научилась читать по слогам. Ей было невдомёк, что изучать русскую грамоту Злиху подтолкнуло громадное желание самостоятельно читать письма от дочери из Ташкента и с фронта.

Первая весточка от Карлыгаш после её проводов пришла через два дня от дальней родственницы Шнуровых из города Кызыл-Орды. В телеграмме та сообщала, что к пассажирскому поезду “Москва — Ташкент” она едва успела, стоянка поезда была недолгой, и поговорить обо всём с Фёдором ей не довелось, а вот горячие пирожки всё же передала. Фёдор также просил передать привет соседям от их дочери, а кому — не сказал. Но Шнуровы и так знали, кому передать эту радостную весточку. В тот вечер счастливые Злиха и Ербол несколько раз просили Глафиру, чтобы та перечитала им текст телеграммы.

А долгожданное письмо-треугольник со штампом “солдатское” пришло от дочери через три недели. Его Злиха словно сердцем почуяла среди кипы телеграмм, бандеролей, писем, газет. Радостная, трясущимися от волнения руками, она выхватила конверт из кучи бумаг и торопливо развернула драгоценный треугольник. Да и как было не радоваться: Злихе казалось, что они с мужем целую вечность не получали известий от дочери. Письмо, давись от слёз, она читала по слогам. Муж, сидевший рядом на скамейке, тоже шмыгал носом. Письмо Карлыгаш, видимо, писала

поздно вечером, устав от занятий, — об этом напоминали неровные строчки текста на листке из школьной тетради. Дочь сообщала, что девушек в пехотном училище не так много, и учат их в основном снайперскому делу, а вот в санитарную дружину она записалась по желанию. Парни целыми днями пропадают на военном полигоне, и с Еркеном они встречаются лишь на политзанятиях да на вечерней поверке. Злиха с замирающим от страха сердцем читала, что восьминедельная программа курса молодого бойца состояла из 48 часов строевого дела, 8 — полевой тактики, 35 — стрелкового дела, 18 часов отводилось на изучение гранат всех систем, пулемёта и стрельбы из него. Ребята говорят между собой: “Скорей бы на фронт!”. В конце Карлыгаш просила поцеловать за неё Глафиру. И — ни слова о себе. И лишь после подписи “Курсант Бикжанова” дочь обращалась к матери и отцу, чтобы они берегли себя, тепло одевались и не болели. Эта подетски ласковая просьба вконец выбила из душевного равновесия даже всегда крепкого нервами Ербола.

Всю ночь Злиха не спала, беспрестанно ворочаясь на кровати. Тяжёлые думы накатывались на пожилую женщину, как в непогоду крутые морские волны на берег. Будь проклята эта война! Два месяца прошло, как фашисты напали на страну, а вон уже сколько горя, страданий принесла война людям! Сколько человеческих жизней она уже унесла в мир иной и сколько ещё унесёт! Даже в их небольшой город на берегу Арала уже пришли первые похоронки с фронта, и матери и жёны заходятся в истошном крике, оплакивая погибших в бою мужей и сыновей. И скольким ещё бабам в посёлке предстоит оплакивать родственников, погибших на войне, никто не скажет. Но, несмотря на это, с самого раннего утра каждый понедельник у дверей городского военкомата выстраивалась длинная очередь из мужчин и парней, решивших добровольцами отправиться на фронт.

Последнее короткое письмо от Карлыгаш пришло в первых числах октября 1941 года. Его поездом на фронт дочь бросила в почтовый ящик на узловой железнодорожной станции Саксаульская. Через родную же станцию Аральское море, где она с детских лет торговала рыбой у пассажирских поездов, воинский эшелон проследовал ночью на большой скорости.

А в конце ноября Бикжановым и Шнуровым в один день принесли из военкомата “чёрные бумаги” — похоронки. В них сообщалось, что санинструктор Карлыгаш Бикжанова и красноармеец Фёдор Шнуров героически погибли в бою, сражаясь с фашистами на подступах к Москве в районе города Волоколамска, там и похоронены в братской могиле.

Злиха как сидела за столом, так и не поднялась со стула, не проронив ни слова, до самого вечера. Она будто окаменела, стала суровой и молчаливой. И это больше всего пугало Ербола. Некогда чёрные, как смоль, волосы на её голове за час-два на глазах мужа и соседей покрылись густой сединой. И лишь когда в доме появились с плачем Шнуровы, Злиха поднялась со скамейки, обняла Глафиру и со страшным криком, вырвавшимся из её груди, без чувств упала на пол. Злиху в бессознательном состоянии на крестьянской телеге доставили в больницу, где она пришла в себя через неделю. Она также не знала, что ещё в десятках семей в эти дни матери оплакивали своих детей, ушедших добровольцами на фронт вместе с Карлыгаш и Фёдором и погибших в тех же боях у Волоколамска. И так же, как и она, проклинали войну.

Все четыре года, пока шла война, Злиха жила тем, что с мужем занималась ловлей на море рыбы, бесплатно снабжая ею проходившие на запад воинские эшелоны, а с запада — санитарные поезда, набитые ранеными. Ей казалось, будто эти эшелоны связывают её и мужа с судьбой погибшей дочери. Она была твёрдо уверена, что ехавшие на фронт солдаты отомстят фашистам за смерть Карлыгаш, за слёзы миллионов тех матерей, чьи дети сгорели в огне этой страшной войны.

А как радовались Злиха и Ербол, когда 9 мая 1945 года пришла, наконец, долгожданная Победа! Но вместе с Победой в город так и не вернулись тысячи воинов-аральцев, и среди них единственная их юная дочь, их родная кровинушка — Карлыгаш Бикжанова, а также её любимый Еркен Сулейменов и Виктор Кузьмин...

Глава одиннадцатая

Летом 1949 года Бикжановы неожиданно получили письмо от школьников-следопытов из города Волоколамска, которое вновь разбередило их души и старые незаживающие раны. Тамошние пионеры сообщали: приводя в порядок ко Дню Победы братские могилы, где захоронены павшие в боях на подступах к Москве советские воины, они нашли солдатский жетон, который принадлежал санинструктору пулемётной роты Ташкентского пехотного училища Карлыгаш Бикжановой. В нём хорошо сохранилась записка, где сказано, откуда она родом, где живут в настоящее время родители. В записке также содержалась и необычная просьба дочери. В случае её гибели она просила родителей перенести с братской могилы горсть земли и захоронить её на берегу Арала, чтобы и на том свете их дочь могла вечно слушать шум и плеск морских волн. Ведь на берегу Арала прошли её детство и юность, здесь она встретила свою первую любовь, здесь вместе с Еркеном Сулейменовым они поклялись в верности друг другу. А заканчивалась записка нежными, волнующими душу словами: “Мама и папа, я любила и люблю вас бесконечно!”.

И снова в доме Бикжановых поселилась тревога. Горя желанием как можно скорее встретиться хотя бы косвенно с покойной дочерью и выполнить её завещание, Злиха настояла, чтобы Ербол и Савелий Шнуров отправились в подмосковный город Волоколамск. В день проводов у ворот их дома собрались все жители посёлка. Те соседи, у кого в годы войны погибли мужья и сыновья, упрашивали Ербола и Савелия разузнать у местных жителей, школьников, возможно, им ведомо, где искать следы их родных, погибших в боях в период обороны Москвы.

До Волоколамска Ербол и Савелий Шнуров добрались на шестые сутки. Работники местной милиции помогли им связаться со штабом отряда школьников-следопытов, разыскать тех ребят, сообщивших Бикжановым о том, где погибла и захоронена в братской могиле их дочь. Эти же ребята на милицейской машине в сопровождении представителей райисполкома и военкомата доставили гостей из далёкого Казахстана на окраину города. Здесь, в братской могиле, аккуратно обложенной свежим дёрном, и были захоронены в конце октября 1941 года погибшие в бою с фашистами на Можайском направлении и под Волоколамском курсанты Ташкентского пехотного училища. И среди них Карлыгаш Бикжанова, Фёдор Шнуров, Еркен Сулейменов, Виктор Кузьмин и другие воины. За ратный подвиг они награждены медалями “За отвагу” и орденами Красной Звезды.

На скромном, видимо, временном, памятнике были начертаны слова: “Советский народ никогда не забудет своих героев, отстоявших Москву и защитивших страну Советов от фашизма. Вечная им слава!”.

Увидев памятник, Ербол и Савелий, не сговариваясь, опустились перед ним на колени. Школьники, представители райисполкома и военкомата поспешно сняли головные уборы, напряжённо всматриваясь в лица двух пожилых людей, прибывших сюда из далёкого города на берегу Арала, которые, припав к могиле головами, обнимали трясущимися руками основание памятника, целовали землю, шептали только им двоим понятные слова. Ерболу Бикжанову и Савелию Шнурову в эту скорбную минуту казалось, что сквозь могильный холм земли-матери они слышат голоса своих детей, разговаривают с ними. О чём шёл разговор? Может, о том, как родители растили и воспитывали их, а может, о том, что погибшие дети не вкусили радостей жизни, не осчастливили родителей внуками. Кто теперь узнает?

По народному обычаю Ербол и Савелий развернули на земле чистую скатерть и разложили на ней прихваченную из дому нехитрую домашнюю снедь — затвердевшие в дороге баурсаки, лепёшки, ломти овечьего сыра, разрезали на куски огромного вяленого усаха. Потом стоя, молча выпили по рюмке водки. После скромного поминального обеда школьники помогли Ерболу и Савелию наполнить два небольших почтовых ящика землёй с братской могилы. Затем Ербол и Савелий Шнуров бывали в школьном музее, где среди множества пробитых пулями и осколками солдатских касок, проржавевших пулемётных и артиллерийских гильз, залитых кровью и обгоревших комсомольских билетов, других документов хранился и солдатский медальон девушки-казашки с берегов далёкого Арала — Карлыгаш Бикжановой. И впервые за последние годы тревога в сердце Ербола наполнилась ещё и гордостью за свою дочь, героически погибшую в бою, защищая Родину. Пусть будет вечной им память благодарных потомков!

Глава двенадцатая

Как и завещала Карлыгаш, Ербол и Злиха захоронили землю с братской могилы на берегу песчаного перешейка, соединявшего между собой два небольших залива, где когда-то любила купаться и загорать их дочь. И где они с Еркеном Сулейменовым за год до той страшной войны, в июле 1940 года, признались в чистой, как родниковая вода, юношеской любви. Здесь же соорудили из саманного кирпича в виде небольшого мазара скромный памятник с пятиконечной железной звездой в центре. А их сосед Савелий Шнуров привезённую из-под Волоколамска землю с братской солдатской могилы разбросал на погосте деда и других родичей Фёдора.

После совершения ритуального обряда у Злихи на душе стало легче от мысли, что теперь она хоть знает, где захоронена её дочь, и теперь у неё появилась возможность навещать как бы её вторую могилу. Каждое утро женщина приходила к памятнику, подолгу, грустная и молчаливая, сидела на лавочке, вглядываясь измученными, запавшими глазами в даль Арала, в надежде воскресить в голубой дымке желанный образ Карлыгаш. Случалось, разговаривала с морем, как когда-то с покойной сестрой

Даригой, жаловалась на нелёгкую женскую долю, на то, как жестоко обошлась с ней судьба.

— За что мне такое наказание, в чём я провинилась перед людьми, раскрой мне тайну, могучий Арал? Я уже стара, и силы, чую сердцем, покидают меня, но ты так и не раскрыл тайну моей вины, — обращалась Злиха к морю со слезами на глазах. — Да, моя жизнь не была лёгкой, она напоминала подъём больного душой старца на крутую гору. Лишь один раз я провинилась в жизни, да и то перед отцом с матерью, когда послушалась их и не пошла замуж за сына богатого соседа. Но ведь и ты, Арал, тоже не всегда бываешь спокойным и справедливым. То ты мягко плещешь волнами о берег, то, словно разъярённый, с грохотом обрушиваешься на него. А сколько человеческих душ ты загубил в непогоду, Арал? То-то, молчишь! Но люди всё равно винят за это не тебя, а себя, что оказались слабые духом и не справились с непогодой, ненастьем...

Но ответа от Арала старая солдатская мать так и не дождалась. Здесь, на берегу залива, возле памятника Карлыгаш, и застал однажды вечером Ербол жену бездыханной.

Оставшись один, он стал каждый день ходить к памятнику. Смерть Злихи и возраст сделали своё дело: Ербол сильно постарел, и сил у него едва хватало на то, чтобы добрести до памятника и вернуться назад домой. Нередко его сопровождал погрузневший с годами и измученный тяжёлой астмой сосед — Савелий Шнуров. Его также покинули силы, и он уже давно не выходил на промысел в море. Вдвоём они молча сидели на лавочке у памятника, каждый думая о своём. А вместе — о своих детях, погибших в годы войны.

В 1960 году Ерболу пришлось столкнуться с новой бедой: ранней весной, едва растаял лёд в заливе, он пришёл к памятнику и испугался — море метров на пятьдесят отошло от старого берега. То, что в пятидесятые годы Арал стал заметно мельче, рыбаки приметили давно. Шли разговоры, будто в соседних среднеазиатских республиках воду из Сырдарьи и Амударьи, питающих Арал, стали забирать на полив хлопчатника, на другие хозяйственные нужды. Поэтому древнее море на глазах жителей Аральска стало стремительно сокращаться в объёме. Страшная догадка до боли сжала сердце Ербола — ведь теперь его дочь не будет слышать привычного шума волн, с которыми она как бы разговаривает вот уже столько лет. Но однажды его осенила мысль — прокопать небольшой канал от залива к памятнику, чтобы морская вода день и ночь плескалась рядом с ним...

На следующий день ранним утром, прихватив приготовленную с вечера штыковую лопату, он пришёл к памятнику. Затея со строительством приподняла настроение у старого Ербола, придала ему сил. У него теперь появилась новая забота — как можно скорее подвести морскую воду к памятнику дочери. И эта мысль подстёгивала старика. Поплевав привычно на ладони рук, как когда-то в молодости, когда садился за вёсла лодки, он провёл от берега залива до памятника две черты — какой примерно ширины должен быть канал, и вонзил лезвие лопаты в песок. “Жаль, Злиха не видит меня за этой работой, вот обрадовалась бы она тому, что я догадался соорудить канал”, — думал Ербол, налегая на черенок лопаты. Он с воодушевлением отбрасывал землю, задыхаясь от пыли и недостатка воздуха. Взошедшее солнце уже стало сильно припекать его плечи, упрямый морщинистый затылок, но Ербол продолжал копать без передышки.

А когда через пару часов разогнул спину, то сильно расстроился — длина канала едва достигала полутора метров.

Но чем ближе к берегу подступал канал, тем труднее становилось его копать. Влажный песок, пропитанный морской водой, тут же оседал, разливался, как жидкий бетон, вновь заполняя канаву. И это больше всего огорчало Ербола. Земля точно испытывала человека на прочность — либо он выстоит, либо отступит. Но Ербол не думал сдаваться. Многие годы, занятые рыбалкой, борьбой с непогодой, научили его упорству. Поэтому с каким-то упрямством он стал собирать в степи кусты саксаула, а на берегу выброшенную штормами морскую траву и укреплять ими стены канала. Прокопает с полметра канал и тут же обложит стенки сушняком. И так изо дня в день. Домой Ербол возвращался страшно уставший. У него не было даже сил на то, чтобы подогреть чай.

Однажды Ербол захворал и неделю не ходил к морю. А когда пришёл — увидел страшную картину: канал вновь затянуло мокрым песком. Как в глубоком сне, он присел на лавочку и исколотыми в кровь сухой травой ладонями стал протирать памятник, засиженный морскими птицами. Потом всю свою злобу и ненависть, скопившуюся на людей, загубивших Арал, стал вкладывать в работу — расчищать канал. Вечером Ербол радовался, что канал достиг залива, и морская вода вновь заплескалась у памятника. Однако на следующее утро обомлел — за ночь море вновь отступило метра на два от берега. И он вновь брался за лопату.

Всё лето старый человек один на один боролся с морем, но так и не смог одолеть его — с каждым днём море всё дальше и дальше отступало от берега. А когда, наконец, понял это, у него сдали нервы. Обессиленный, навалившись всем телом на черенок лопаты, сплёвывая с растрескавшихся губ липкую кровь, Ербол не выдержал и по-детски горько зарыдал, приговаривая:

— Прости, Карлыгаш, не гневайся, дочь моя, на старого отца за то, что не смог приблизить Арал к твоей могиле! Видит Всевышний, я старался, из сил выбивался, но не смог. Слишком стар я уже. Да и море, Карлыгаш, за последние годы сильно обмелело, усыхает с каждым днём, как лицо одряхлевшего человека. Ты, видимо, ещё не знаешь об этом. Пусть будут прокляты те люди, по чьей вине загублен древний Арал!

От автора. Последний раз я побывал в Аральске в 1975 году, где прошли мои детские и юношеские годы, где отец работал заместителем, а потом начальником железнодорожной станции и где похоронен в 1953 году. И не узнал город. Море отступило от него почти на 90 километров. А умирающее по вине людей Аральское море стало жестоко мстить им, сжигая соляными бурями всё живое в округе. Люди спохватились спасти его, но было уже слишком поздно.

Не нашёл я на перешейке бывшего первого залива и памятника Карлыгаш. Он был занесён огромными песчаными барханами. В рыбацком посёлке, где когда-то жили Шнуровы и Ербол Бикжанов, я также не встретил никого из знакомых. Старшие давно умерли, а куда уехали их родственники, никто не знает. Так трагедия Арала тесно переплелась с трагедией людей.

А ведь в довоенные и послевоенные годы город Аральск славился не только своим морем и прекрасными песчаными пляжами, но и тем, что обеспечивал страну рыбой и рыбными консервами, солью, природным сульфатом, используемым в стекольной промышленности. Небольшой провинциальный городок запомнился ещё и тем, что казахи и русские жили дружно, единой семьёй. Потому и выстояли в трудную годину военного лихолетья. Ни одна семья, куда приходили с фронта “чёрные бумаги” — похоронки, не была брошена на произвол судьбы. Все аральцы кто чем мог помогали друг другу в трудное для них время. Потому и выжили люди.

В те годы в городе была хорошая футбольная команда, а команда по хоккею с мячом была одной из сильнейших в Казахстане. Да и казахская и русская средние школы были лучшими в Кызыл-Ординской области. Эти учебные заведения славились в те годы своими крепкими преподавательскими кадрами, учителями, которые по собственной инициативе приехали сюда ещё до войны после окончания вузов из Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты и других городов Союза, чтобы обучать грамоте аральских детей. Поэтому многие выпускники здешних школ впоследствии стали известными учёными, геологами, металлургами, руководителями крупных предприятий. Аральск воспитал многих достойных людей, в их числе выдающийся казахский писатель Абдижамил Нурпеисов, бывший строитель, а позже председатель Совета Министров Казахской ССР, депутат парламента страны Узак Караманов, доктор технических наук, профессор, директор Алма-Атинского института металлургии Багдаулет Кенжалиев, доктор геологических наук, профессор Нагима Кудайбергенова, мой однокашник, бывший министр рыбного хозяйства республики Кудайберген Саржанов, художник Алпысбай Казгулов и другие. Известный российский генерал, ныне покойный, Лев Рохлин, с которым мне довелось ежедневно встречаться в стенах школы, — тоже воспитанник Аральска. И все мы, коренные аральцы, с болью восприняли трагедию Арала, этого уникального озера на планете, словно расстались с близким человеком.

В 1995 году в Нукусе — столице Каракалпакии — под эгидой ООН состоялось международное совещание по проблемам спасения Арала, которое мне довелось освещать в качестве специального корреспондента КазТАГ. В нём приняли участие главы всех среднеазиатских государств — стран СНГ. На форуме остро говорилось о том, что если эти страны сообща не примут участие в спасении Арала, то со временем море исчезнет с лица Земли. В ходе переговоров были приняты, казалось бы, важные документы, которые обязывали среднеазиатские республики, особенно Туркменистан и Узбекистан, по чьим территориям в основном протекают питающие водой Арал реки Амударья и Сырдарья, урегулировать забор воды из них на полив хлопчатника, другие хозяйственные нужды. Но, увы, принятые на форуме документы, как показала жизнь, не работают. За это время Арал окончательно обмелел, а некогда пугающий своей таинственностью остров Барсакельмес (пойдёшь — не вернёшься), до которого, чтобы добраться ранее, надо было плыть пароходом по морю свыше 200 километров, давно соединился с сушей.

Самое страшное в этой трагедии то, что мы не можем себе представить размеры будущей экологической катастрофы, которая обрушится на планету с окончательным высыханием моря.

г. Алматы.

**Лилит КОЗЛОВА,
профессор Ульяновского
педагогического университета**

Ничто не трудно для любящего сердца

“Только не разлюбляйте сказок!” — сказала как-то Анастасия Ивановна Цветаева. И вот сейчас снова вернулась к нам — своими сказками. Пятнадцать лет назад это была новая, недавно вышедшая книга. В узком кругу эти сказки были известны давно, ещё в 30-х годах прошлого века, и как жаль, что они так долго шли к читателю!

Сказок в тонкой жёлтенькой книжечке всего три — всё, что сохранилось, миновав конфискацию НКВД после ареста автора в 1937 году.

Вступление, открывающее сборник, написано Анастасией Ивановной почти в 99 лет, и оно посвящено воспоминаниям именно о тех, пропавших, — сколько их было? А эти пришли из дружественных, сохранивших их рук...

“Девочки-великаны” — сказка о сёстрах Цветаевых. Ни во что-то они не умещались, эти девочки, Вега и Аза, особенно старшая. Число слогов в именах сохранено: Муся и Ася — так звали их в детстве.

Вега была “ещё больше” своей сестры, но и младшая росла ей под стать. Великанши рано начали петь, заявляя о себе, о своём великаньем мире. Марина Цветаева всю жизнь воспевала мир сновиденный, поэтический в разнообразных жанрах — стихах, эссе, пьесах, письмах, дневниковых записях. Анастасия, в основном прозаик-реалист, облекла свою сновиденность в форму сказок.

У Марины очень рано появилось ощущение избранности, “инакости”, как она это назвала. Ещё в отрочестве ею написано: “Мы знаем, мы многое знаем того, что не знают они” — она имела в виду взрослых. А Анастасия Ивановна с юности была склонна к философским — “королевским”, по её определению — размышлениям. Это и было содержанием её первой книги “Королевские размышления”. Путь этих размышлений, её мироощущения, был непрост. Начинался он с детского атеизма и, пройдя через длительное прикосновение к эзотерике — скрытым древним потокам духовной, Божьей, Мудрости (теософии), — закончился устойчивым православным христианством и аскезой в миру. Не в смутный ли период своего духовного поиска создала она сказочную поэтическую миниатюру “Черепаха”? 1923 год — ею самой названная дата написания.

“Ничто не трудно для любящего сердца” — лирический рефрен этой сказки. Ни расстояния, ни время, ни самоотречение. Внутренний рост, одухотворение — и вот изменилось качество любви, степень её жертвенности, изменилось всё. То, о чём мечталось раньше, — перестало привлекать.

В третьем номере “Нивы” за 2009 год были опубликованы воспоминания Лилит Николаевны Козловой “Анастасия Цветаева в моей жизни...”.

В “Черепаше” жертвенность максимальная — и в конце сказки вместо двух влюблённых — в разных концах земли два отшельника, единые в своём самоотрешении, в своей аскезе. Двойная жертва, обернувшаяся светлой Любовью вообще. Любовью как состоянием души. Практически так же выглядела исторически известная любовь Франциска Ассизского и Клары, основавшей женский францисканский монастырь.

Изящная, утончённая форма сказки, обращение к античной мифологии — всё это придаёт “Черепаше” изысканный восточный колорит. Кольцо Соломона, библейского правителя, оборачивается змеей, заглывающей свой хвост — эзотерическим символом Вечности вместо земного “И это пройдёт”. А Черепаша — не символизирует ли она медленность, неспешность внутреннего роста, который тем не менее уводит так далеко и в такие **неземные** края духовности, в которые никогда не попасть Ахиллему, сколько бы он ни мчался **по земле** вслед за Черепашой. “Ахиллес не догнал Черепашу” — таинственно предваряет сказку эпиграф. И ещё один — как бы вторит ему: “Летящая стрела неподвижна”.

Да, за пределами земной ограниченности, там, где нет пространства и времени — в Вечности — стрела всегда летит, только там она недвижна, потому что прошлое, настоящее и будущее слились в одно.

Сказка кончается вопросом: “Кто же обманут, и зачем они так поступили друг с другом?”. Может быть, и её автор тогда этим вопросом мучилась, не дойдя до ответа всем существом своим, всем своим **духовным опытом**?

Если третья сказка написана, как предполагает Ст. Айдинян, в 1928 году, то это как раз относится ко времени возвращения из поездки Анастасии Ивановны за границу, на Капри, в роли секретаря розенкрейцера Б. М. Зубакина. Там она помимо всего собирала материал для книги о Горьком. Именно за контакты с Зубакиным она и была позже репрессирована как... контрреволюционерка. И пока был жив Горький, он её от ареста не раз спасал.

В третьей сказке — “Лесной учёный” — автор явно этим **опытом** уже располагает, и оценка ценностей здесь определённо **выстраданная**: самое главное в жизни — состояние души, золото открытого, поющего сердца. Всё остальное в физическом мире — преходяще и не имеет никакого значения, даже если это чистое золото, драгоценный металл.

Лесной учёный-алхимик нашёл философский камень и получил золото. Но алхимия всегда была прежде всего путём к одухотворению, к внутреннему совершенству человеческого существа — потому и камень, способствующий получению золота — солнечного состояния души, — был не какой-нибудь, а философский. Чистое золото как результат в колбе — здесь лишь побочный, незначимый продукт, не более.

В конце сказки происходит чудо прозрения и преображения со вторым учёным — городским, химиком, — он долго и тщетно пытался получить в своей лаборатории драгоценный заветный металл. Химия, став вполне земной наукой, потеряла духовную составляющую своей старшей сестры, алхимии, и городскому учёному не сразу стала понятна с виду парадоксальная позиция лесного: **“Тайной золота овладеет тот, кто не будет жалеть, что мир её не узнает”**. Но лесной учёный продолжил: “Тот, кто не решил в сердце своём вопроса о золоте, тот не может работать со мной над человеческим сердцем!”.

Алхимик не раскрывает тайный смысл своих высказываний, о нём тот, кто готов понять, должен сам догадаться. Он должен дорасти до такого понимания, духовно доразвиваться сам. И никогда этого не делает алчущий богатства как самого главного в жизни стяжатель, у которого молчит сердце.

“И тут — словно завеса спала с глаз городского учёного, — ему вдруг открылась солнечная воля Того, Кто велик и вечен над миром. Быть в воле Его — значит раскрыть своё сердце...”.

И вот, бросив всё, оба учёных уходят в неизвестность — “открывать людям сердце”... Это значит — помогать найти в себе золотое, солнечное состояние души. Дарить каждому Бога внутри него самого.

Анастасия Ивановна всегда старалась, чтобы сердце её было открыто людям. И теперь она снова напоминает нам об этом — своими сказками.

Анастасия ЦВЕТАЕВА

О моих сказках

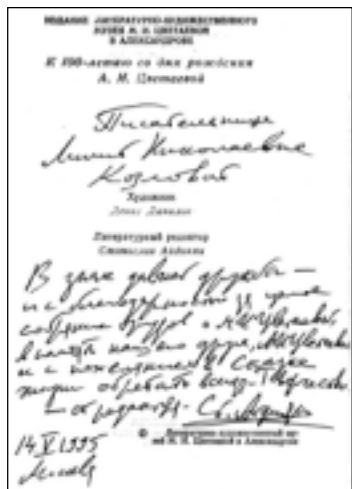
Чудом уцелевшие три сказки! Их хочет опубликовать мой литературный секретарь Станислав Айдинян. О тех, что при аресте погибли, — их было не менее двух томиков — волшебные, символические, восточные, татарские (живя в Крыму) — просит меня хоть бы воспоминание о них. И я, беря перо, — пишу...

Ярче всего о трёх детских воздушных шарах (их детям тогдашним продавали на площадях — как у памятника Пушкину — продавцы: отцепляли выбранные от огромной грозди виноградной, рвавшейся вверх. И мы, унося каждый — своё, оглядывались, жалея остальные, прощались с разноцветными сокровищами... — куда всё это делось?.. Ведь дети — рождаются, а **шаров**, легче воздуха, на тонкой верёвочке — синих, красных, зелёных, лиловых — нет, пустота!).

Я написала судьбу трёх шаров, таких разных, тонко пахнущих, бестелесных, бестелеснее всех игрушек. Получилась — сказка.

Первый шар вырвался из детских рук, улетел, тыкался о потолок залы. Второй (где-то из него вышел полугаз-полувоздух) увядал и жил на полу возле рук, как кот Вася. Третий — забыли закрыть форточку в детской — вылетел из неё, волю почуяв, волшебное оторвавшись вместе с верёвочкой, полетел по небу, с нею, как с воспоминанием о земле...

Эту сказку я прочитала Пастернаку, Борису. Он был тронут ею — до слёз.

— Кто же напишет о четвёртом шаре, о Вас? — сказал он задумчиво. Но он не писал сказок. Вот и всё воспоминание о той сказке и живших в ней шарах.

А дальше — туман хаоса — хаос тумана?

Была сказка о Каменной Королеве, столько в жизни молодой своей испытавшей, что, не пережив разлуку с любимым, когда он ушёл на войну, — не дождавшись его из безвестной дали — она превратилась, сама собой, в камень. В памятник себе. И когда Тот, с победой, во главе войск вернулся в город (ради встречи с любимой) — он увидел её **каменную** на площади — Памятник ожидания, в вечность перешедшую память о нём — Каменную Королеву.

Была сказка “Сады Аллаха” — из череды сказок восточных. Из неё помню только название.

Была — совсем отдельно от всех — сказка “Имя Зарэ”. В ней ожидался Некто, кто отгадает имя. Сказка была написана так, что после каждой части её — следовал критический разговор с автором, иронический спор с собой — как бы две сказки друг в друге — сплетшиеся. Так, на уходящий в Сахару караван слонов кто-то возразил: — Слоны не ходят караванами! — Но ведь это — сказка! — отвечал автор, — что я мог сделать, — так захотела принцесса, у них желания всегда своеобразны, на то они и принцессы... К примеру, принцесса из сказки серьёзно считала, что у верблюдов хороша только голова на лебединой шее, а остальное — никуда не годно. Слоны — другое дело, они принцессе с детства импонировали..! И вот **караван** слонов (из них каждый — глыба) уходит в пустыню, и пока они ещё близко, они — цвета “gris taure” (по-французски: цвета крота), а те, что уже ушли далеко, были цвета “gris perle” (цвета жемчуга), медленно погасая о даль. По-моему, это очень красиво, — беспомощно защищался автор...

Из рулона сказочного помню ещё одну — где, в жаркий час жизни внуки — её имя восточное, позабыла (мне идёт 99-й год) — её Бабушка, давно неподвижная (не встававшая с постели Азиаде) — встала и на выручку внучке — пошла. “Она шла, как идёт дерево вырванными корнями”, — читала я вслух Максиму Горькому, у него в гостях в Сорренто. Выслушав, он, скрывая волнение, мне: — Тут у Вас в одном месте не поставлен **союз**... И я, в негодовании, в ответ: — Алексей Максимович! Это же творительный падеж!..

— Ах, — только сказал он. — Простите...

Дерево шло корнями.

Что я помню ещё? Сказку о татарском празднике Кайрам-Байраме — национальном празднике с гостями на полу, на ковре — вино, орехи, разрезанные дыни...

Горечь одолевает меня. Сколько их было... Где они все? Сожжены в НКВД? А за что? (Впрочем, как Жанну д’Арк... англичане, **они** творцы моего любимого языка). Да! Та сказка о татарском празднике, на который я была приглашена моим юным другом скрипачом Ягьей Эфенди... Там девушки танцевали подряд, в профиль, как ожившие египетские барельефы (это сравнение я помню) и были высокие выгнутые кувшины из “Шехерезады”...

Какой сказочный мир! Н е п о в т о р и м ы й!..

Была сказка, где участвовал Коран. Там герой совершает подвиг подвигов, сказочно входит буквой в последнюю страницу Корана. И тогда

вопрос: он **приумножил** страницу Корана? И ответ: — О, нет! Ничего и никто не может приумножить Корана. Коран — неистощимый источник Огня! (и так — кончается).

А потом, из жизни черпаю сказку: в Феодосии, любимой Мариной и мной, из-за Макса Волошина, из-за моря, в городе жила еврейская семья: дед, отец, сын. Все они изучали Талмуд.

Проходя мимо сына, углублённого в чтение священной книги, отец сказал сыну: — Мелко ты ещё плаваешь в Талмуде... И те же слова отец некогда слышал от своего отца, всмотревшегося в **его** изучение Талмуда. Это было, но и она — сказочна.

Черепаха

Летящая стрела неподвижна.

Зенон

Ахиллес не догнал черепаху.

Мифология

I

Принцессу полюбил принц. Он сказал:

— Я так люблю тебя, что без тебя не хочу ни жизни, ни смерти, и не могу отдать тебя никому. Если ты не станешь моей — я сделаюсь непримиримым грешником. Принцесса, у тебя доброе сердце, неужели ты не жалеешь меня?

Принцесса лежала на пышном ложе, среди шёлковых струй тканей, среди фолиантов, тяжёлых, как целый земной шар. Принцесса скучала. Играя богато украшенным перстнем, доставшимся ей от древних царей с надписью “И это пройдёт”, она отвечала:

— Я никогда не полюблю простого принца. Я могу полюбить только отшельника. Стань отшельником, и я тебя полюблю.

Не жениху удивляться желанию невесты. Не стреле бездействовать в колчане, не Ахиллесу догонять черепаху!

— Ничто не может быть трудно для любящего сердца! — воскликнул принц. — Прощай!

Она же, смеясь, сказала ему вслед:

— Я буду тебя ждать...

И она вертела на пальчике — перстень.

2

Как стрела с тетивы, пускается в путь влюблённый, — так быстро, что даже ветерка не было там, где он пролетал. Полуденная тишина кругом. Но к закату он увидел себя ползущим по земле, подобно черепахе, травы и птицы шумели кругом, лучи устилали путь — золотом.

Но Ахиллесу рано пускаться в путь. Идут года, принцесса отказывает женихам, но ни ветром, ни морем не слышно об исчезнувшем принце. Принцесса не отводит глаз от древнего перстня, где алмазами выведены слова “И это пройдёт”. И медленно, подобно черепахе, движется молва о далёком лесе, где поселился отшельник, некогда сын царя.

— Видите, — говорит своим приближённым принцесса в часы раздумья, — нет ничего трудного для любящего сердца, так он сказал, и так сказано в старых книгах, и мой жених скоро придёт за мной!

Она надевала лучшие платья в ожидании его возвращения, но дни шли, и вместо жениха приходили вести о странниках, стекавшихся к отшельнику, прославившемуся подвигами, из которых один был — обет до смерти не выйти из своего леса.

3

Но не стреле ржаветь в колчане, не невесте ждать жениха. Как стрела с тетивы, пускается в путь принцесса, полуденная тишина кругом. Дороги, дороги, дороги — все вы ведёте к далёкому лесу, где в сугробах и звёздах так холодно, что за уголёк огня можно отдать полжизни.

Прошло много лет. Краска сбегала с лица странницы, платье повисло лохмотьями. Но алмазами горели слова перстня “И это пройдёт”.

Вместе с толпой странников она подошла к хижине отшельника, он поучал народ. Принцесса стала совсем близко, но он не узнал её. Она сказала его имя. Но он не обернулся. В горьких слезах она смешалась с толпой.

4

На закате отшельник уходил в хижину, лес опустел, и когда отшельник переступил порог, принцесса вышла из-за деревьев, плача и говоря:

— Неужели ты не узнаёшь меня? Я так люблю тебя, что без тебя не хочу ни жизни, ни смерти, и я не могу отдать тебя никому! Если ты не станешь моим, я сделаюсь непримиримой грешницей. Принц, у тебя доброе сердце! Неужели ты не жалеешь меня?

Воспоминание тенью скользнуло по лбу отшельника, но, подымая с колен свою невесту, он сказал:

— Дочь моя, я могу полюбить только отшельницу! Если ты хочешь моей любви — стань ею. Ничто не может быть трудно для любящего сердца! Я буду тебя ждать.

И он благословил её в путь.

5

Как стрела с лука, пускается в путь принцесса, но стрела — что в воздухе, что в колчане, и ползёт в вечерней тени черепаха, Ахиллесу поздно в путь... Целую ночь и ещё много ночей идёт по дорогам принцесса, дороги, дороги, дороги — все вы ведёте в жаркую пустыню, где за каплю воды можно отдать полжизни. Но на перстне последними словами сияет “И это пройдёт”.

6

Уже много раз лесные северные птицы пролетали над южными песками, уже пустынноца пила так же мало воды, как отшельник высекал огня, уже корешок, служивший пищей пустынноце, был меньше куска хлеба, которым питал своё тело отшельник, а кусочек хлеба отшельника — ещё меньше, чем корешок пустынноцы, уж по неделям не трогал пищи отшельник, и пустынноца не собирала корней, уже днями не касалась к воде пустынноца, и отшельник не высекал огня.

7

Нет ничего трудного для любящего сердца, и ни разу перелётные птицы не принесли ни принцессе, ни принцу слов их любви. Да уж и не было теперь у любви слов. Стороной летали перелётные птицы: над лесом, как над пустыней, сиял шатёр райских птиц, и когда отшельник или пустынноца выходили из своего жилища — райские птицы с пением садились им на плечи. И в радостных звуках их песен встречались слух невесты и слух жениха.

— Здравствуй, невеста моя! — пели птицы.

— Здравствуй, жених мой! — пели они.

8

И вот однажды с воскового сустава упал золотой перстень. Принцесса взглянула: никаких слов там больше не значилось. Молча, как образ вечности, канув золотом в песок пустыни, змея плотала свой золотой хвост.

Так что же? Так и не дождалась принцесса принца — и к отшельнику не вернулась пустынноца?

Принц не вернулся к принцессе. И отшельник не ждёт пустынноцу. Кто же обманут, и зачем они так жестоко поступили друг с другом?

Но ничто не трудно для любящего сердца.

Лесной учёный

Посвящается Александру фон Кордигу

Два учёных жили недалеко друг от друга, один — в лесу, другой — в городе. Городской работал над изобретением, о котором он не сообщал никому, лесной трудился над открытием, тайну которого знал он один. Они относились друг к другу с отменной вежливостью, при редких встречах здоровались, затем каждый шёл своим путём. Но их ученики враждовали. С годами эта вражда крепла. Те и другие под видом учеников подсылали в противный лагерь — лазутчиков.

Не много любопытного приносили побывавшие в лесу. Возвращались они в недоумении и как бы в обиде. Но странное делалось возле городского учёного: стоило подойти к дверям лаборатории — лазутчики превращались в учеников. Как тени, бродили они вокруг телескопов, колб, машин, чертежей, пересыпая порошки, переливая, мешая, замораживая и кипятя жидкости. Они сидели ночами над вычислениями: мир дрогнет в тот час, когда изобретение будет готово.

И всё меньше оставалось учеников у лесного учёного, сидящего у окна в хижине за дощатым столом, на котором лежали заострённые палочки, окрашенные селовой и сосновой смолами, и доска с выжженным на ней чертежом с изображением сердца. Ничего не изменялось на этом столе, и как было вернуться к нему после чудес отменной лаборатории. Город шумел: скоро, совсем скоро станет он центром мира, его название, как комета, зажжётся в небе. Учёный обещал земле — счастье.

У лесного учёного остался только один ученик.

— Будь добр, друг мой, — сказал он, как всегда, весело, — помоги мне перемыть эти плошки, я сегодня должен сделать один небольшой опыт, и мне надо поискать кое-каких трав.

И, накинув капюшон плаща на свою старую голову, он пошёл в лес.

Лениво стал мыть плошки ученик. Тоска завладела им со вчерашнего дня. Тянуло в город. Бессмысленным казалось пребывание возле чудака, копавшегося со смолами и травами. И недаром же все ушли от него... Я один гублю здесь свою жизнь. Мечта о славе быть участником мирового изобретения кружила и уносила его в будущее. И не помнил он, как очутился на дороге, и к вечеру город принял его в свой многоголосый шум.

В то время старик у окна что-то выливал из плошечки в плошечку — то были небольшие блестящие жёлтые капли. Это было золото.

“Вот, — сказал он, — на пути к моему открытию я узнал ненужную мне тайну золота, за которую в веках безумцы отдавали жизнь. Невинно полощется оно здесь, как маленькие жуки. Оно не выйдет за предел этой плошки!”. И что-то смешав, он потушил золотой цвет, и сделались просто камешки. “Вот он, тот сгусток, что темнел на дне и мешал мне, — сказал он, — много сгустков я вынул из того, над чем я работаю, но ни из-за одного из них не сделалось бы столько волнений в мире...”.

В эту ночь неизвестные вестники донесли городскому учёному, что лесному учёному известен секрет золота. Уже которую ночь не вставал городской учёный из-за чертежей с вычислениями, которые не удавались ему. Как безумный, кинулся он по дороге к лесу и столкнулся с юношей, ушедшим от лесного учёного и престапующим городские ворота.

— О, великий учёный, — воскликнул юноша, кланяясь низко и отступая два шага, — какое счастье привело меня...

— Пусти! — крикнул учёный, — мне не до приветствий... — и побежал в лес.

— Уж не к лесному ли чудаку Вы спешите, Великий учёный? — сказал прохожий, — мне жаль ваших ног, — потому что там нечего делать. Я иду от него в ученики к вам!

— Ты из его учеников? — вскричал, остановясь, учёный.

— Я был в последнее время его единственный ученик, — сказал не без гордости прохожий, ощутивший какое-то беспокойство.

— Не обманывай меня, — вскричал учёный, — зачем ты надо мною смеёшься? Рецепт золота, который твой хозяин...

— Маэстро! Вы должно быть больны лихорадкой, — встревожился ученик, — она свирепствует в этих местах, и было бы неосторожно в лесу...

— Золото! Золото! — повторял учёный. — Я всю жизнь трудился над золотом, а он угадал мой секрет, он узнал то, чего я... — он впадал в безумие.

— Полноте, — сказал ученик, — позвольте мне поддержать Вас. Вы слабы, утомлены, и если уж непременно хотите, — я Вас доведу до него, чтобы Вы могли убедиться, что этот старый чудак знает не больше, чем птица в лесу, когда она поёт свои песни... — и он повел учёного в лес.

Когда они переступили порог хижины, старик перемывал плошки.

— Видите, — крикнул в негодовании ученик, подбегая к столу, — вот где я потерял свою жизнь! Вот то, куда Вы захотели прийти учиться, — Вы, которого я хотел назвать учителем, Вы, который обещали сделать счастливым мир!

И он подбросил валявшиеся на столе камешки.

— Вот! — говорил он, кидая их по столу, — вот мои лучшие годы! Без пользы, без толку, в пустых фантазиях... Куда я годен теперь?

Но городской учёный в смятении бегал по хижине. Забыв церемонный поклон, он требовал у старика ответа, он просил рецепт золота.

— Я передам его тебе навсегда, — отвечал просто старик, — если ты обещаешь мне помогать в моей работе. Ты можешь пригодиться мне лучше всех наших учеников, погрязших в тщеславной вражде...

— О, всё, всё, что хотите! — молил учёный, став на колени, — я стану самым младшим Вашим учеником, я перевезу сюда свою лабораторию...

— Встань, друг мой, — сказал лесной учёный, — негоже тебе стоять так. И не нужно будет лаборатории, если ты мне дашь одно обещание.

— Всё, что потребуете, — сказал учёный, вставая.

— Тогда ты узнаешь секрет золота, — отвечал старик, знаком удаляя оторопевшего ученика. И он раскрыл толстую книгу.

“Тайной золота овладеет тот, кто не будет его желать”.

Городской учёный смеялся:

— О, я никогда не был жадным! — сказал он, — я служу человечеству!

“Тайной золота овладеет тот, кто даст обет никогда не отдать её миру”.

— Но это нелепо!.. — закричал городской учёный, пятна покрыли его лицо, — эти несчастные, мрущие с голоду, убивающие друг друга из-за этого золота...

— Тише! — сказал старик, — ты не дослушал.

“Тайной золота овладеет тот, кто не будет жалеть, что мир её не узнает”. И он закрыл книгу.

Учёный метался по хижине.

— Я не понимаю, я не понимаю! — кричал он в исступлении, — этих отвлечённых фантазий я никогда не пойму!

Старик улыбался. Но улыбка замерла на его губах.

— Значит, и ты от меня уходишь, — сказал он с грустью, — я ведь давно жду тебя... Я думал вместе с тобой работать над открытием, которому я отдал жизнь. Я стар, и мне мало осталось времени. Я хотел...

Городской учёный остановился в недоумении.

— Какого открытия можно ждать после того, которого ты удостоился! И что можно сделать с так крепко связанными руками, как у тебя? Что тебе надо? Ты нашёл философский камень. Чего ты ищешь? Вечный двигатель? Эликсир жизни?

— О нет, — сказал старик, устало садясь в своё деревянное вырубленное кресло, — смерть — это малозначащая вещь перед Сердцем вечности, а уничтожить её, значило бы ввергнуть людей в вечное пребывание на земле. Вечный двигатель? Но он же есть. Он — над нами... Моя мечта проще, но она требует согласия хоть одного человека на земле.

— Что же это? — спросил, остановясь перед стариком, учёный, — я никогда не пойму этой сухости сердца, отнимающего у человечества то, что ему так нужно...

— Сухости? — сказал старик, — ну, слушай: я о т к р ы в а ю ч е л о в е ч е с к о е с е р д ц е, — сказал он и закрыл глаза. Его старое лицо струилось слезами, они стекали в белую бороду, было тихо, только свистели птицы, и учёному показалось, что перед ним — сумасшедший. Но

в нём ещё оставалось сомнение. Только что происшедшее перед ним наполняло сердце его каким-то величием, с которым ему не хотелось расстаться. Но дикие слова старика походили на бред, в их немыслимой простоте. Они казались бессмысленно отвлечёнными. Перед глазами городского учёного встала его лаборатория, столько лет труда и достижений, ждущие его ученики.

Старик открыл глаза.

— Мне дано было обещание вернуть людей в рай, если я сумею извлечь из человечества то, что мешает ему войти туда, — уже много извлёк я отсюда вещей, чуждых человеческому сердцу, и сегодня я извлёк золото.

Протянув руку к столу, он собрал рассыпанные учеником камешки, встряхнул их в плошке, чем-то полил — и высыпал на стол золотые кусочки.

Он стоял и зорко глядел в глаза своего гостя. Весь он был сейчас другой, выше, сильнее, в ожидании — обрести, наконец, ту душу, которая ему была нужна.

Но учёный, протянув руки к столу, плакал.

— О, — говорил он, — это была мечта моей жизни! Разве я когда-нибудь желал золота для себя?! И **так** обрести его, узнать, что я даром трудился, что не сделаю счастливым мир...

Снова став стариком, лесной учёный подошёл к своей книге.

— Тайной золота овладеет тот, кто не будет жалеть, что мир её не узнает.. — печально прочёл он, — что делать, мой бедный друг, я не могу подарить тебе эту тайну. Её вес тяжелее веса золота, ты не сможешь её унести. Тот, кто не решил в сердце своём вопроса о золоте, тот не может работать со мной над человеческим сердцем! — и он закрыл книгу...

И тут — словно завеса спала с глаз городского учёного, — ему вдруг открылась солнечная воля Того, кто велик и вечен над миром. Быть в воле его — значит раскрыть своё сердце...

В хижине старика произошло чудо. Смеясь и ещё роняя последние слёзы, беспечно, как малое дитя, городской учёный сметал со стола золото, — оно падало на земляной пол блестящими камешками.

Городской учёный опустился перед лесным на колени:

— О, ты, который научил меня всему, чему может научить человек человека, возьми меня научи дальше, потому что ты больше, чем человек. — Он плакал от радости, как дитя, целуя руки обрётённого учителя, а тот сжимал его голову руками, и голос жителя леса сиял, как улыбка.

— Знаешь, мы уйдём с тобой по дорогам. Я так долго ждал тебя, чтобы уйти... Мы пойдём по земле и будем открывать людям сердце...

Полный вдохновения и сил встал с колен ученик и юношеской бодростью полон был старый учитель. Они протянули друг другу руки и... вдруг сделались как один человек. Этот человек вложил в мешок толстую лесную книгу, чашу, взял посох и бодро, уверенно, лёгким шагом пошёл по дороге...

Никто в городе не понимал, куда пропал известный учёный. Лаборатория его покрылась пылью. Как тени, бродили ученики среди телескопов, колб, чертежей.

Говорят, один из них впал в безумие. Он вернулся из лесу, где искал учителя. С тех пор в руке его что-то зажато, но он не разжимает кулака. Его взгляд дик, и он что-то бормочет про золото.

И всё громче слух, что лесной учёный покинул хижину и идёт по осенним дорогам.

Сказка про девочек-великанов

*Посвящаю моей сестре
МАРИНЕ ЦВЕТАЕВОЙ*

I

Про детство Веги и Азы

Давно, давно, не знаю где и когда, жили в горах две громадные девочки, Вега и Аза, со своей бабушкой, которая была колдунья и которой было сто лет. Вега была посерьёзней, Аза — повеселей, Вега была ещё больше, чем Аза. Жили они в пролёте между двух гор, как раз в полосе ветра. День и ночь ветер выл, девочки слушали и подвывали ему, так они научились петь. Раз ветер вздумал оторвать вовсе хижину, но, увидав, что никто не испугался (колдуньям нечего бояться таких пустяков, а внушки запрыгали, что сейчас полетят) — ветер заключил с ними союз.

Девочки отца своего не помнили, а он был великан, и они были великанши, но не знали об этом, так как бабушка с ними вовсе не говорила (она разучилась говорить от колдовства), и говорить они научились от диких зверей, с которыми вели дружку. Они пели про всё, про что им хотелось, но так как им хотелось того, чего не хочется нам, то мы и не поняли бы, если бы услышали те песни — и что про них говорить... — Только хорошо они пели, ветер любил слушать и подтягивать, пролетая, а они пели ещё громче, прыгая со скалы на скалу и хлопая в свои огромные ладоши. Да, они были совсем дикие, Вега и Аза, и, если уж сказать правду, то песни их и прыжки, словом всё, что они делали, — было совсем дикое.

Но они были не виноваты, им никто не объяснял, как надо себя вести — матери у них вовсе не было — как-то так случилось, что не было, а отец — ну что же это за отец: великан!

Когда они были совсем маленькие, какой-то другой великан расшиб ему голову, и долго его тело лежало через всю пропасть; пока его не дожрали волки. Ходить девочки не учились, а только прямо стали бегать, и бегали, ещё крошечные, так ловко, что однажды учёная экспедиция, гуськом шедшая по тропинке над пропастью, замерла как один человек, увидав следующую картину: на повороте, где тропинка сужалась, и каждый год случались несчастья, бежал ребёнок, — правда, громадного роста, но телосложением ещё крошка, он еле умещал на тропинке — по одной — свои огромные ступни, топая на все горы. Люди боялись окликнуть и замерли, еле дыша. А из пропасти вдруг раздался смех, точно раскат грома:

— Аза! — кричал кто-то, э, — смотри, как они испугались! Они думают, что ты можешь упасть! (Добрая девочка! Она думала, что они этого испугались, в то время как люди испугались самой Азы).

— А, это ты, — отвечал спокойно ребёнок, перевешиваясь через край пропасти, — а я искала тебя! Смотри, какая трава! — и, вырывая из щелей скал пучок цветов, она стала кидать их в пропасть, кричать:

— Хочешь, я прыгну к тебе?

— Не стоит, — отвечали снизу, — ты могла бы ушибиться. Беги кругом!

Послышался топот ног, и маленькое чудовище скрылось за поворотом. Перепуганная увиденным экспедиция двинулась дальше, цепляясь

за проводников, и как раз на повороте это всё поскользнулось, а так как люди были связаны верёвкой, то удержаться никто не мог, и трещина в леднике поглотила людей, подбросив в эхо их крик. А девочки бежали, перепрыгивая через трещины, с горными цветами в руках.

Я сказал, что великановы дети были плохо воспитаны. Это не значит, что они были злы. У обеих было такое доброе сердце, что колдунья, глядя на них, качала седой головой, ворча, что трудно им будет на свете таким большим и с такими добрыми сердцами...

Она хоть и была колдунья, но не была великаншей. “Ну что бы им быть позлей! — думала она про себя, — научила бы я их колдовать, и вышли бы две хорошие колдуньи...”. Но дальше даже трудно передать, что она думала, потому что колдуньи думают иначе, чем люди. Когда они стали выше своей бабки, та задумала из жалости к внукам — другое: сделать их обычного роста, чтоб жили себе как люди. И она начала колдовать. Она колдовала целую ночь и ещё целых полночи, но напрасно спалила траву в своём котелке, разрыв-травы выкипела без всякого толку, — ни золы, ни зелья — никогда не было более неудачного колдовства! — А наутро, встав с заклинанием со старушечьей постели, бабка увидела, что внушки её ещё чуть подросли — руки у них болтались как дубины, глаза горели как плошки, волосы вились как кустарники в лесу. Такие были нелепые, — но что удивительнее всего, что они вовсе не замечали своего роста, так же просто, как в раннем детстве, они глядели на бабушку сверху вниз — только и была разница. И они всё росли и росли. Так же топали они по скалам, как только всходило солнце, но уже не бегали взапуски с волком, как в раннем детстве, да было легче выворачивать для костра засохшее дерево, и через иные ущелья, через которые, бывало, прыгали с разбега, они шагали легко, враз. И жили они уже не в хижине — потому что не умещались, жили просто в лесу и в горах.

II

Про великаньего мальчика

Однажды они пришли из лесу, ведя за руку огромного мальчика, это был маленький заблудившийся великан. Стали играть в разные великаньи игры, и горы гремели от их смеха, а эхо напрягало весь голос, чтобы ответить почти так же громко.

К вечеру они пришли к бабушке сказать, что они уходят в мальчикову страну.

— Там все такие же большие, как мы, — бойко сказала младшая, а старшая добавила:

— Мы шагаем через целую пропасть — какая же это страна...

— Если мы останемся здесь ещё немного, мы можем перестать тебя видеть, так ты будешь мала! — сказала младшая ласково, не понимая, что сердцу старушки причиняли этими словами — боль.

Но не будем упрекать её за то.

— Что это за горы, на которые нельзя взбираться, — продолжала сердиться старшая, — шагнётся — и уже наверху!

Бабушка только покачала головой на прощанье да вынесла им из хижины по благословению: одной — волчью морду, а другой — лапу медведя, которые они прицепили к себе — и пошли.

III

Что было в великаньей стране

В великаньей стране зажили они хорошо — всё было как раз по ним, — эхо тут было такое, что когда бы они ни брались кричать во всё горло, а эхо ещё громче, и ещё громче — так что девочки в восхищении прыгали, зажимая от грохота уши. Был мальчик, который во время войны с соседями повалил одной рукой целый человеческий лес; был другой, что одним пальцем погубил корабль в человеческом море, был и такой, у которого были такие большие глаза, что он решительно всё видел, он держал их полужакрытыми — потому что это очень утомительно — видеть столько вещей.

И несколько лет Вега и Аза были такими весёлыми, что совсем больше не пели песен — было некогда, так много надо было облазить гор и прятаться от медведей, которые тут были такими, что и вообразить нельзя.

А ночью, у костра, такого, что он им бы показался пожаром, грелись маленькие великаны и рассказывали друг другу сказки, но так как эти сказки были не для людей, то им и неинтересно. Над их головами горели такие звёзды, что наше небо они бы усыпали солнцами, но великанам они казались точками, и ночь вокруг них была так же черна, как обыкновенная ночь.

С некоторых пор стали замечать, что Вега и Аза начинают бегать быстрее всех — они проходили не уставая десятки вёрст, в то время как даже взрослые великаны присаживаются отдохнуть. И они больше ни с кем не бегали взапуски. А однажды ночью старшая, выйдя из дому, села на камень и стала петь. Никогда в великаньей стране не слышали такого пенья. В пропасти ухал громовой голос Веги; филины, как сверчки, отвечали ей, Аза лежала и плакала так горько, что у великанов сжалось сердце. Растянувшись, она заняла всю великанью лужайку.

Ничем нельзя было помочь горю, и когда занялось утро, странные девочки, печально взглянув на шар солнца, ушли прочь из страны, никому ничего не сказав.

IV

Как прощались великановы девочки

Они шли по дороге, которая всё сужалась, и наконец стала такой узенькой, что по ней нельзя было идти вдвоём. Тут она разветвлялась и тропинками уходила в разные стороны.

— Стой, Аза, — сказала Вега, — сделаем вот как: ты идёшь направо, а я пойду налево, а когда мы найдём место, где будет хорошо, — мы позовём друг друга. Ведь ты же услышишь мой голос?

— Ещё бы, — ответила Аза.

И она было пошла, но вдруг встала и обернулась — таким странным ей показался голос всегда суровой сестры. И Вега, повернув свою голову, похожую на глыбу камней, глядела в глаза Азе, — она не видела у весёлой Азы таких глаз. Может быть, если бы они были обыкновенные девочки, они сказали бы друг другу что-нибудь на прощанье, какие-нибудь нежные утешительные слова, но они были маленькие великаны, и они не сделали этого. Вега только молча сняла с себя волчью морду, а Аза — лапу медведя, и они, обменявшись, надели их на шею, а потом каждая пошла своей дорогой, и что с ними было по этим дорогам, я не знаю.

V

О гибели великанов

Прошло много лет, и на земле началась война. Она началась между всеми народами, во всех странах, и когда после многих битв собрались вожди перебитых народов сговориться о причинах войны, — все сказали, что во всём виноваты великаны, которые губят целые страны, не замечая их. И стали народы готовиться к новой войне, они строили необычайно большие машины и гигантские корабли, а учёные их сидели над изучением сказки о путешественнике Гулливере, попавшем в страну лилипутов, о том, что делали лилипуты, чтобы уничтожить его. Теперь это была самая знаменитая книга.

В одну ночь, когда великаны спали, люди опутали их тенётами, стали мучить тысячами самых огромных стрел, пушек, мечей, от которых тела великанов покрылись маленькими отверстиями. Машины работали неустанно — в образовавшиеся отверстия люди вставили гигантские насосы, по которым великанья кровь стекала в море, делая его бурым.

Учёные не высчитали того, сколько в великанах заключается крови, потому что не смогли себе этого даже представить. Море пурпуром вышло из берегов и затопило несколько стран. А великаны лежали тихо, закрыв глаза, засыпая. Так погибли все великаны, кроме Веги и Азы, о которых идёт мой идущий к концу рассказ.

VI

Про жизнь Азы

Аза жила в далёкой стране, в ней было так жарко, что люди ходили голые, у её ног курчавились травы, которые назывались “пальмы”, под тенью их стояли крошечные связки травы, где жили еле видные готтентоты. Они были добрые, они жалели свою великаншу за её рост, они даже любили её — но она не могла это заметить — очень уж они были малы. Ей построили необозримый тростниковый шатёр, для которого срезали тростники с берегов самой своей длинной реки, из дупла самого старого дерева выдолбили ей чашку, в которую по утрам вереницей несли ей груши, бананы, ананасы и всевозможные плоды. Аза любила сладкое. Им казалось, что они отдавали всё, что было можно, не разоряя страну дотла, а Аза слабела, потому что была голодна. Люди просыпались ночью от дикого звука — это было похоже на вой целой тысячи гиен, — это пела Аза всё ту же свою детскую песню, сидя у раскалённой речки.

Эта река началась из слёз Азы и изменила всю местность, её бассейн орошал страну, по ней какие-то люди гнали к готтентотам корабли; уча их торговле. И никто не высчитывал того, что если Аза проживёт ещё несколько лет и так же будет плакать, — вся страна превратится в солёное озеро. Тигры потягивались и ласкались, как котята. Крокодилы, как ящерицы, клали головы на её пальцы, которыми она не двигала, боясь повредить своим молчаливым друзьям, — долго слушали её песни. Она тосковала по великаньей стране. Она засыпала, присев на гору, и ей снилась Вега, у которой были такие большие ноги, такие большие руки — и она даже во сне не могла забыть, какие у Веги глаза. И снился ей ещё маленький великан, губивший человеческие корабли, — где он сейчас? Она не знала, что он был последний из уснувших великанов (как раз тот, из-за крови которого море вышло из берегов).

Ей снилось, что она вновь с ними, в каких-то громадных горах, на которые невозможно взойти, она поёт великанову колыбельную песню, она баюкает на груди маленькое великанье дитя.

VII

Вега

В далёкой-далёкой стране жила Вега, среди льдов и белых медведей. В мрачном небе горело северное сияние, оно походило на великанью корону.

Вега не тосковала по великаньей стране и вернуться в неё не хотела, а настоящую страну не нашла, и в своих (огромных) тайниках знала, что её на земле нет, но сказать это Азе, которая, быть может, ещё надеялась — не хватало великаньего духу. Эскимосы были мрачные люди, недоверчивые, они боялись своей громадной гостьи, не подозревали, что она добрая, потому что она была уж слишком громадна. Они считали её своей царицей, построили ей дворец из шкур многих оленей, они с трудом набирали груды низкорослой, редкой растительности, чтобы растопить её огромную печь. Там стоял вылепленный ею чан, где она варила какое-то зелье, — пила прямо из чана, через горячий край.

Днём она старалась вовсе не вылезать из своих шкур, потому что иногда не видела какого-нибудь маленького эскимоса, а потом доносился писк, и, встав на колени, она пыталась помочь горю, и давила других людей. Такие дни эскимосы считали днём гнева и мрачно повиновались Веге. Спалив ничтожный запас дров, она пыталась ходьбой согреть тело, ходила взад и вперёд между льдин, как какой-то сказочный часовой, потом садилась на самую большую глыбу и, пока та не трескалась под ней, Бог весть о чём думала, лаская тяжёлой рукой медведей, которые взбирались к ней на колени, как белые мыши. И много раз на дальних льдинах и у раскалённых песков — та же мысль туманила головы последних двух великанов — позвать сюда Азу! Позвать сюда Вегу! — ведь всё равно, не найти на Земле страны, которую они искали... Но каждая помнила уговор — а снова идти искать было совсем бесполезно, потому что Аза прошла землю вдоль, а Вега — поперёк, и ничего кроме несчастья людям из этого не могло выйти.

VIII

Про конец Веги и Азы

Ветер рассказывал мне, что в ту же самую ночь, проносясь одним крылом над северным морем, другим — над экватором, — он увидел, как приникли к земле, засыпали последним сном великаны.

— Я затих на одно мгновенье, — рассказывал он, — чтобы покрыть своими крыльями двух маленьких девочек, которых я знал в счастливом детстве, когда они играли со мной, и любили кричать, чтобы им отвечало эхо.

Я услышал, как сонными голосами каждая из них произнесла имя другой. Тогда, скрестив мои крылья, я понёс имена “Аза”... “Вега”, и они услышали голос друг друга — я ворвался в их грудь, как в пропасти, скрещёнными именами, и это было их последним дыханием. А эхо прокатило их имена.

И так закончил однажды под утро ветер свою сказку о великанах. Я слушал, а потом записал для вас.

Может быть, на других планетах и есть ещё великаны, но на нашей уже, наверное, нет. И если какой-нибудь человек вам скажет, что он видел великана, знайте, что он вам рассказывает свой сон.

Станислав АЙДИНЯН

Послесловие

Литература — самая скромная форма бессмертия, в которой остался жить дух Анастасии Ивановны Цветаевой. Наследие её обширно и многообразно. Мастер мемуарного жанра, она оставила след и во многих других литературных жанрах, первая её книга, вышедшая в 1915 году, была посвящена проблемам философским, а последняя — “О чудесах и чудесном” — христианским чудесам и необыкновенным, духом осветлённым событиям прожитой жизни...

С детства она писала сказки. Сестра её, Марина Цветаева, тоже на заре юности “импровизировала” для сверстников сказки вслух. Но Анастасия Цветаева сказки писать не прекращала всё довоенное время. Была целая рукописная книга сказок, “арестованная” вместе со всем её творческим архивом в 1937 году и вместе с ним исчезнувшая.

Сказки философские тогда не печатали, не столь в 30-х годах “изящное” было время. Анастасия Ивановна просто дарила их друзьям. И так чудом у друзей, не арестованных, не репрессированных, сохранились три сказки.

Первая — “Черепаха”, сказка о верности, об испытании, которые претерпевает любовь двух, чистых душою, о преображении любви-страсти в любовь духовную, надмирную, о которой поют птицы. Эта сказка столь поэтична, что чудится, будто она сыграна на древней арфе... Рефреном сказки надпись, что была начертана на перстне библейского царя царей Соломона: “И это пройдёт...”.

Вторая сказка — “Сказка про девочек-великанов”, написана в Феодосии, в 1921 году. Сказка эта, посвящённая старшей сестре, Марине, в аллегорической форме рассказывает о жизни двух сестёр, проводивших вместе детство. Душевную высоту в сказке А. Цветаева художественно-символически преобразует в высокий рост девочек, в их “колдовскую” силу, в мощь голосов...

Многое из реальности вплетено в эту сказку. Здесь и “Великаний мальчик”, это не кто иной, как Владимир Оттонович Нилендер — первая любовь сестёр, о котором — в “Воспоминаниях” и в стихах М. Цветаевой. Здесь и психологические тонкости — отражение серьёзности, несентиментальности дружбы меж сёстрами, это достаточно выпукло дано в сцене прощания девочек-великанов. Подглавка “О гибели великанов” — конечно же о том, как погибали во время революции и после неё те, кто был умён и свободен духом. Это аллегория гибели дворянства и интеллигенции в терроре и начале репрессий. И — венцом сказки — пророчество, данное ещё в 1921 году (!), о том, что жизнь их закончится вдали друг от друга, но что они почувствуют одна — конец другой. Так и было, так стало в 1941 году, когда растение, любимое Мариной, — серолист, что было в кадке в бараке, на зоне, где отбывала срок Анастасия, всплеснуло, как в ветре, ветвями, давая знать... В день смерти сестры...

На моём экземпляре машинописи “Сказки” рукою А. И. Цветаевой написано: “В долгой разлуке с Мариной, мне кажется, в 11 месяцев в Москве (в 1921-22 гг.) я ей это не читала и за границу не посылала, и Марина моей немного пророческой сказки о нас — не узнала...”.

Особенное место среди трёх сказок А. И. Цветаевой принадлежит сказке “Лесной учёный” (1928?). Эта прозаическая миниатюра посвящена Александру фон Кордигу, петербургскому астрологу, чьё имя произносилось весьма высоко в кругу А. И. Цветаевой. О нём Анастасия Ивановна знала немало от друга своего, Бориса Михайловича Зубакина, одного из последних русских розенкрейцеров.

Сказка “Лесной учёный” близка по настроению преданиям розенкрейцеров. Даже тема — учёный-алхимик и его искания золота — традиционно розенкрейцерская. Достаточно назвать хрестоматийно образцовое для орденских книг розы и креста старинное латинское сочинение *Artis Auriferae quam Chemicam vocant* (Basilea, 1610), то есть “Искусство создания золота под названием Химия”. Золото — это металл и знак Солнца, божественно-животворящей энергии, питающей Землю. Как и в “Химической Псалтыри”, книге великого посвящённого Теофраста Парацельса, под золотом подразумевался не металл, а духовный свет, духовное Солнце. В “Лесном учёном” — тоже речь идёт о преобразении золота-металла, имеющего внешний “ценностный” блеск, в золото мудрости. Торжествует в сказке осознание тщетности сокровищ земных...

Для ясности надо сказать, что А. И. Цветаева записывала на протяжении 9 лет лекции по этическому герметизму, что читал друг её, Б. Зубакин (специально для этого изучила стенографию). Она не принадлежала к розенкрейцерам, однако о некоторых вещах отзывалась так: “Об этом не нужно знать непосвящённым!”. Она уважала доверенные ей тайны и строго соблюдала обеты.

Что до своей дружбы с Б. М. Зубакиным и его кругом, этого она никогда не скрывала. Она оставалась до конца православной христианкой и потому не хотела, чтобы имя её часто упоминалось близ оккультных, магических истин. Тем не менее ей были известны основы каббалы, магии чисел. Она обладала и некоторыми другими мистическими познаниями, воспринятыми от Зубакина, который, однако, имея данный ему патриархом Тихоном сан Благовестника, направлял её по пути православия. Ведь он был, несмотря на все гипнотические и мистические увлечения, православно религиозен.

В заключение скажем, что поэтический и одновременно отвлечённо-философский стиль сказок А. И. Цветаевой был характерен целому большому периоду довоенного её творчества, к сожалению, пропавшему, утерянному.

Валерий БРЕЕВ

Символ добра и справедливости

*Тема женщины-матери в цикле рассказов
Габита Мусрепова*

В рассказах писателя, посвящённых женщине-матери, прослеживается не просто желание автора обессмертить этот образ в казахской литературе, а придать ему особый статус — символа добра и справедливости. Речь идёт о событиях далёкого прошлого в жизни казахского народа. Своеобразие этого цикла в том, что главным предметом изображения в них является эволюция матери от эгоистической любви к собственному ребёнку до альтруистической любви к ребёнку чужому.

Оригинальность предмета, выбранного Мусреповым для отображения в рассказах, определила не только особенности сюжета, но и приёмы литературного изображения, систему изобразительно-выразительных средств: описательно-повествовательный речевой стиль, похожий своей метафоричностью на стиль романтических произведений, насыщен элементами рассуждения, публицистики.

Перед читателем богатое, динамично изменяющееся внутреннее бытие человека. Интересом к нему автора и определён главный принцип повествования — все события и конфликты “пропущены” сквозь восприятие матери. Её материнскими глазами увидены люди, её самоотверженными чувствами измерена человеческая статья. Чуткое участие женщины высвечивает сложные, всегда и для всех важные психологические процессы. Такое изображение придаёт рассказам непреходящий смысл, волнующий и в наши дни.

Рассказ “Мать”. 30-летняя женщина, полная отваги и решительности, в отчаянии бросается за совершившими побег сорока джигитами, забравшими силой её дочь и угнавшими табуны лошадей. Она ни в чём не уступает мужчинам: лихо ездит на коне, уверенно управляет табунами, смелая и отчаянная. Эта женщина рассказывает джигитам невыдуманную историю — собственную жизнь, после которой набегавшие “опустили уши и глаза, взоры их легли на землю”. Она сумела заглянуть глубоко в сердце каждого воина. Потрясает её умение добаться до сути человеческого бытия: что правит миром? почему человек несчастен? в чём смысл пребывания людей на земле? какое оно — счастье? В коротком диалоге с батыром Жалпаком эта поистине мудрая не по годам женщина открывает палуану (силачу) глаза на его жизнь: “Ты — свободный батыр, пока не доедешь до своего аула. А там и ты лишишься свободы и превратишься в простую дубинку твоего бая или бия. Тобой помыкают, как батыром. Ты — не свободней меня”. У него открылись глаза: женщина права. И отважный вожак-палуан дарит этой женщине и её дочери свободу. “Ширкин! Женщина из женщин!” — восхищаются палуан Жанай и слепой Айтилис.

В другом рассказе “Мужество матери” Нагима — простая женщина из бедного аула, рискуя жизнью сына, собственной жизнью, во имя добра, любви, материнских чувств спасает раненого красноармейца, отправив

сына Жапара помочь человеку: “Жапар, сынок. Видишь, у него совсем не осталось сил. Возьми коня — и к нему. Скорей. Укроешь его в Уйшик-Жале” (лесной чащобе). За это Антонов жестоко избивает Нагиму плетью. Аульчанам страшно и стыдно: на их глазах избивают женщину, которая никогда и никому не сделала ничего плохого. “Если бы только можно было убить глазами, Антонов уже давно валялся бы в пыли у её ног”. Ни камча в руках белогвардейца, ни его шашка, ни маузер не могли поколебать её мужества. Антонов устал бить нагайкой Нагиму. Немногословная речь женщины к белогвардейцам — это и обвинение, и призыв обратиться к собственной совести. “Волки” — таким прозвищем нарекает Нагима жестокосердных солдат. И её голос услышан: ни у кого из подчинённых Антонова не подымается рука заменить его в этом зловещем преступлении: поднять руку на женщину, на мать. Более того, кто-то из отряда не выдержал и отрубил голову начальнику. Растерянные белогвардейцы ещё не знают, что они будут делать дальше, хотя им ясно одно: человек должен жить в мире. И Нагима за это будет молиться, ибо материнская молитва силу имеет.

Следующий рассказ “Материнский гнев” начинается с того, как в дверях юрты появляется одетая в лохмотья, исхудавшая женщина, которая не сразу поведала хозяевам о своём 17-месячном пребывании в тюрьме за то, что убила своих мучителей: волостного и чернобородого, пытавшихся унижить её. Молодая вдова во имя спасения своего сына от мобилизации на тыловые работы стойко сносила моральные унижения, готова была выполнять любую работу. Но стать рабыней? Всю жизнь терпеть издевательства? Чаша терпения переполнена. В самый напряжённый момент она вдруг задаёт себе вопрос: человек я или собака? И молодая женщина в порыве отчаяния хватается нож и убивает своих мучителей, за что и попадает в тюрьму. Шок — впечатление хозяев от услышанного. Теперь эта женщина спешит в свой аул, к своему сыну Бахыту. Она не притронулась к чаю, не пробовала лепёшек. Все мысли её с Бахытом. Заканчивается рассказ словами: “Перед ним (хозяином. — **В. Б.**) сидела женщина — сильная и бесстрашная. Она прошла через все муки своей беспросветной жизни и всё выдержала. Перед ним сидела мать, знающая, как надо бороться за своё право быть счастливой”.

Примером высшей степени материнской любви является любовь Аклимы в одноимённом произведении Габита Мусрепова. Особый психологический аспект, в котором раскрыт центральный образ, определил своеобразие рассказа “Акклима”, его проблематику, тональность, краски изображения. Писатель пристально прослеживает внутреннее состояние своей героини. Найдены выразительные детали, ёмкое слово.

Акклима — мать погибшего на войне два года назад солдата неожиданно получает письмо с фронта и просит соседку Нурилу прочитать его. Как похожи солдатские письма! “Мама! Родная моя, как я соскучился по тебе!”. Всё содержание письма — живой рисунок войны. Сын рассказывает, как он прошёл сквозь воду и огонь — и всё-таки остался живым. Радость матери безмерна: её кровиночка жива. Но что это? Нурила читает имя автора письма — Сапар. Не её Касым, а Сапар. Оказывается, то был Улбалы, живущей до неё в этой комнате, и письмо пришло не к Акклиме, а к другой матери, не дождавшейся сына, умершей.

Любовь Аклимы вырастает до вселенской любви — она готова принять, как мать, чужого сына, безногого калеку.

Во всех вышеупомянутых произведениях женщина-мать жертвует собой, приносит на алтарь свои чувства, свою любовь, несмотря на различие времени: будь то дореволюционная пора, гражданская или Великая Отечественная войны. Мать активна, она выступает против мирового зла, против жестокости и несправедливости. Материнская любовь — прекрасное в человеке, для человека — это стержневая мысль Мусрепова.

Прошлое страны было драматично. Упомянутые события — источник духовного преображения мусреповской героини: всё здесь определено человеческими взаимоотношениями и характерами. Писатель видит общество неоднородным: баи, би́и, аульная беднота, батраки — налицо классовое противоречие. Мусрепов сквозь увеличительное стекло показывает рабство. Такие, как Жалпак, даже не осознают, что, по сути, являются рабами. Внутренняя прозорливость матери открывает палуану красоту подвига, его необходимость для единения народа на пути к свободе. Показывая смену эпох — вертикаль времени — автор раскрывает образ матери в контексте вечности: ощущение прошлого присутствует в современной героине. Образ матери выступает в рассказах ещё и как фольклорный мотив. Сила мусреповской женщины в духовности. Она не просто выделяется — читатель видит её превосходство над окружающими. Стремящаяся к справедливости, она говорит: “Я простая женщина из бедного аула. Но я хочу, чтобы все люди говорили друг другу: таварыш-мамыш. Я верю, что так и будет”. Если в рассказе “Мать” героиня жаждет свободы для своей дочери, жаждет её счастья, то в последующих произведениях “Мужество матери”, “Аклима” она вырастает до образа горьковской матери: свободы и счастья она хочет и другим детям.

Насколько глубоко её восприятие жизни: она может убедить сорок джигитов, отряд антоновцев в их слепоте, несправедливости, хотя эти мужчины настолько одержимы своими убеждениями, ослеплены, как и любой человек в своей вере. Это удивительная стойкость: на куски рви, хоть убей, но в правоте её никто не сломит. Вековые традиции женщины-матери прочно вошли в её сознание: ни царь, ни бог — никто эту женщину не переубедит. За них она готова принести себя в жертву. Самоотверженность — одно из характерных качеств героини, и оно сокрыто не только в материнских чувствах, это часть её философии, жизненного кредо. Батыр не видит то, что видит она. “Ты не свободней меня. Ты такой же раб, как и я”. У палуана открылись глаза. Он прозревает, он этого не знал. Да, эти джигиты — рабы. В этом трагизм их жизни, и они услышанное вмиг почувствовали. Мать не хочет, чтобы дочь повторила её судьбу. Палуан признал себя побеждённым: “Мы — слепые хищные совы. Шевельнёмся, когда ткнут в глаза, не будут тыкать в глаза — не видим. Ты сняла с моих глаз бельмо, апа! Я думал сделать твою дочь ненадолго игрушкой в широкой своей жизни. Теперь я отступаю от этой мысли. Пока я свободен — и я хочу дать свободу человеку”.

В чём исключительность материнского чувства у мусреповской женщины? В том, что она отстаивает свою любовь, жертвуя собственной жизнью. Во главу угла поставлено материнское чувство, а это вечное чувство. О том говорит Библия (глава 15, от Матфея): мать, просящая исцеления своей дочери. “И вот женщина Хананейка кричала ему: помилуй меня, Господи. Сын Давидов! Дочь моя жестоко беснуется. Господи! Помогите мне. Тогда Иисус сказал ей в ответ: О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь её в тот час”.

У матери собственное понимание свободы. Она удивительно понимает то, что чувствуют другие люди. Вы можете её разорвать, но Нагима будет отстаивать свою чувственную свободу. То, что сказали управитель, волостной, Жуман — для неё нет дела. Нагима не считается с их мнением, потому что она по-своему именно так чувствует. Погибает красный боец. Мать посылает сына Жапара. “Она дрожала при мысли об опасности, но иначе она не могла поступить. Не могла не послать его на помощь”. Нагима насмерть стоит на своём. Её свобода защищена от любых законов, у ней своё видение жизни.

В мусреповской героине отсутствует эгоцентризм. То, что она совершает не для себя, не для своего ребёнка, ею движет мать всего человечества. Спасая человека, героиня как бы говорит: “Я — мать всем вам”. О каком эгоцентризме может идти речь, если она чужого сына, калеку принимает за родного в рассказе “Аклима”? Этот поступок — пример многим матерям, потерявшим родных на войне. Бьётся её сердце, не может успокоиться. Ей надо быть матерью, потому она так отчаянно борется за свой статус. Бывший танкист Сапар “потерян и затоптан”, но Аклима бьётся за его свободу. Наделив его поддержкой надёжного тыла, она пытается приподнять его и сделать ну если не героем, то уж вернуть человека к полнокровной жизни — это точно.

Те ситуации, в которые попадает героиня, не могут сломить её дух: избиение Антоновым, 17-месячное заключение в тюрьме, холодной, тёмной, как могила. “И вот я вышла из этой могилы”. В рассказе “Аклима” мать получает похоронку. Казалось бы всё, это конец. Но главная героиня способна нести тепло; потеряв своего родного сына Касыма, способна любить, как прежде. Сердце её горит, может любить чужого солдата. Её невозможно сломить, когда она выручает дочь в рассказе “Мать”, отняв её у сорока джигитов. И ещё не раз способна вытащить родное дитя из беды.

В чём же исключительность личной судьбы матери? В том, что она в центре конфликта или в центре ситуации на грани конфликта. В каждом рассказе мать рискует жизнью. Её могут забить насмерть, её жестоко избивают. “Его нагайка в клочья превратила синее платье Нагимы” (“Мужество матери”). Она доходит до конфликта с управителями, жаждущими отправить её сына Бахыта на окопные работы. Но, по её правилам жизни, в этом мире всё перевернуто. Не так надо жить. Она терпеливо сносит домогательства и глумление над собой, но до определённого момента — потом идёт в открытый бой. “Схватила я нож, ударила его (волостного управителя. — В. Б.) в плотку ножом, потом под сердце. Помню, как я ударила ножом чернобородого. Помню, как вывалилось из рук джигита блюдо с бесбармаком, как покатила по земле баранья голова с оскаленными зубами”. Она героическая женщина, способная постоять не только за себя. Её истязают, убивают, но переубедить её нельзя. Такой рисует женщину Мусрепов. И такие были. Эти женщины всегда в конфликте с обществом, почему и достигается эмоциональный эффект.

Необходимо сказать и о динамике женского образа. Мать у Мусрепова не просто имеет героический характер, жизнеутверждающую волю, она вырисована в динамике, которая, по всей видимости, имеет символическое значение. Бедная женщина вырастает до образа масштабного, без преувеличения, вселенского: “Я — мать всем вам” — происходит расширение сердца героини. Она борется за решение конкретно-социальных и

вечных вопросов: жизни и смерти, любви и ненависти, свободы и власти, рассудка и чувства, познания и деяния.

Г.Мусрепов в своих произведениях выступает мастером в портретной и психологической характеристике женщины-матери. Зримо, конкретно запечатлено здесь нелёгкое духовное пробуждение героини. Прекрасны эти страницы. В переживаниях и раздумьях матери есть и немало созвучного нашим современникам: о человеческом равнодушии и земной красоте, об ответственности за будущее детей. Доминирует чёрный цвет — символ рабства: “чёрная женщина”, “чёрные ладони”, “чёрные руки”, “пальцы черны-пречерны”, “исхудалые чёрные руки”, “чёрная точка”, “чёрное тавро”. В момент речи лицо её преображается, глаза излучают свет, поэтому слова её услышаны: и палуан Жалпак, и джигиты увидели в себе пресмыкающихся-рабов. Кто такой раб? Никому не нужный человек, вещь, которым помыкают. Мусрепов, написавший рассказ “Мать” в 1935 году, увидел новое неравенство, зарождающееся в советскую эпоху, рабов нового строя.

Убедимся, насколько психологически точно воспроизведён портрет: “Она протянула к нам чёрные ладони”, “У несчастной платье в лохмотьях, руки — как пальцы — талки, черны-пречерны, губы растрескались в сорока местах. Но от нахмуренных её бровей, от сыплющих огонь глаз — душа трепещет (“Мать”), “Его нагайка превратила синее платье Нагимы в клочья, на плечах, на спине, на боках обнажалось тугое тело ещё не старой женщины. С каждым разом оно покрывалось новыми и новыми багровыми ручьями, рубцы кровоточили, и кровь струйками стекала к бёдрам. Сыромятная плоть стала красноватой, влажной, а Нагима молчала (“Мужество матери”), “Одетая в лохмотья, исхудалая женщина. Плотно сжав потрескавшиеся губы, она терпеливо ждала ответа. Глубокие, тонкие морщинки соткали у глаз её и на лбу мелкую сетку. Сквозь дыры разорванного короткого рукава виднелась тёмная, похожая на обуглившуюся деревянную кочергу, рука с серебряным кольцом на пальце. Кольцо своим блеском ещё больше оттеняло черноту руки. Приблизившись неторопливыми, усталыми шагами к очагу, протянула к огню свои исхудалые чёрные руки”, “И столько горечи было в её словах, что хозяин устыдился своей недавней неприветливости”, “Голову повернуть нельзя — больно. Хочу встать — не могу: всё тело будто свинцом налито. Рукой бы двинуть, ощупать себя, но рука не слушается, и ноги не двигаются, словно чужие. Всё чужое, только глаза мои. Злодеи, изверги. Мне казалось, будто они изрубили меня на части, а потом бросили где-то в степи, за аулом. “Меня приковали. За руки, за ноги, да за косу к пяти кольям. Били плетью. Сколько били, не знаю. И что они ещё творили со мной, тоже не знаю” (“Материнский гнев”). “У Аклимы, получившей письмо, всё закачалось перед глазами”, “У неё от волнения задрожали руки. Голубая жилка на шее затрепетала, и слёзы затуманили прекрасные чёрные глаза”, “Глаза её, ещё не потерявшие своей былой привлекательности, отражали все её чувства и мысли. Они то теплели от любви к сыну, то расширялись от страха за него, то жмурились от облегчения”, “Она поникла, сгорбилась, даже тёмно-красное шёлковое платье с голубыми цветками, плотно облегающее её тонкий стан, показалося помятым, словно увядшим” (“Акlima”).

Несмотря на все пережитые жизненных ситуаций, трагизм рассказов Г. Мусрепова, его женщина имеет молодое тело, неувядающие глаза. Раньше она слыла красавицей. Читатель всё же видит неувядающую

женщину, её подлинную красоту. Все героини Мусрепова — внешнее очарование. “Тугое тело ещё не старой женщины”, “голодными глазами на неё смотрит” и т. д.

Рассказы Мусрепова сближает с произведениями устного народного творчества неразрывная связь в ней мира природы и мира человека. Природа принимает участие в развитии событий. Пейзаж в этих рассказах также символичен, несёт эмоциональную функциональную нагрузку. Он отражает настроение главной героини. Пейзаж насыщен красками. Лес должен спасти красногвардейца. “Сухой пыльный ветер вырвал у неё изпод кимешека прядь волос и тербил её. Нагима даже не замечала этого. Жапар исчез в длинной и густой тени, которую лес отбрасывал сейчас, на заходе солнца, и растворился среди деревьев”.

Рассказ “Мать” начинается с неподвижной жары, как сама уставшая жизнь. “В полдень солнце над головой, и тогда тень человека, не находя себе места, прячется под ногами. Пастухи пекутся на солнце, кажется, они сожжены солнцем. Но жара — впереди”. “Солнце поднялось на высоту копья. А ночью взор привлекает падающая звезда”. “Но это не пустыня”, — говорит автор. Тут живёт казахский народ.

В рассказе “Мужество матери” действие происходит осенью, на редкость прозрачной и сухой. Над степью колыхались неутихающие громовые раскаты, но резкий ветер не приносил с собой ни клочка туч. Только неприкаянные пожелтевшие листья метались в воздухе. Ветер дёргал кошму на шаныраке, стараясь сорвать её. Деревянные рёбра юрты вздрагивали и стонали под его ударами. Далёкий гром в безоблачном небе — это гражданская война. Заканчивается произведение восходом солнца — как символом новой жизни.

Обобщающий, философский смысл картин быта, нравов общественной жизни степняков целиком зависел от большой политики, от законов русского царя, от антоновцев, красных бойцов. Но казахская степь жила своими традициями, от которых веет вечностью. Это и женщины, ходившие за шесть холмов собирать кизяк, это и барымта (набег на чужой род с целью угона скота), и бои палуанов. Всё это складывалось веками. Аромат древности несёт философию степняка. Юрта как символ мироздания. Это ли не из далёкого времени? Подчинение волостным, состоятельным баям — это тоже из прошлого.

Следует ещё раз сказать о символическом смысле динамики образа матери от рассказа “Мать” к рассказу “Аклима”. Победить свою боль и перенести любовь на совершенно чужого солдата — это чувство показано в развитии. Вначале своя дочь, потом красный боец, затем письмо, пришедшее от солдата, спасает её. И снова материнское чувство подсказывает героине: “Каждый самолёт, пролетавший над её домом, заставлял сильнее биться материнское сердце. Может быть, это он летит”. Всеохват любви материнского сердца — вот сквозная линия писателя Мусрепова.

Автор многое почерпнул из фольклорных традиций изображения женщины-матери в эпосе “Алпамыс” на уровне показа батыров. К примеру, мотив украденной невесты. Тесть Алпамыса — бай Сарыбай, нарушив священную клятву, откочевал. И Алпамыс не знал-не ведал, что у него есть наречённая невеста-красавица Гульбаршин — об этом ему поведала аульная женщина. Подобная канва прослеживается в сюжете рассказа “Мать”. Алпамыс чувствует, что у него украли невесту. Возникает мотив

позора, что не присуще сносить истинному батыру. От оскорбления он не в силах проститься ни с отцом, ни с матерью, ударом кулака расшибает сундук. Берёт все пять видов оружия, надевает девятислойную кольчугу и отправляется в поле выбирать себе коня. Он вне себя от гнева. Алпамысу десять лет, когда он решается отвоевать невесту, а батыру Жалпаку шесть лет, когда отняли у него коня. “Я не знал, что на лбу моём темнеет чёрное пятно. Мне говорили — та невеста была не моя!” (“Мать”). Самая красивая девушка становится добычей искуснейшего из воинов. Глядя на многотысячное войско Карамана, Алпамыс не собирается отказываться от Гульбаршин. Она же должна была достаться в жёны джунгарскому хану Караману: лёгкая, как пух, которая никогда не перечила мужчине. И это не оплакивалось. Такой была традиция — мотив возвращения в далёкое прошлое. В портретной характеристике — “глаза верблюжонка”. Общение с аруахом (бесплотный дух, дух предка, дух умершего святого. — **В. Б.**) во сне на могиле старого палуана Байсары, который ночью сказал: “Вы, кому я дал приют над своей мёртвой головой, вы, чьи кони щипали траву у моей могилы — не пеняйте”. Что ещё взято от фольклора далёкого прошлого? Это уважение к старейшинам, хану, которому верой и правдой служат сорок джигитов. Эту цепь разорвать невозможно. Джигиты обещают барымту. В “Алпамысе” сквозной лейтмотив — угон скота. Отец (Байбори) говорит Алпамысу, пока последний был у Сарыбая, отвоёвывал свою невесту у Карамана, джунгары угнали скот. Хан Тайшик “угнал почти весь скот” Байбори. Так уж издревле повелось в степи. Жизнь здесь держится на скотоводстве, и каждый, кто волею судеб утратит свои табуны и отары, воспринимает это не меньше, чем конец света. Вот уж воистину: “Потеря скота — боль души”. Это комментарий сказителя. Байбори сказал: “Лучше бы ты не родился на свет”. Использование священного числа “сорок”. “В сорока шагах от родной юрты уже начинается чужбина”, “сорок красавиц опавили Алпамыса зельем колдуньи, которую послал хан Тайшик, узнав о чудо-богатыре Алпамысе”. Не раз число “сорок” упоминается у Мусрепова: “овладела сорока джигитами”, “губы растрескались в сорока местах”. Также в “Алпамысе”: мудрая женщина Аналык — жена Байбори. Несмотря на свой почтенный возраст 80 лет, эта женщина решается идти босиком по пустыне, идёт через горы в страну холодных ветров Изгар. Это мужество. Она сносит все испытания, нестигаемая, она отправляется к святому Азрету. Все свои драгоценности Аналык отдаёт, чтобы отправиться в паломничество. В рассказах ощущается связь времён, веет древностью.

Писатель создал идеал женщины-матери — человека сильных страстей, героических чувств, знающей, как надо бороться за своё право быть счастливой. Её философское кредо — быть матерью мира. Погиб сын — она готова стать родной матерью чужому калеке. Характер женщины-матери в историческом разрезе не меняется. Обладая нестигаемой волей, она способна пожертвовать всем. Она всегда в конфликте с обществом, потому что живёт чувствами. От них она никогда не откажется. Пусть эта женщина не читала декретов о власти, но, увидев впервые красноармейца, почувствовала в нём человека и поэтому спасает. Обострённое чувство справедливости, священное чувство материнства несут философскую нагрузку, имеющую символическое значение-динамику: она становится матерью всему человечеству.

г. Петропавловск.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Уроки Чести и Ума

Человеку нужен Свет.
Андрей Тарковский

Мерные звуки негромкого голоса ровно падают в тесном пространстве, словно капли клепсидры... Юноши и девушки, заворожённо внимая речи, обратились в тех детей природы, что столетия спустя властвуют умами и сердцами почитаемой высокой культуры Эллады. Волшебство творит высокий художавый человек с тонким нервным лицом, изредка взмахом узкой кисти внося гармонию и равновесие в вот-вот готовый вырваться поток эмоций, волнующий юную аудиторию. Так происходило зрелище и действо приобщения к азам Искусства под гипнотическим воздействием нашего Мэтра, художника и теоретика искусства **Павла Яковлевича Зальцмана** (1912—1985). Место — сценарная мастерская киностудии “Казахфильм”, Алма-Ата. Время — начало 70-х годов 20-го века. В том самом здании, что звалось старым “Казахфильмом”, а ныне здесь Центральный концертный зал филармонии.

Начало начал

Занятия проходили в крошечном кабинете с двумя письменными сдвинутыми столами, старым кожаным продавленным диваном, рядом стульев и табуретов. Кто-то устраивался прямо на полу. И нередко вместо двухчасовой лекции мы, счастливые, и 3, и 4 часа слушали, совершенно забыв о времени. И расходились неохотно, в невероятном возбуждении, мечтая продлить это чудо общения, когда старший Друг и Наставник, но не Цензор и Диктатор, несёт нам чудо познания мира и себя в нём, и учит — что есть Красота, Бытие, Дух, Мироздание, Мысль... Кто-то, успевая лихорадочно набросать обрывки фраз в свои блокноты, фиксируя имена, даты, афоризмы, выводы, а большинство внимало, распахнув глаза и силясь запомнить... Трудно? Немыслимо! Зато мозг, напрягаясь, захватывал осколки бушующего вала информации, дабы ринуться затем самостоятельно в захватывающий поиск. Благо, даты, эпохи, авторы книг и теорий звучали в спонтанном темпе при всякой встрече. В полной темноте высыпая на улицу, мы несли в разных векторах горячее дыхание познания, не замечая ночной мглы, пустых улиц, отсутствия транспорта. И город обнимал нас, детей своих, отеческим вниманием, позволяя без приключений и дурных происшествий добраться до дома.

Как же мы не боялись тогда, 16-17-летние слушатели? Забавно, эта тема никогда даже не всплывала. Просто нам, как воздух, необходима

стала эта школа обучения. Официально, после года занятий, где читалось, кроме истории искусств, множество других дисциплин (теория режиссуры, история кино, операторское искусство и пр.) выпускники проходили собеседование с ведущими педагогами ВГИКа в Алма-Ате и по итогам были рекомендованы на поступление в лучший киновуз страны.

Мне всё это было интересно, однако с руководителем сценарной мастерской Виталием Васильевичем Старковым решила говорить откровенно в первую же встречу. Узнав о намерении моём учиться в другом вузе на историка искусств и — соответственно — посещать лишь лекции П. Я. Зальцмана, он, к великому моему восторгу, дал согласие. Но предложил всё же посетить несколько других занятий. И не стал возражать, когда через месяц я повторила свою просьбу.

Имя Павла Яковлевича мы произносили как некое заклинание. Бесшумный и гибкий, он возникал в дверном проёме, коротко кивал и, касаясь рассеянно своей серебряной шевелюры, как-то невесомо переносился на своё место за столом. Взгляд из-под ресниц, подъём головы и ...мгновенная тишина.

Фрагменты

Как если бы мы не прерывались на дни и часы, он продолжает предстоящую тему или следующую, без пауз и вопросов, быстрым взглядом собрав нас в едином сжатом пространстве-времени. И мы внимаем... Вот некоторые фрагменты.

“Вы, конечно, слышали о теории луча и солнца? Это — принцип философии, вообще говоря, больше присущий мужскому мышлению. Берётся основная тема и от неё лучами идут ответвления других тем, образуя некий спектр. И всякий раз, после оптимального развития, эта мысль возвращается к исходной, к центру. Это непросто, зато даёт наибольший эффект в достижении истины, хотя бы в первом приближении, и оттачивает способность логически мыслить. Что касается “мужского” аспекта, я в этом не вполне убеждён, скорее, это — “ходячая истина”. Полагаю, речь идёт об индивидуальности личности, когда вопрос пола уже не стоит...”

“... В истории культуры так называемая живая история отнюдь не всегда имеет самодовлеющее и уж тем более ведущее значение. Хотя бы потому, что искусство “строится” по другим законам, нежели быт. И здесь зачастую роль личности определяет не хронологию событий, а их фактическую значимость. То бишь, духовный потенциал индивидуальности — будь то художник, музыкант, поэт — способен выйти за рамки временного среза эпохи, когда он жил, определив иной отсчёт времени как духовное пространство культурной эпохи. Примеров предостаточно.

Обратимся к итальянскому Ренессансу. Можно предположить изобилие всяческих условий для столь мощного подъёма культуры и искусства в столь маленькой стране. Великолепный климат, уникальная природа, выгодное географическое положение... Что дало импульс к столь грандиозному взлёту, оставившему в мировой истории столь заметный след? Весь мир ныне, как заклинание, произносит имена Рафаэля, Леонардо, Микеланджело и пр... Так вот, реальные события жизни Италии и прото-, и треченто, и кваттроченто были исполнены ужасающих кровопролитий, розни и междоусобиц, как никогда ни до, ни после. И в этом ужасе, разрывающем

страну на части, возникли и расцвели титаны Возрождения. И не 13-й, 14-й, 15-й и 16-й века деспотий могущественных политиков и законодателей стали вехами истории, а то духовное могущество, что несли в себе и в своём искусстве дети этой воистину великой страны. Их величием и определяются на долгие века культуры и Италии, и Европы, и общемировой, расширяясь от рамок 16-го века до вечности”.

Азы архитектуры

“... Кстати, об Италии. Как вам известно, архитектура изначально зависит от географии, то есть, природные условия диктуют закономерности в построении жилища и любого другого сооружения человеком. Теперь вообразите себе Колизей, а затем убранство современного ему индивидуального дома. В плане это — круг. Верхнее пространство перекрыто куполом. Вверху — отверстие, через которое солнце попадает в центр. Там устроен фонтан, дабы сохранить прохладу в знойный полдень. Да ещё благотворное воздействие журчащей воды. Солнце, “стекая” по купольным стенам, не перегревает сооружение из камня, обычно белого. Теперь представьте себе степь или горы здесь, в Казахстане. Наш климат, как никакой другой, сходен с итальянским. А теперь вообразите жильё здешнего жителя в ту же эпоху. Это — круглое в плане, с купольным перекрытием и отверстием в центре сооружение. Для удобства передвижения и скорости сборки сделано из деревянных жердей — каркаса и кошмы. Летом зачастую — тоже белой. Солнце через отверстие шанырака попадает в центр, фокусируясь на очаге (в зимнее время). А передвигаясь по 12-ти внутренним делениям каркаса — кереге, даёт точную картину времени. Ночью через него хозяин наблюдает движение Луны и светил. Да, кочевники-казахи всегда селились близ источников воды — рек, озёр, моря.

Что здесь закономерность, что случайность? И случайно ли это столь явное сходство? Факт взаимовлияния на уровне внешних контактов не имеет места быть. По хронологическим и прочим изысканиям науки. Зато есть другая интереснейшая закономерность, пока недостаточно известная, но внушающая доверие. Обратимся к опыту учёного, засвидетельствовавшего такой факт. На одном из островов Полинезии он наблюдал, как обезьяна, подняв с земли грязный плод банана, помедлив, стала его мыть в морской воде. А через короткий промежуток времени тем же учёным подобное действие стада обезьян было зафиксировано за тысячи миль от первого. Прежде ничего подобного обезьяны никогда не делали. Естественно, что и непосредственного контакта между ними не было. Так был открыт феномен создания идентичных вещей и открытий в разных ареалах земного шара — почти единовременно. И, как следствие, возникает вопрос о некоем информационном пространстве биосферы вокруг нашей Земли. Вернадский определил его термином НООСФЕРА. И это — величайшее открытие науки с громадной перспективой развития в различных сферах жизни. Как всегда случается в нашем мире, данное открытие отнюдь не всеми признаётся и понимается ныне. Конечно, есть и противники. Но науку не запретить. Сенека сказал: “Всякая истина рождается как ересь, а уходит как предрассудок”. Вот и вам предстоит осваивать эту заповедь. А Вернадский, Циолковский, Чижевский, Фёдоров и Соловьёв — столпы будущего, будьте уверены. Я вам это обещаю!”.

Редко одаривая нас даже короткой улыбкой, внезапно Павел Яковлевич стал юным школяром, открыто и лукаво улыбнувшись, оглядывая нас. Чудо! Не забудьте, беседа велась в 1971-м году!

Урок этики

Предложив устроить паузу, он откинулся на спинку стула, нащупал что-то в кармане, перекинул ногу на ногу и... закурил. Щурясь, он ушёл в себя, ничего не замечая вокруг. Даже самые раскованные из ребят в его присутствии “столбенели”. Но вот он потрянул шевелюрой, повернулся к нам и тихо бросил: “Ну что ж вы смотрите? Курите, можно!”. И, потянувшись, распахнул створку окна. Надо было знать то время, когда курение не только у подростков, но и в среде взрослых не поощрялось. А уж курить в присутствии старших, да в одной аудитории, это было неслыханно! Но наш элегантно-важнично восседающий шеф столь небрежно-царственно и приятельски просто протянул открытую пачку сигарет, что самые искушённые дрогнули. И потянули. И затаились. Я, присутствуя рядом и, естественно, сопереживая, конечно, не видела своего лица. Внезапно поняла, что смотрю прямо в глаза Зальцману. А он, медленно выдыхая дым в сторону окна и прищуриваясь, стал подниматься. Вдруг, тремя шагами переступив узкое пространство, распахнул дверь и тотчас негромко изрёк: “Так, господа! Сигареты за окно! Виноват, у нас — дамы!”. С разинутыми ртами юноши воззрились на него, тотчас выкинули угощение и попадали на диван и стулья. Сизые струи моментально вытянул сильный сквозняк. А Зальцман, ещё раз остро взглянув, жестом предложил мне переместиться за стол напротив и продолжил лекцию. Я почти автоматически исполнила его волю и продолжила конспектировать его чудозложение уже за столом. Прежде я делала это, укрепив конспект на коленях, ничуть не замечая неудобств.

Можно вообразить моё изумление в финале занятия, когда все уже поднимались, одеваясь и переговариваясь, услышала приглушённое: “Виноват, уж очень люблю курить, это мне помогает”. Оторопев, подняла глаза и встретила взглядом с нашим божеством. Он вдруг мягко добавил: “Не пропускайте занятий. Вам это пригодится. Ну, мы ещё поговорим, всего доброго!” — и стремительно покинул комнату. Кто-то из ребят предложил мне проводить — темно, поздно, опасно. Через силу что-то ответила, а уже на улице поняла: моими провожатыми двигало не столько чувство симпатии и ответственности, сколько изумление, пережитое вместе со мной только что. Это выразилось так: “Он с тобой заговорил?”. Больше вопросов не было.

Благословение

И где мне было догадаться в тот день и час, что наш обожаемый Мастер одарил меня своей дружбой. Потом были лекции и просмотры уникальных фильмов, обсуждения и письменные работы, споры и первые сценарные опусы. И, наконец, беседы в его доме-мастерской, его картины, эскизы, зарисовки, чёрный кофе и принципиальный разговор. Видя “зелёную неуверенность”, он спокойно и твёрдо заявил: “Сауле, как можно? С вашей эрудицией... Вы обязательно поступите”.

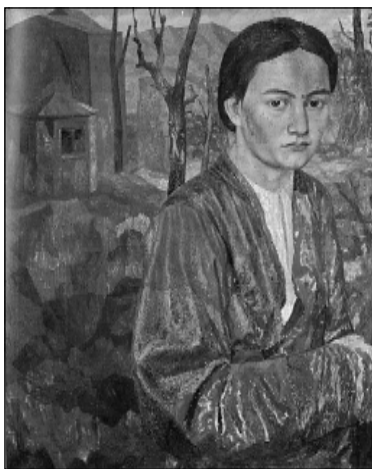
И обеспокоенно стал обсуждать варианты — где лучше, в Москве — там исторический факультет и отделение теории искусств, и неплохой преподавательский состав. Или всё-таки в Ленинграде — там Академия художеств, он там назубок всё знает. Там питаться можно будет в “Пирожковой” на Невском — близко и быстро, самообслуживание. “Мы с Лотой там каждый раз сами с подносами стоим. И кофе там отличный”. Я во все глаза смотрела на Павла Яковлевича, теряя напрочь дар речи, а он, словно не замечая, продолжал свои рассуждения. Более того, он настоял на знакомстве с Лотой — как он звал любимую дочь Елену, прислал её к нам домой — для консультаций (она к тому времени преподавала историю искусств в вузе). После серии вопросов-ответов вдруг вскинула свои яркие голубые глаза: “Сауле, да зачем вам это всё? Какие консультации, какие занятия? Вы и так всё знаете, молодец!”. Изумлённо провожая её, я не решалась спросить — и что теперь делать? А она на прощанье велела непременно звонить ей и папе, он ждёт. Затем — знакомство с её мамой и семьёй, встречи в кругу друзей — художников и архитекторов. Павел Яковлевич всё продолжал дарить меня своим доверием, временем, теплом, потрясающим умом.

В тот год я поехала в Москву, и увы, не дождалась экзаменов — их перенесли на месяц позже, а я оказалась без денег. Вернулась домой. И на следующий год — уже в Питере — пережила чувство победы, став студенткой Академии художеств. Сообщив об этом Павлу Яковлевичу, услышала обрадованное: “Правда? Очень хорошо! Я так и хотел! Так лучше. Всё-таки Москва — не Питер! Молодец!”.

Годы студенчества пролетели как стая облаков — ослепительно быстро, оставив на губах и в сердце вкус счастья и признательности. Удаляясь во времени, они приближают острое чувство неповторимости каждого мига бытия. Павел Яковлевич, занятый работой главного художника “Казахфильма”, изредка выполняя монументальные заказы, не оставлял своих творческих — ослепительно-нежных акварелей в технике “пуантилизма” с их пронзительной, проникновенной поэзией людских судеб — чаще печальных и строгих. В этом мерцающем потоке лиц — остановленных, “постановочных” — вся беспощадная правда жизни, не названная в слове, но кричащая в позах, жестах, замедленном, “рапидном” предстоянии пред ликом Времени и Судьбы.

П. Я. Зальцман. Девушка. 1939-40. Б., тушь, перо.

П. Я. Зальцман. Портрет Людмилы Глебовой. 1939. Х., м.

Мастер Грёз и Ума

Ни единожды не позволив себе простой человеческой слабости — пожаловаться хоть на что-то в жизни, Павел Яковлевич никогда не дал мне повода усомниться в своей избранности. Всё — настоящее. Человечность, ум, доброта, пронизательность, порода. Не гордыня, но достоинство и гордость — во всём. И счастливый дар простоты. Наверное, поэтому не чаял души в нём Шакен Айманов. И “выбил” для него квартиру в центре города. (Именно там я открывала для себя его творчество). Наверное, поэтому его картины и книги обретают широкую аудиторию — в масштабах мировых — и сегодня, в эпоху перемен. Сегодня имя Павла Яковлевича Зальцмана общеизвестно. Но тогда... Мне было 17 лет. Мир рушился и вновь, сверкая, поднимался из руин (счастливый, как мне казалось в детстве, брак родителей распался), обретая очертания стройного и бесконечно прекрасного мира Искусства. В него легко и непринуждённо входила я, ведомая надёжной рукой Мастера Грёз и Ума, Мастера, верящего в совершенство и высокое предназначение человека. Без пафоса громких обещаний и ложных примеров, он открывал картину мира через пласты истории с древнейших времён. И — через палеолит и все последующие эпохи, оперируя свободно и виртуозно пространством слова, земного и божественного, упоминая и анализируя труды величайших умов, философов и схоластов, творения поэтов и музыкантов, математиков и физиков, писателей и историков — он вёл юные умы к блистательным вершинам духа — вечным и непостижимым, как горы, скрытые облаками. Это не была лишь летопись событий, фактов, теорий, поисков и находок. В живом потоке мысли рождались открытия, зовущие нас идти и идти в поисках своего “я”, в поисках завтрашнего лучшего дня, в уверенности и убеждённости, что этот день близок. Не упоминая имя Бога, наш Мастер поднимал нас на высоту неземную, и сила духа его была столь высока, что слов не требовалось, нас вела его вера, обращая, укрощая и поднимая над обыденностью, рутиной и над собой. Тем, кому привелось хоть единожды побывать в чудесном плену его Слова, уже никогда невозможно было его забыть. Воистину “Бессмертно царственное слово”!

Удивительно, что в те годы конец (1960-х — начало 1970-х) много и громогласно провозглашалось прописных истин, которые никоим образом не влияли на умы юных слушателей. Фальшь всегда громогласна.

Чудовищная сила несправедливостей, боли и обид способна формировать в человеке мощную “стену обороны”, выводя его на другой уровень, делая устойчивее в своих убеждениях и вере. Выбирая правду, он непримиримо далёк от ханжеских попыток “приобщить” его к “золотой кормушке”, приручить, сделав послушным и смиренным. Это знает вся земная история человечества. И — каждый думающий человек. Планка духовности и чести — удел немногих. Высока и терниста? Что за беда, выбор за вами. Только бессребреники, так повелось, вправе вести за собой. Небо тому порукой. Павел Яковлевич Зальцман, подаривший нам бесценное сокровище знания своего и Веры, остаётся с нами навечно. Благоговея и радуясь встрече, помня и любя, благодарим Бога за этот дар. И следом за Андреем Тарковским повторяем: “Цель искусства всегда — правда, истина... Искусство даёт нам веру и наполняет чувством собственного достоинства. ... **Человеку нужен Свет!** Искусство даёт ему свет, веру в будущее, перспективу”.

г. Алматы.

Николай ШМИГАЛЁВ

Не от мира сего

Повесть-пародия

Часть вторая С того света

Предупреждение

Как и следовало ожидать, цепь трагических совпадений и героических походов, а кое-где и романтических приключений, привела к тому, что история группы специального назначения с тяжёлой руки прапорщика, а может и с лёгкой кошачьей лапки, зачавшаяся в далёком параллельном прошлом, или, чем чёрт не шутит, в перпендикулярном будущем (кто же оное с нашей-то колокольни разберёт), нашла-таки своё продолжение в этой повести. И каким бы ни было длинным предыдущее предложение, весь его смысл кроется в словах, правильно — “чем чёрт не шутит”, причём здесь имеется в виду не просто чёрт, из тех, что “парятся”, бедолаги, в исправительно-трудовых колониях или дурачатся в тихих омутах под корягою, а чёрт, нет, даже мистер Чёрт в самом скверном понятии этого слова. Так вот, при чём тут Чёрт и отряд Круглова, уже самовольно, без вмешательства автора этих строк, в целях безопасности поголовно поменявший имена на псевдонимы и даже анонимы и инкогнито, обо всём этом безобразии и говорится в этой части. Да что говорить про наших героев, если у Чёрта, у самого, с именами да прозвищами, чёрт-те что творится. Он и Дьябло, и Шайтан, и Вельзевул, он же Мефистофель, а ещё Змий, Лукавый, Копчёный, Адольф, Михал Сергеич, наконец... Короче, список здесь на несколько страниц (всё из тех же архивов на Лубянке), и это только те прозвища, под которыми он покуролесил и в нашем мире (другие миры пока трогать не будем). Но всё это одно лицо и имя ему Чёрт, Джеймс Чёрт. Почему именно Джеймс? А чёрт его знает! Читать надо, однако.

Русалки в... бикини!

Прапорщик Круглов, свернув с проторённой тропинки, мчался к озеру напрямик через лес. Ему было наплевать на любые гиблые места, которые могли попасться на пути. Главное добраться до места первым, пока дикие отшельники не спугнули озёрных кудесниц. Прошла информация, что на озере объявилось несколько русалок, и все монахи помчались взглянуть на это чудо, поэтому он спешил опередить остальных. Алексей спешил не ради забавы, он хотел узнать у русалок тайну — тайну Возвращения.

Прошло уже больше полгода с того момента как он вернулся в свой мир, а затем на базу. И никто его там не... узнал. Оказалось, что за время его отсутствия прошло ни много ни мало — десять лет. Их отряд был давно расформирован, а секретная база передана на баланс другого ведомства. Правда, и неузнанный он наделал немало шума, незаметно проникнув на территорию спецкомплекса, пройдя несколько уровней охранной системы и

добравшись до штабного бункера, где его всё-таки повязали. Ну как повязали? Он сам подошёл к дежурке и, доложившись, что прапорщик Круглов задание выполнил, сначала ввёл в ступор весь состав дежурной смены, сидевший в дежурке, обвешанной мониторами наблюдения и датчиками движения, а затем вывел из себя весь командный состав базы, допрашивавший его несколько суток подряд. ЧП такого масштаба не осталось незамеченным и в верхних эшелонах силового ведомства, и по приказу руководства данного ведомства Алексея под усиленной охраной отправили в Центр. Уже разобравшись что к чему, Круглов, верный своим принципам, покинул провожатых без их согласия и ударился в бег, оставив на долгую память о себе группе быстрого реагирования, прибывшей на место потери связи с конвоем, этот самый конвой, “хороводивший” вокруг придорожного дуба, закованный вокруг дерева живой цепью в своих же наручниках.

Не зная куда податься, Алексей решил на время “лечь на дно” вдали от цивилизации, до конца разобраться, в каком же времени он находится сейчас, и махнул в лесничество к своему дядьке. Добравшись на перекладных до Северо-Пишорского лесного хозяйства, он без труда узнал, где находится участок его родственника.

Иван Евпатьевич, по прозвищу “Леший”, старший брат его матери, егерь с пожизненным стажем, не сразу признал племянника, полчаса продержав Алексея на мушке перед воротами своей заимки. Лишь проведя допрос и удостоверившись, что по всем пунктам “экспресс-анкеты” кандидат в его племянники ответил со скрупулёзной точностью, принял в свои объятия “Лёшку, племяша родимого”, расцеловал по старому обычаю в обе щёки “пропащего сукина сына” и разрешил пожить у себя “бестолковому шалопаю”, “да сколько влезет, заодно и по хозяйству подсобишь”.

Леший жил бобылём на самом дальнем участке лесничества, поэтому был искренне рад прибытию, пусть и непутёвого, по его мнению, но горячо любимого племянника. Он стал таскать Алексея везде за собой, показывая свои владения, разрешая участвовать в спецоперациях по пресечению незаконного промысла браконьеров как в лесу, так и на многочисленных озёрах его участка. А ещё он познакомил Круглова с единственными официально живущими на его заимке соседями — монахами Старо-Пишорского монастыря, основанного ещё во времена небезызвестного царя Гроха и расположенного вблизи Русалочьего озера, про которое в их среде ходило множество легенд.

За время жизни у Лешего Алексей успел обзавестись вместо старого ободранного “комка” новым камуфлированным костюмом расцветки типа “бамбук”, экспропрированным им у, естественно, нарушителей, а также отобранными у них же иностранными, с “дышащими” стельками, подошвами и шнурками — одним словом, круто-навороченными “берцами” и вдобавок, вместо безвозвратно утерянной на допросах банданы, приобрёл себе противомоскитное “сомбреро”. Образно говоря, да и буквально тоже, Круглов вновь вошёл в форму, и если бы не отпущенная им борода, его бы никто из знакомых и не узнал бы в таком прикиде, а с бородой теперича наверняка и родня не признала бы. Жаль вот только из родни один Леший и остался. Ну да ладно, не об этом речь.

Короче говоря, Алексей всё это время помогал дядьке по хозяйству: рвал сети на озёрах, собирал в лесу капканы, выпускал из браконьерских силков живность, ловил в свои браконьеров, заготавливал впрок отобранные

у нарушителей ружья, порох и патроны. Работы было по горло, но он всегда находил время посетить монастырь, пообщаться с монахами и передать им гостинцы от дядьки. Он сам не понимал, что его тянуло сюда, но все разговоры с отшельниками у него как-то незаметно переходили на тему подземных ходов. Правда, как только он спрашивал о том, есть ли такой переход здесь, его собеседники испуганно замолкали и, сославшись на занятость, уходили по своим делам. Только игумен, отец Арсений, хитро улыбнувшись Алексею, в ответ на заданный вопрос произнёс: “а леший его знает, есть переход али нет”, и попросил больше не донимать подобными вопросами, из чего Круглов сделал вывод, что некая тайна у монастырского ордена всё-таки имеется.

Честно сказать, Алексей просто боялся признаться сам себе в том, что немного — самую малость, скучал по своей последней операции. Он верил, что всё происшедшее с ним было на самом деле, и хотел вновь увидеть братьев Лычко, этого нелепого Фавнуса, да и, чего греха таить, и спящую принцессу тоже.

Ему просто было интересно: ожила она, ну, в смысле проснулась, или нет. Ну и ещё что она думает о поцеловавшем её “прынце”, да и вообще как она относится к таким вот “принцам” и к поцелуям в частности. Ну, в общем, ничего такого, просто узнать, как у них там дела, а так ему и неинтересно даже. И не надо даже и думать, будто он там втюрился в кого-то по уши, тоскует неимоверно. Нет! Чисто спортивный интерес к результатам проделанной работы.

Так мысленно лгал себе, да и нам с вами, Алексей, мчась к Русалочьему озеру.

Он как раз гостил у монахов, когда кто-то крикнул: “Братья, атас, русалки на озере!!!” — и все монахи, работавшие на огородах у опушки леса, метнулись к озеру. Мгновенно оценив быстроменяющуюся обстановку, Алексей решил изловить хотя бы одну из ихтиандрынь и выпытать у неё пути перехода между их мирами, и если ему пришлось бы утонуть для этого, то он бы, наверное, не задумываясь пошёл бы и на такой шаг.

Итак, мы вернулись к началу главы.

Преодолев все овраги и завалы, Алексей выскочил к озеру.

В кустах, обрамлявших небольшой песчаный пляжик, уже торчало несколько задниц в чёрном — грузные и неповоротливые с виду монахи примчались быстрее. Правда, что отрадно, звонкий девичий смех и шум брызг говорили о том, что спугнуть русалок ещё не успели. Это Круглова обнадежило. Бесшумно двигаясь, он подобрался к кустам и, растолкав подглядывавших за русалками монахов, аккуратно раздвинул кусты.

От увиденного Алексея передёрнуло.

Нет, он увидел не старых русалок-домохозяек с отвисшими до плавников прелестями. Хохотавшие русалки были довольно молоды, симпатичны и сочны как филе минтая, загорали топлесс, прямо скажем, есть на что посмотреть, но обе передвигались как по воде, так и по суше на нормальных, кстати, довольно длинных и стройных, ножках, а непосредственно возле берега стоял белый внедорожник “Лексус”, на котором, по всей видимости, они сюда и “приплыли”.

— Тыфу ты чёрт! — чертыхнулся шёпотом Алексей, сплюнув на землю. — Тоже мне “русалки”.

— Не упоминай чёрта почём зря! — прошептал подглядывавший слева от Круглова монах. — Накличешь!

— Они каждый год сюда приезжают, — также шёпотом проинформировал Алексея монах справа, кажись тот, который их первым обнаружил и сигнал подал. — Русалочки-то наши, — благоговейно прошептал инок, переведя лихорадочно блестящие глаза вновь на девиц, — наши старцы и озерко так из-за них нарекли.

— Фу ты, господи, боже мой! — огорчённо произнёс Круглов, не в силах оторваться от живописного вида на озеро. — Ещё я за бабами не подглядывал.

— Не упоминай Господа всуе! — вновь нравоучительно прошептали слева.

— Да заткнись уже, святоша! — в сердцах бросил Алексей, собираясь от греха подальше поскорее покинуть этот эротический видеосалон.

— Атас, братья! — крикнул монах справа.

По его сигналу монахи довольно бодро кинулись врассыпную и попрятались за деревьями и кустами. Алексей ничего не успел сообразить и предпринять, как зашуршали кусты, и к нему навстречу вышла одна из “русалок”.

— Здравсте! — вот и всё что смог сказать опытный, с большим стажем, разведчик-диверсант, застуканный на месте “преступления” ничего не подозревающей “русалочкой”. — Я тут э-э... — как настоящий джентльмен Алексей впился красноречивым взглядом в колыхавшуюся грудь красавицы. — Вот, значит, вроде, э-э, как бы тут, — нахально вздёрнутые соски никак не давали ему сосредоточиться, — м-да, вот так.

“Русалка”, без тени смущения на лице, с интересом оглядела бравого солдата Лёху.

— Понятно, — устало протянула девушка, словно Круглов за сегодняшний день был её четырёхсотым “застуканчиком”. — Ты кто такой, охотник-вуайерист?

Круглов, не отрываясь, следил за покачивающейся верхней частью торса собеседницы. “Интересно, у неё четвёртый или пятый”, — думал он, категорически не расслышав первого вопроса.

— Или турист-фетишист? — иронично улыбалась “русалка”, следя за глазами-“маятниками” молчавшего собеседника.

“Наверное, пятый”, — подумал Алексей, пропустив мимо ушей второй вопрос.

— Эй, браконьер-развратник, ты меня вообще слышишь? — попыталась бесстыдница, помахав ручонкой перед глазами Круглова.

— А-а, что? — немного вышел из ступора тот и, дабы окончательно снять наваждение, с размаху влепил пощёчину... себе, чем немало озадачил собеседницу.

“Да, вот что значит полгода без женщин. Врагу такого не пожелаю, — в сердцах подумал Круглов, приходя в себя. — А всё-таки интересно, какой у неё размер?”.

— Да пятый-пятый, — вдруг произнесла “русалка”.

У Круглова глаза на лоб полезли.

— Ты читаешь мысли?! — сболтнул он и покраснел пуще прежнего.

— Ага, а ещё предсказываю! — звонко захохотала девушка, напомнив Алексею Аглаю в её лучшей ипостаси. — Да расслабься, — сказала она, переводя дух. — У вас, мужланов, одно на уме.

Увидев, наконец, что Алексей стыдливо отводит глаза, “русалка” сжалась над “шкодником”:

— Так кто ты и зачем за нами подглядываешь, грибник-охальник? — девушка прикрыла груди длинными роскошными волосами, отчего стала ещё сексуальней, но Круглов уже полностью взял себя в руки и попытался перехватить инициативу.

— Разрешите представиться! — одёрнул Лёха камуфлированную куртку. — Егерь его Величества, полный кавалер орденов и медалей, с лентами, дубовыми венками и еловыми мётлами, лесник Круглов, Алексей Круглов.

Сказал и подумал, а не ляпнул ли он чего лишнего.

— Хм, — хмыкнула “русалка”. — А где Леший?

— Леший? Какой леший? — не уразумел Лёха, куда она клонит. — Леших, красавица, как и русалок, в нашем мире не существует, — вздохнул он с сожалением, — да чего уж там... ты ещё слишком молода... — махнул рукой.

— Спасибо! — ни с того ни с сего зарделась девушка. — Но я знаю одного Лешего, его Иван Евпатьевич зовут, он местный автори... — попыталась она объяснить, кого имеет в виду, но была перебита радостным возгласом “егерь его Величества”.

— А-а, этот Леший?! Так то ж мой дядька, я у него вроде как в помощниках тут, — обрадованно воскликнул Круглов. — От оно как!

— Так ты племянник Лешего? Здорово! — захлопала в ладоши девушка. — Меня Виолетта зовут!

— Приятно познакомиться! — галантно кивнул Алексей.

— А мы с сестрой сюда каждый год приезжаем и у Лешего на пару ночей останавливаемся. Пойдём, я тебя с сестрой познакомлю.

Взяв Алексея за руку, Виолетта, раздвинув упругой грудью кусты, вывела его на пляж, где, развалившись на песке, лежала её сестра.

— Снежана, смотри, кого я в лесу поймала! — крикнула девушка, ведя за собой Круглова.

— Опять монахи? — не поднимая головы, спросила “утомлённая солнцем”.

— Лучше! Племянник Лешего! Смотри, какой красавчик! — похвасталась “трофеем” Виолетта.

Снежана, приподнявшись, опёрлась на локоть и, подняв на лоб солнцезащитные очки, с неподдельным интересом оглядела гостя:

— Снежана! — представилась она и сдунула с плеча несколько песчинок.

— Лёха! — представился Лёха и добавил, оправдываясь, — девчонки, тут недоразумение вышло, так сказать, дезинформация просочилась. Честное пионерское — так дилетантски я не подглядываю.

— Да ладно, мы привыкли, — успокоила его Виолетта.

— Обычно нас монахи донимают, — Снежана перевернулась на живот, — хотя нам не жалко, пусть смотрят, они и так, бедненькие, многое теряют в этой жизни.

— Будем надеяться, что в следующей им подфартит, — улыбнулась Виолетта. — Хочешь прикол?

Она достала из машины 12-кратный бинокль и протянула Круглову.

— Смотри вон туда! — указала она длинным тёмно-красным ноготком на возвышающуюся над кронами колокольню монастыря.

Алексей увидел в бинокль сильно приближённую маковку колокольни, на верхней террасе которой, уподобившись капитану пиратского

фрегата, с подозрной трубой, направленной в их сторону, стоял игумен — отец Арсений.

Осознав, что его наблюдательный пункт рассекречен, игумен, как ни в чём не бывало, перевёл всевидящее око подозрной трубы вверх, якобы в надежде рассмотреть тайные знаки или указания с небес. Затем, якобы уже получив нужные указания сверху, сложил трубу и с чувством выполненного долга покинул “капитанский мостик”.

— М-да, — произнёс Круглов, возвращая бинокль. — Тяжковато им здесь.

На минуту повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь шумом волн и шорохом в кустах: монахи вновь занимали исходные рубежи.

— А как вы вообще с моим дядькой познакомились? — нарушил, наконец, неловкое молчание Алексей.

— Пару лет назад он спас нас, — ответила Виолетта, многозначительно переглянувшись с сестрой. — Мы под ужасный ливень попали, будто в шторме оказались. Застряли на машине, пока сами пытались вытолкать её, промокли до нитки. Тут ещё молнии, гром, мы перетрухали до смерти...

— А Леший нашёл нас и к себе забрал, — продолжила рассказ Снежана, — у меня жар начался, Летка вообще чуть ли не в кому впала. Он нас выходил своими зельями волшебными, эх, если бы не его зельевар, не знаю, как бы всё получилось.

— Да, Леший отменный знахарь, настоящий лесной колдун! — подытожила рассказ Виолетта. — Леший всё знает!

От рассказа девушек у Круглова мурашки по спине побежали, и не из-за страхов тут рассказанных. Одно слово, точнее два, его смутили.

— Так, говорите, у этого “знахаря” есть “зельевар”?! — покусывая губу, переспросил Алексей. — Не показывал он мне его. Что же, посмотрим, какой он колдун. Ладно, девчонки, мне пора, — он развернулся в сторону кустов. — Рад был познакомиться!

Так вот что подразумевал отец Арсений, хитро приговаривая “а леший его знает, есть этот переход или нет”!

Круглов, продравшись сквозь кусты, растолкал беспардонных монахов и форсированным маршем направился в сторону лесничьей избушки.

Опережая его, монахи вновь кинулись врассыпную.

— Передавай ему привет! — крикнула, пробравшаяся следом за ним сквозь кусты Виолетта. — И скажи, что на днях будем у вас, ждите!

— Обязательно! — развернувшись, помахал рукой на прощанье Алексей. Пусть эти “русалки” и не знали “тайны Возвращения”, но кое-какую гипотезу ему всё-таки подкинули. — Я ему всё передам! Всё!

Алексей скрылся в лесу.

Виолетта постояла ещё немного, глядя в сторону леса, и вернулась к сестре.

Выждав пару минут, монахи вновь потянулись к пляжу.

Скажи-ка, дядя...

День у Ивана Евпатыевича выдался хлопотный. Пока Круглов ходил к монахам в гости, он собрал очередной “урожай”: несколько капканов, поставленных браконьерами на звериных тропках, и одного нарушителя, болтавшегося прихваченным за ногу в Лёхином силке.

Утопив капканы в болоте, Леший привёл “добычу” в пункт постоянной дислокации. Там он сфотографировал его, заполнил анкету и, “сняв

пальчики”, закрыл в самодельном “обезьяннике” до “принятия процессуального решения”.

Он как раз закончил управляться по хозяйству и присел на завалинке перекурить, когда к избушке подошёл Алексей.

— Вечер добрый! — поприветствовал Круглов Лешего.

— Тебе того же, по тому же месту, — ответил Леший, задумчиво глядя на закатывающуюся за деревья кромку светила. — Интересно, вот почему солнце садится на западе, а встаёт на востоке, а не наоборот? — озвучил он свои мысли.

Вопрос был из ряда филисофско-риторических, но Алексей, привыкший отвечать за всё и вся, пояснил:

— Это иллюзия, я бы даже сказал иллюзионная аллегория, — произнёс он, приложив руку ко лбу и, посмотрев на бросавшее последние блики солнце, продолжил. — Солнце — звезда, шар раскалённого газа, вокруг которого вращается наша мизерная планетка, в свою очередь, вращающаяся вокруг своей оси, от чего нам и кажется, будто солнце всходит и заходит, а восход и заход банально зависят от направления вращения Земли, вот и всё.

Иван Евпатьевич посмотрел на племянника взглядом уставшего психиатра, поднялся и, раздавив окурки, направился к избушке. Поняв, что своей лекцией он рассердил дядьку, Алексей решил “ковать железо” здесь и сейчас:

— Что, без “пол-литра” не понять? — кинул он в спину Лешему. — Я всё знаю про тебя, дядя-знахарь, и чем ты здесь занимаешься, и про твой зельевар тоже!

Леший остановился, словно наткнулся на невидимые вилы.

— Да-да, не отрекайся от своих слов, — в запале прокричал Алексей, хотя Леший ничего и не говорил. — Я узнал твою тайну, теперь не отвертись! И про зелья волшебные я всё знаю, и про “русалок” на “Лексусе”, и про тайну перехода, которую только ты знаешь! Мне эти “тёлки” с игуменом проболтались!

Леший медленно развернулся и озадаченно оглядел Круглова. На его лице читалось плохо скрываемое беспокойство, и даже страх.

— Что, раскусил я тебя? Раскрыл твою подноготную? — обрадованно прокричал Алексей. — Думал — Лёха дурак, не узнает ничего. Не на того нарвался! — закончил он свою разоблачительную речь.

Леший сплюнул на землю.

— Ты часом не перегрелся на солнышке? — спросил Иван Евпатьевич у чересчур возбуждённого племянника. — Или серых поганок обожрался? С какими коровами ты там разговаривал? Солнце — газовый шар! — усмехнулся Леший. — Иди-ка, проспись, малохольный.

Поняв, что дядька без боя не сдастся, Алексей решил зайти с другого бока.

— Только не говори, что у тебя нет зельевара, — уже менее уверенно попросил Лёха. — Мне Летка и Снежанка тебя “сдали”. Им резона врать уж точно нет. Кстати, они привет тебе передали.

— Ах вот оно что! — посветлел лицом Леший. — Эти стрекозы опять к нам пожаловали? Что же, коли так, придётся доставать наш “зельевар”.

Леший развернулся и пошёл внутрь избы.

Ничего не понявший Алексей поплёлся следом.

Иван Евпатьевич забрался на чердак и, немного повозившись там, вернулся с большим чемоданом под мышкой.

— Вот мой “зельевар”, — похвастался он, сдувая пыль с чемодана и открывая замки, — зельеварочный аппарат высокого давления, переносной, модернизированный.

Леший открыл чемодан, и взору Круглова предстал этот самый “зельевар” во всей своей “красе”: половину чемодана занимала десятилитровая канистра со специальными прорезями и отверстиями. Вторую половину занимали более мелкие детали “зельевара”: змеевики, колбы, переходники, шланги высокого давления, манометры и т.п.

— Давно я им не пользовался, — ласково погладил блестящие “запчасти” Леший. — Поди, с последнего сезона не открывал чемоданчик. — Иван Евпатьевич достал канистру и начал пристыковывать к ней “навесное оборудование”. — А ты не стой зазря, топлива принеси и разведи пока огонь в печи, сейчас опрессовку системы делать будем, — нарезал задач он Алексею.

Пока Круглов ходил за дровами и разводил огонь, Леший установил устройство на печи и, достав из чулана несколько банок с настойками и туесков с травами и кореньями, вновь подошёл к раскрытому чемодану.

— Ну что, племян, какое зелье готовить будем? — подмигнул он Круглову и вытащил из внутреннего кармашка чемодана дневник с множеством закладок. — Тут все рецепты, собранные мной за... в общем, за добротный промежуток.

Леший открыл записную книжку, ища подходящий рецепт зелья, а Алексей, открыв в изумлении рот, глядел на потёртый красный переплёт дневника.

Красная книга!

— Да не смотри ты так, — улыбнулся лесник, думая, что Лёха таращится на “зельевар”. — Я его тоже давно у браконьеров отобрал, позже уже сам немного подшаманил, усовершенствовал. Но сразу скажу: не пьянства ради, а здоровья для!

— Дядь, а книга у тебя откуда? — спросил Круглов.

— По наследству перешла, — почти серьёзно ответил Иван Евпатьевич. Он залил через воронку в узкую горловину канистры несколько сортов настоек, досыпал туда мерной ложкой различных сушёных трав и, завинтив крышку, сел на лавку возле печи. — Вместе с чемоданом отнял. В неё браконьеры разных животных редких заносили, какое где умерщвляли, а я под рецепты стал использовать. В голове ведь всего не удержишь, сколько корешков да ягод для того или иного состава треба. А ежели вдруг оплошаешь с зельем, всякое может случиться.

— Например?

— Худо приготовленное испробуешь, потом такое может померещиться: русалки там или, того хуже — черти, — проследив, как в подставленную колбу начало капать “волшебное зелье”, довольно крикнул. — Эх, как слеза Горгоны!

Алексей подскочил словно ужаленный.

— Что, что ты сейчас сказал?! — прошептал ошарашенный прапорщик.

— Черти, говорю, могут померещиться.

— Нет, чья слеза?

— Горгоны, — недоумевая, повторил Леший. — Это выражение такое.

— Слеза Горгоны? — сам чуть не прослезился Алексей. — А ты про Лаврентия с Лубянки ничего не слышал?

— Про Берию, что ли? — хитро прищурился лесник.

— Либерию! — передразнил старика Лёха. Действительно, откуда тому знать.

— Давай, знаешь что, испробуй моего зелья, — примирительно предложил Леший. — Я специально успокоительный рецепт подобрал. Он нервы лечит. В как её, в нирвану погрузишься, хороших снов согласишься, проснёшься — как новенький будешь.

Леший перелил содержимое колбы в гранёный стакан и поставил его на стол перед Кругловым.

— Я же не пью, — попытался отказаться от предложения Алексей.

— Так это же не самогон, это “зелье” почти магическое, — Иван Евпатыевич подвинул стакан к Алексею, — пей, тебе говорят.

— Надеюсь, после твоего зелья у меня сиськи не вырастут, как у тех девчушек? — ещё сопротивлялся Алексей, вспомнив “размеры” “русалок”.

— Виолетка и Снежанка? — усмехнулся Леший. — Дак какие они девчушки, им уже, чтобы не соврать, где-то под “полтинник”. Сорок три или сорок пять, бабы ягодки опять.

Алексей убрал поднесённую было руку к стакану.

— Сколько-сколько? Почти “полтинник”? Да не может быть такого! Я ж их вот как тебя видел, “щеглушки” совсем.

— Какой там! Они уже, поди, четверть века ко мне “подлечиваться” ездят.

— А мне говорили, что только пару лет назад с тобой познакомились, ввали, выходит, “девчушки”?

Леший вздохнул. Выдав чужую тайну, он чувствовал себя не в своей тарелке.

— Баба свой возраст завсегда скрывает. Так что когда они к нам пожалуют, ты смотри не обмолвись, что я тебе тут набрехал. А лучше забудь вовсе. Если хочешь, давай я тебе “забвенное” зелье состряпаю?

— Нет, спасибо! — поблагодарил за “заботу” Алексей. — Лады, про баб “замётано”, — согласился с просьбой Круглов, но от дядьки отставать не собирался. — А скажи, дядя, тогда сколько тебе самому годков стукнуло?

— Честно?

— Как на духу!

— Не помню, ей-богу, не помню, но не по-человечески много.

— А по документам посмотреть слабо? — подсказал Лёха.

— У меня из документов одна грамота вольная от Петра Грозного осталась.

— Ну ты загнул! — “восхитился” Круглов новости.

— Правда-правда, это за то, что я батальон шведов в лесу “загнул”, — похвастался Иван Евпатыевич. — Погодь... или поляков? — наморщил лоб, вспоминая. — А может, за фрицев? Уж и не припомню за каких псов.

— Всё, не продолжай, — махнул рукой Лёха на дурачившегося, как ему показалось, дядьку. — Я так и думал, здесь без “пол-литра” не обойтись, — произнёс многозначительно Алексей и, взяв стакан, махом выпил его содержимое.

Батюшки! Словно огнём обожгло глотку, пищевод и желудок. Да какой там, ажно до прямой кишки прожгло Лёху. От “волшебного” зелья Круглов в мгновение ока запамятовал, как надо дышать. Пытаясь откусить хоть немного кислорода от окружающей среды, Лёха, изображая выброшенного

на берег палтуса, хватал ртом ускользающий воздух, пытаясь затушить возникший в многострадальном чреве пожар.

Увидев, что случилось с племянником, Леший схватил со стола записную книжку и принялся быстро листать её в поисках какого-нибудь спасительного “антипожарного” рецепта.

Вскочив со стула, Круглов метнулся из угла в угол и... замер. Со свистом втянув воздух, он порывисто задышал, нагоняя упущенное. На лице разлилась довольная улыбка — жар внутри организма сменила тихая прохлада и необычайная лёгкость, а в уже давно толком не тренированных мышцах почувствовались упругость и прилив сил.

— Отпустило? — облегчённо вздохнул Леший, вновь заметив кардинальные изменения в поведении Лёхи.

— Нормалёк! — Алексей сел на место и, взяв стакан, заглянул на дно. — Давай, дядя, ещё по одной, и пойдём с медведями бороться, — предложил он, растягивая рот в улыбке всё шире и шире.

Иван Евпатыевич с недоверием понюхал содержимое колбы и повернулся к Алексею.

— А что, спать не тянет? — поинтересовался он у довольно бодрого племянника.

— Ни в одном глазу, — уверенно замотал головой Лёха.

“Видно, доза для этого бугая мизерная”, — подумал Леший, наливая из колбы в стакан дополнительную порцию зелья, а вслух произнёс: — Давай ещё по одной, но только, чур, с закуской.

— О чём речь! — радостно воскликнул Лёха, вставая со стула. В голове было светло и пусто. — Сейчас я чего-нибудь достану.

— Огурчиковхвати, — попросил Иван Евпатыевич, — и я с тобой “хряпну”. Тоже что-то нервишки расшатались.

Круглов направился в чулан, откуда можно было спуститься в большой погреб, где на полках выстроились целые батареи тушёнок, солений и варений.

— “Летучая мышь” за дверью, — подсказал Леший. — Смотри аккуратно, на чертей не нарвись там, внизу, а я пока “до ветру” сбегая и “военнопленного” заодно проверю.

— Главное, чтобы черти на меня не напали! — самоуверенно произнёс прапорщик, спускаясь в погреб. — А не то я... — что он сказал, Леший, вышедший из дома, уже не услышал.

Алексей, освещая себе путь “летучей мышью”, спустился по скрипучей лесенке в погреб и остался один на один с... тс-с-с, не будем поминать их почём зря.

А не то что? или Когда мерещатся...

Вообще-то эту главу можно было бы обозвать как-нибудь иначе, например: “Черти идут ромбом” или “Вия вызывали?”, или даже “Вечерком в погребе под избушкой”. Но тут всё не так просто в этом леденящем душу происшествии, как может показаться на первый взгляд. Опять же, если сопоставить несопоставимое, объяв всё ещё доселе необъятное и добавить к этому былое и нынешнее, то может случиться совсем неожиданный итог. И после этих слов вам кажется, что вы окончательно запутались, нет, я скажу больше — вы всего лишь заинтригованы. Поэтому продолжим.

Спустившись в погреб, Алексей зажжёт лампу. Освещая себе путь “керосинкой”, он пошёл промеж запылённых стеллажей с банками и кринками, выискивая полки с солёными огурчиками. Пройдя несколько плотно заставленных рядов (погреб больше походил на продовольственный склад времён гонки вооружений), он свернул с главного прохода в “переулок” и остановился напротив полки с соленьями. Где-то за стеллажом ему почудился зловеющий шёпот, словно кто-то переспросил у кого-то “а не то что тогда?”. Прислушавшись, Алексей больше ничего не расслышал и, списав слуховые галлюцинации на зелье Лешего, взял с полки трёхлитровую банку. Стерев с этикетки пыль, он смог разобрать на ней порядковый номер банки — “1723”, а может, хотя вряд ли, и дату изготовления (там ещё были какие-то надписи, то ли на кирилло-мефодиевском, то ли на латинице — Круглов так и не разобрал о чём в них говорилось) и, чихнув в бороду, собрался в обратный путь. Держа в одной руке “мышь”, а в другой банку, он вышел на главный проход и услышал... тихую дробь копыт за спиной. Он развернулся, осветив лампой пространство за спиной, но никого не обнаружил.

Слава богу, померещилось.

Нет, вновь быстрый топот за спиной. Алексей рывком развернулся в надежде увидеть, наконец, кто шалит, но лампа неожиданно погасла, погрузив погреб в непроглядную мглу. Поняв, что кто-то хочет его как минимум напугать, Алексей прикрыл глаза (всё равно ни черта не видеть, тьфу ты, опять чертыхнулся!) и, как учили его в своё время военные “сансэи”, собрался, сосредоточился, одновременно превращаясь в “слух” и погружаясь в боевой транс.

Топот за спиной.

Лёха выбросил ногу на звук. Раздался глухой стук и почти сразу грохот падающей с полок утвари. “Зацепил”, — удовлетворённо подумал Круглов, продолжая стоять с закрытыми глазами посреди главного прохода. И тут началось.

— У-у-а-а! — заголосила невидимая нечисть, пытаясь лишить Круглова самообладания. — А-а-у-у! — продолжала она безуспешное запугивание-завывание и для пущего страха заголосила по-человечьи. — Смерть тебе, ирод! Братва, мочи его, он мне пятачину разворотил! Вали...

Алексей развернулся, метнул банку наугад и, кажется, угадал, но от этого визги только многократно усилились.

— Ви-ви-ви! — вновь перешло “нечто” на нечленораздельную речь.

Тяжёлые лапы схватили Лёху и, выбив погасшую лампу, стали выворачивать ему руки. Сделав вид, что поддаётся, Алексей позволил чертям (а он уже не сомневался в том, что нарвался именно на них) завести свои руки за спину. Сделав сальто назад, он внезапно для противника освободился из захвата и, мало того, оказался за спиной у настырных окаяшек, хватавших своими лапами воздух в том месте, где секунду назад была их несговорчивая добыча. Вычислив по характерному хрипу местоположение как минимум двух, нет, точно двух чертей, Лёха подпрыгнул и, схватившись за мохнатые загривки, с невероятным ускорением направил их черепа навстречу друг другу. От соударения лбами у черепов посыпались искры из глаз, так, по крайней мере, показалось их падающим между рядами хозяевам. Теперь уже нестройный хор “нечисти” затынул на разные лады.

— Вай-вай-вай! — неслоь слева глухим баритоном.

— Вуй-вуй-вуй! — неслоь справа сиплым тенорком.

— Вий-вий-вий! — перекрывало всё и вся всхлипывающее звонкое контрольто.

“Плачут или кличут?” — начал было анализировать Лёха положение дел на данный момент и, “не отходя от кассы”, услышал ответ на свой вопрос.

— Заткните мне уши! — прохрипел за его спиной тяжёлый бас, и большие когтистые лапы схватили Круглова, так что он не только пошевельнуть руками, но даже и вздохнуть не смог (вот это нечистая сила так сила). — Или заткнитесь сами! — обратился к своим сообщникам сжимавший похрустывающего Лёху монстр. — Вы разорвёте мне перепонки!

Круглов стал задыхаться в тесных объятиях Вия (а может, Вуя или Вая — кликали-то троих, а пришёл кто-то один из них). От нехватки кислорода Алексей быстро сник и, ещё немного побарахтавшись в цепких клещах чудовища, безвольно уронил голову на грудь.

— Готов! — прохрипел монстр, немного ослабив хватку, и... получил Лёхиным затылком по зубам.

— Не бейте мне в морду! — захрипел, начиная злиться Вий (Вай или Вуй?), но было поздно. Круглов, использовав хитрость в бою с превосходящим коварством, разгневанным дятлом нанёс серию ударов головой назад и остановился только тогда, когда огромные лапы нечисти аккуратно вернули его на пол и отпустили, а сама нечисть, рухнув за его спиной, прошептала “закройте мне веки” и затихла. Вместе с ним в тревожном ожидании дальнейшей развязки событий затихли и остальные черти.

— Ещё желающие есть? — поинтересовался Алексей, потирая натруженную мозоль на затылке. Таковых не оказалось. — Замечательно! Тогда всем оставаться на своих местах.

Нащупав ногой лампу, Круглов поднял “летучую мышь” и, запалив фитиль, осветил место битвы.

Робкое колышущееся пламя закопчённой лампы высветило совсем небольшой кружок погребя.

Бросив взгляд вокруг себя, Лёха озабоченно нахмурился, ещё не сообразив что делать: начать радоваться или продолжать пока нервничать дальше. Картина, представшая его озадаченному взору, была достойна кисти таких мастеров, как Пикассо, Ван Гог или, на худой конец, Малевич, ну, в общем, тех, кто фигню всякую малует. Перед Алексеем из груды битых кувшинов и банок торчали чуть вздрагивающие копыта всхлипывающей нечисти, в проходах по бокам от него тусклый свет освещал две пары вполне сносных лаптей на разбросанных в стороны ногах, а за спиной обнаружились огромные лапы, с виду почти человеческие, только размера минимум шестидесятого и с такими когтями на пальцах, что мишка косолапый позавидовал бы такому “педикюру”. И, повторюсь, всё это всхлипывало, хрипело и стонало.

Поставив на ближайшую полку лампу, Круглов присел на корточки и, взявшись рукой за торчавшее из полумрака копытце, потянул его обладателя из-под груды осколков на какой-никакой, а свет. То ли существо существовало боялось “какого-никакого света”, то ли ему почудилось, что сейчас продолжится его избиение, но оно, преодолевая многогранную ломоту во всём теле, взмолилось:

— Отпусти меня, добрый молодец, богатырь благородных кровей! — жалостливо протянуло оно, аккуратно, чтобы не рассердить ненароком “благородную кровушку”, отбрыкиваясь от последнего. — У нас накладочка вышла, “обознатушки-перепрятушки”, если позволишь. — Договаривая

эти слова, существо, так и не вырвавшееся из лап Круглова, уже полностью выехало на освещённое место и заискивающе впилося жалобным взглядом в Алексея.

— Ах ты!.. — всплеснул руками Круглов. — Твою мать!

“Наверное, всё-таки добьёт, — отрешённо подумало существо, прикрыв наполненные слезами глаза. — А я ещё такой молодой са...”.

— Фаваня, чёртушка! Братишка! Ты? — вдруг перебил горькую думу существа бородатый палач, схватив того за плечи. — Как? Откуда? Кто? Куда? Какого хрена? — засыпал его вопросами русобородый незнакомец — “богатырь”, вытрясая из него душу. — Я же тебя!.. Убить!.. Мог!.. Как два пальца об асфальт!..

“Нет, всё-таки добивает, — вновь загрустило немилосердно сотрясаемое существо. — Пляньте, как радуется, что одолел наш отряд”.

— Ну ты что, в самом деле не признал Командира, Фавнус? — прижал к груди полуобморочного сатира Круглов.

“Что? Что он сказал? — подумал сатир, прижатый к широкой груди Алексея. — Кто-то из нас бредит”.

— Неужели это сон?! — захохотал Круглов, оторвав от груди сатира. — Я в шоке.

— Я тоже... — выдохнул Фавнус, наконец, признав Командира, — в шоке...

И не верить ему причин не было.

Ещё с минуту любовались друг дружкой старые товарищи и опомнились только тогда, когда из тьмы донеслось еле слышным шепотком “кто победил?”.

— Ничья! — деловито ответил Фавнус, уже окончательно пришедший в себя после пережитого ужаса. — Давайте, вставайте, нечего на холодном полу радикулит с простатитом отращивать.

— Братья? — затаив дыхание, поинтересовался Алексей.

— А то кто, они самые — монахи-кулачники, — Фавнус отошёл в тень, помогая подняться одному из братьев. — Вот так, осторожней. Что, голова кружится? Не тошнит, нет? Это хорошо, значит, сотрясения нет, хотя чему там трястись — кость.

Он вывел на свет сначала одного брата, затем помог подняться второму и долго после объяснял им, ещё туго соображающим, что этот отдубасивший их до отключки бородатый страшный дядька не кто иной, как их Командир. Зато когда они уразумели, в чём собственно дело, общей радости не было предела. Сатир радовался, что остался жив и что встретил Командира. Братья Лычко радовались, что их уделал до потери пульса Командир, а не кто-то ещё, ну и тому, конечно же, что, пускай и так, но встретили Командира. Круглов просто рад был увидеть тех, по кому скучал: провидение или что там ещё, дало ему возможность вновь увидеть Фавнуса, Архипа, Антипа и...

— Кстати, мужики, а это что за “гоголь-моголь” развалился? — кивнул за спину Круглов.

— Не узнаёшь, Командир? — прищурил левый глаз сатир. — Кого мы в пещерах тогда нашли?

О нет!

Страшная догадка, словно вспышка молнии, прошла разум Алексея. Это четвёртое существо за спиной, с такой гладкой кожей, с таким

“маникюром” и “педикюром”, так сильно его обнимавшее. Неужто... неужто это она и есть?

— Только не говорите, что этот “гоблин” — принцесса, — боясь услышать ответ, Алексей буравил взглядом огромные лапы.

— Да, — вздохнул удручённо сатир, — она самая. Прекрасная принцесса после твоего поцелуя превратилась в эту обезьяницу.

У Круглова оборвалось сердце. Как он мог так рисковать зачарованной девушкой.

“Ёкарный бабай! — возмущённо поругал себя Алексей. — Возомнил себя “принцем”, придурок. Гляди, любуйся теперь творением губ своих, смотри, дубина стоеросовая, что из этого вышло”.

— Я не обезьянице, — прохрипело из тьмы, — я горняк, ну, то есть пещерник. Откройте мне веки!

— Кто это? — не совсем разобрал сказанное “принцессой” Круглов. — Вий?

— Ты что, Командир, тоже ударился головой? Какая же это принцесса, это Йетитья, кореш мой. Ну, помнишь, тот громила с кувалдой из Останкино, — хохотнув, пояснил Фавнус.

— Йетя? — не поверил своим ушам Круглов. — А разве он не того...

— Нет, живучий гад попался, — похвастал сатир, — он того гробокопа “того”, а сам выбрался следом за нами. Только шерсти лишился начисто, облинял почему-то безвозвратно.

— Дык откройте же мне веки! — продолжал настаивать пещерник, поднявшись и на ощупь выйдя к голосам товарищей.

— Глянь, как Йетитьку Командир отделал?! — сами из-за больших шишек на лбу похожие на юных сказочных единорогов, восхищённо зашептались Архип с Антипом. — Глаза заплыли и не видно их вовсе. Ай да Командир!

Йетитья встал перед Кругловым как “лист перед травой”: лысый череп с массивным подбородком, бревноподобные плечики, бицепсы “арбузы” и раскачанные до невозможности мышцы груди. Единственное, что отличало этого “гигантопитека” от других неандерталоподобных существ — отсутствие даже намёка на телесную “растительность”, даже брови и волосы в носу повыпадали у облучённого “радиоминой” пещерника, но это придавало ему только большую экстравагантность.

Круглов облегчённо вздохнул. Не принцесса — уже легче. Интересно, тогда где она?

— Кстати, а где тогда принцесса? — подозрительно оглядел группу враз заскукавших соучастников Лёха, от них всего можно было ожидать. — Она ведь с вами оставалась, не так ли?

Веселья как не бывало. От таких каверзных вопросов братья с сатиром поникли и даже охавший пещерник виновато притих. Такое поведение старых боевых друзей встревожило Круглова не на шутку.

— Вы что, воды в рот набрали?! — вновь начал сердиться Лёха. — Ну-ка отвечайте, а не то я...

— Ой вы веки, мои веки, — напомнил остальным и в частности Алексею Йетитья, что он уже джоже пострадавший и его больше пытаться не стоит.

— Помолчи уже, “громобой”, — набрался духу сатир, заткнув пещерника и посмотрев в упор на Командира. — Короче, у нас опять проблемы, Командир.

— Где принцесса, с ней всё в порядке? — не унимался Круглов.

— Мы и принцессу как-то тупо профукали и себе беду, будь она неладна, накаркали, — пояснил Фавнус, ещё больше запутывая Алексея. — А всё из-за этих вот матерщинников, — он кивнул на братьев Лычко. — Ни стыда ни совести, а ещё монахи...

— Ты сам-то хорош, — с взаимными обвинениями против сатира выступил Архип. — Кто тебя просил ему про Командира враки врать и чушь пороть?!

— Я его припугнуть хотел.

— Припугнул, — поддержал брата Антип, — теперь у нас все мёртвым сном уснули. Пугало нашлось тут.

— Ой вы веки, мои веки, — вставил словечко в перепалку Йетитьтя. — Как мне их открыть бы?

— Заткнись!!! — дружно “попросили” пещерника братья с сатиром.

— Замолчите все! — негромко, но твёрдо произнёс прапорщик, и его послушались. Обведя всех суровым взглядом, он остановил его на сатире. — Кому ему? Выкладывай свою версию.

Сатир ещё раз многозначительно вздохнул и, посмотрев с недовольством на братьев, поведал Командиру выпавшие на их долю тяготы и лишения.

— Здесь дело тёмное, — сделав максимально умное выражение припухшего лица, изрёк сатир.

— А ты не темни, говори как есть, — Алексей хрустнул костяшками пальцев, давая Фавнусу понять, что да, действительно, темнить и даже просто тянуть время не рекомендуется.

— У нас с твоего исчезновения всё наперекосяк пошло, — без промедления затараторил Фавнус. — Ты куда целовался с принцессой, медленно исчезал, становился прозрачным, пока весь и не пропал. Мы грешным делом подумали, что ты нам новую технику маскировки показываешь. Поискали тебя, поискали, с принцессой заодно познакомились. Кстати, её Еленой Преклассной зовут.

— Правильно говорят — Еленой Прекрасной, — машинально поправил Лёха

— Нет уж — Преклассной, — усмехнулся сатир. — Сказок начитался, думаешь, всё знаешь. Ан нет. Она нам и документ предъявила, где золотым по серебристому выткано “Елена Преклассная — принцесса, олимпionка и просто замечательная царствohозяйка”.

— Верно, у неё платок дивный такой, — подключился к беседе Антип.

— У вас здесь справные девки — красные, а дюже хорошие — прекрасные, — дополнил Фавнус. — У нас же немного иначе, с блатыни, мёртвого языка, слово “классикус” означает, дословно, “образец”, следовательно “преклассная” означает “образцовая”, то бишь всё при ней. Отсюда середь наших прозваны девки “классными”, а самые крутые-прекрутые значатся того — “преклассными”, вот и вся архимедика. Про таких красотул в нашей стороне и молвят “Кентавра с галопа осадит, и в портик залитый войдёт”.

— Ладно, поехали дальше, — судорожно махнул рукой Круглов на мудрёные речи сатира.

Фавнус прокашлялся и продолжил:

— А потом плюнули мы тебя искать и полезли вниз, уж больно трясло Останкину-гору. А пока спускались без тебя, да без верёвки, да с этими дремучими жителями леса, — сатир вновь кивнул на братьев, — они

столько всяких гадостей наговорили. Хорошо Ленка первой слезала, в основном всё мимо ушей пропустила, а я, поверь мне, Командир, — приложил он руку к груди, — на всю жизнь наслушался.

— Что, небось, заклинания какие-то исковеркали? — Лёха испытующе посмотрел на монахов.

— Если бы, — ответил за них сатир, — проклинаниями они наш путь усеяли: и “тысяча чертей”, и “занесли же нас черти”, и “чёрт побери, всех нас вместе взятых”, и “чтоб чертям здесь пусто было”, и “к чёрту на рога залезли”, и “чертями трусливыми” друг дружку обзывали, и... да, в общем, много чего нового я сам узнал из уст этих “святош”, — Фавнус с саркастической усмешкой сложил руки на груди. — Короче, пока мы слезли, нас уже встречали под горой.

— Кто?

— Он самый. Чёрт, Джеймс Чёрт, — развёл руками сатир. — Так он нам представился. Махнул нам какой-то палкой полосатой, подозвал, сказал, что эти гении, — Фавнус вновь кивнул на братьев, — превысили скорость чертыхания-чёртопоминания и собрался выписать нам штраф.

— Он хотел, чтобы мы ему за оброком в омут сплавали, должок у коекого выбили, — вновь вклинился в беседу Антип. — Мы с Архипом уже почти договорились с ним, осталось только по рукам хлопнуть.

— Ага, и тут этот бобёр, — вмешавшийся в разговор Архип ткнул пальцем в сатира, — тобой его запугивать стал. Раздухарился там, тебя, стыдно сказать, нашей “крышкой” обзывал.

— Не “крышкой”, а “крышей”, — уточнил сатир.

Но Архип, не обращая внимания на поправки извне, продолжал:

— Кричал, мол, если не отвалит с дороги этот “чертила”, Воин Не От Мира Сего, то бишь ты, вернётся и ему рога свернёт в прямом и переносном смысле.

— А ещё он ляпнул, что ты такой крутой, что умудрился живую ожить и мёртвых умертвить, — перехватил “эстафету” у брата Антип. — Тут Джеймса (вот имечком-то дурацким нарекли), Джеймса Чёрта и проняло.

— Как он начал на нас кричать, топтать своими копытами, хвостом щёлкать, — изобразив испуганное лицо, продолжил повествование Архип, — насчёт тебя допытываться стал. А откуда нам знать, где ты прячешься. Мы ему так прямо и сказали, что ты в засаде сидишь.

— Побагровел Чёрт, думая что издеваемся, вот-вот лопнет от злости, — это уже Антип вклинился, — а потом ни с того ни с сего ухмыльнулся гадко и сказал, что будет ждать тебя в гости. Вот. Сказал, что принцессу в “наложницы” себе забирает, пока ты не придёшь...

— Не в “наложницы”, а в “заложницы”, не путай, — вновь поправил его сатир.

— Да какая разница, — отмахнулся Антип. — А ещё для пущей верности сказал, мол, порчу сильную на наш мир наведёт, поветрие проклятущее на всё сущее.

— Сказал, если принцесса и не нужна, то герой, то есть ты, за люд простой по любому к нему “пободаться” явишься, — сказал Архип, пожав плечами.

“Беский аргумент, ничего не скажешь”, — отметил “изобретательность” супостата Алексей.

— Потом добавил, мол, коли ты, Командир, “живую оживил и мёртвых умертвил”, то для такого чудотворца не составит труда “сдавшись

победить” или хотя бы “проиграв выиграть”. Сказал эту белиберду тарабарщинскую и исчез вместе с принцессой, как ты часом раньше.

— Но пред этим успел объявить, как бы это помягче выразиться, “алхимическую тревогу”, — напомнил сатир.

— Это что ещё такое? — не понял намёка Лёха.

— Ну, это, — попытался Фавнус подобрать ещё синоним к “проказам” Чёрта, — воздух подпортил.

— А неделю спустя у нас все люди, звери, птицы и даже нечисть слегли втихомолку, глаза закрыли и дышать перестали, — добавил Антип.

— Словно умерли, только не разлагаются, — подтвердил сатир, — я полагаю, в чертовски неприятную “кому” впали всем миром от проказ чёртовых.

— Вот опять, — встрепенулсЯ Архип, — “чертовски”, “чёртовых”. Может, хватит этого типа поминать.

Сатир, хлопнув себя по лбу, прикрыл рот ладонью.

— Ладно хоть тех, кто за стенами храмов и монастырей укрылись, чаша сия миновала, — добавил Антип. — Там жизнь ещё теплится.

Все смолкли, а Круглов задумался, анализируя полученную информацию.

— Так кто же знал, что это не простой “чертила”, а сам Люцифер, он же Воланд, он же Вельзевул Серосмердящий, — ни с того ни с сего начал опять “заводиться” сатир.

— Цыц, — “заглушил” его тут же Круглов и, не задавая лишних вопросов, спросил только: — Как назад попасть?

Сатир переглянулся с братьями, так же, только безответно, глянул на Йетитью, бормотавшего одними губами что-то про свои отёкшие веки, и, приложив два пальца к виску, подмигнул:

— Проще простого, Командир, было бы желание. Разрешите заводить!

Разрешите заводить!

Ёкало, ох ёкало сердечко у Лёхи, куда сатир с честными глазами гарлемского сутенёра ждал его разрешения. А ведь ещё думал сначала разузнать поточнее смысл слова “заводить”, что именно заводить и каким образом заводить. Нет же, не сдержался — кивнул.

— По местам, бойцы! — завизжал сатир, словно ужаленный капрал.

— Есть!!! — дружно гаркнули близнецы-братья и временно ослеплённый Йетя и встали в одну шеренгу перед Фавнусом.

Круглов от такого фокуса оторопел.

— Вы двое! — сатир ткнул пальцами в монахов. — Дуйте за “магиометрическим параквазохроидом”. Да поживей!

— Так точно! — крикнули монахи и метнулись в темноту.

— За чем, за чем? — поинтересовался прапорщик, но Фавнус или не расслышал его, или проигнорировал.

— Ты, когтерукий, — крикнул сатир пещернику. — Рисуй магический круг и звезду в нём, как учили!

— Но мои веки, они... — попытался оправдаться Йетитья.

— Молчать! — очень жёстко осадил его “капрал”. — На фига тебе такая “башня” здоровая?! Сам подумай! На ощупь рисуй, боец!

Пещерник, ворча, начал чертить на полу своими когтями нужные для “перехода” символы.

Да, видно после горно-пещерных походов сатир всё-таки надолго изменился в лучшую сторону, с умилением подумал Круглов, наблюдая за парнокопытным “капралом”.

Фавнус посмотрел на него и, подмигнув заговорщически, закричал на пыхтевших братьев:

— Чего телитесь-стелитесь, стельки-прокладки, сапоги кирзовые! Ставь по центру! — сатир показал братьям на центр кособокой звезды в кривом круге, которые на ощупь дорисовывал Йетитья. — А ты что ковыряешься? Отползай в сторону, пока лапу не прищемили.

Закончивший “геометричить”, Йетитья проворно поднялся и отошёл в сторону. Братья Лычко установили в центре его художественного “шедевра” пятиугольный металлический брусок с трёхгранным отверстием в середине и винтами по краям и начали вкручивать винты в половицы погребка.

— Закрепляют “параквазохроид”, — пояснил сатир Круглову. — Всё по инструкции, чтобы не сорвало, чего доброго.

Алексею показалось знакомым название прибора, где-то подобное он уже слышал.

— Кранкэнштейна Федю помнишь, Командир? — подтвердил его догадку Фавнус, внимательно следивший за работой “подчинённого личного состава”. — Его изобретение.

— А он что, не “того?” — Алексей сложил руки на груди и сомкнул веки. — Не “уснул” как все?

— Нет, у него “барометры” разные на “порчи” да “горе-беды” всякие. Он одним из первых тревогу забил и народу “метеосводку” довёл, но мало кто ему поверил. Народ-то в тамошних краях безграмотный, как и наши братцы, всё на дурь врождённую да на “авось” уповают. В этот раз не прокатило. И хотя Феде даже многоуважаемый Лаврентий Лубянский вто-рил, мол, прячься, кто может, его “предсказы” люд тоже в основном мимо своих лопушей пропустил.

— Что, и Лаврентий жив, в смысле здоров и не спится ему? — удивился Круглов. — Надеюсь, Аглаи с ними нет?

Кого-кого, а этой похотливой ведьмы Круглов видеть категорически не желал.

— И краснокнижник в добром здравии, — ответил за сатира пыхтевший над прибором Антип, — и Аглая, мать её...

— Не отвлекайся, солдат удачи, — выключил его из беседы сатир. — Лучше ещё раз крепления проверь, а ты, Архип, ключ тащи. У нас времени в обрез, до петухов поспеть надо, как Лаврентий наказывал.

— Так я не понял, — затряс головой Алексей. — Это чьё изобретение, Фердинанда или Лаврентия?

— Совместное предприятие, — ответил сатир. — Оба колдохимичили над “параквазохроидом”, потому он и “магиометрический”.

— А отец Иосиф освятил эту адскую штуковину, — вставляя ключ-рычаг в намертво закреплённый брусок с электроколдовской начинкой, добавил Архип.

— И игумен Иосиф жив-здоров? — продолжал сыпать вопросами прапорщик.

— Естественно, — зевнул сатир, — мы же всем “табором” у него в монастыре сейчас, там такой дурдом, не приведи господи: колдуны и монахи, лешие и ведьмы, праведники и грешницы, все скопом и даже Мичуру беззубого

туда запустили. Не монастырь, а лагерь беженцев. Меня сначала комендантом назначили, а потом завистники “оговорили” и меня разжаловали.

— Конечно, — повернулся к Командиру Архип, закончив установку ключа в пазу. — Этот чудаковатый секту не устроил. Собрал вокруг себя женщин и хотел, чтобы они к нему в келью на “службу” приходили.

— Если бы не Йетитьтя, быть ему здорово битым монахами, — добавил Антип, вытирая пот со лба. — Да и женщинами тоже.

— Ври да не завирайся, — встал на защиту своего “честного” имени сатир. — Я их просто от дум тяжких отвлечь хотел, а меня не так поняли. Зато сейчас я заведу продскладом, еды у нас совсем мало осталось, скоро голодать все начнём, а вы, — Фавнус строго зыркнул на близнецов, — и подавно, без продпайка останетесь.

— Ладно вам, горячие сфинксские парни, — попенял ворчунам Командир. — Давайте, заводите свою “шарманку”, а то уже часа два мы тут торчим, скоро точно петухи запоют или дядька сунется искать, где меня “черти носят”.

— Не волнуйся, Командир. Это здесь пару часов прошло, а там, наверху, бьюсь об заклад, не больше минуты, — провёл “ликбез” сатир.

— Фердинанд говорит, в другом месте уже и год за здешний час обернуться может, — согласился с сатиром Антип.

— Но всё равно поспешать надо, нас ждут там, — напомнил о цели их прибытия Архип, махнув рукой за спину.

— Хорошо, заводите, — разрешил Фавнус, вставая на один конец расчерченной звезды и приглашая Круглова занять место на соседнем “луче”. — Сейчас поедем.

Братья Лычко подвели Йетитьтя к ключу-рычагу и, взявшись за рукоятки ключа с трёх сторон граней, начали вращать его по часовой стрелке, словно заводя невидимые часы.

— Командир, ты только не говори там, что это наша с братьями вина, — как бы между прочим попросил сатир, когда его “солдаты” делали уже третий оборот.

— Ты о чём? — не понял Круглов.

— О Чёрте и остальных последствиях, — уточнил Фавнус. — Мы просто сказали, что это твоих рук дело, мол, Останкина-гора затряслась, Чёрт и вылез посмотреть, кто буянит. Узнают, что наших рук, врунишками сочтут. А-а?

— Что?! — закипел Лёха. — Вы всем соврали, что это я кашу заварил?! Ах вы... — задохнулся он от негодования.

— Командир, мы были против, — крикнул Архип, вращая ключ.

— Да, — поддержал брата Антип, — мы хотели рассказать, как всё было, но сатир сказал, что “молчанье золото”. Застращал, мол, проклянут нас, анафеме предадут, вот мы и смалодушничали.

— Не держи на нас зла, Командир, мы больше не будем, — хором попросили все кроме пещерника.

— А я так вообще не при делах, — сказал Йетитьтя и опять вспомнил про “веки, свои веки”.

Долго ли, коротко ли думал Круглов, но вскоре надумал.

— Эх, что с вас, недотёп, взять, — сменил он гнев на милость. — Хорошо хоть додумались меня позвать, лыцари без страха, стыда, совести и упрёка.

У всех присутствующих вырвался вздох облегчения, Командир простил, значит всё в порядке.

— Готово! — доложил Антип, увидев, как ключ вкрутился до специальной отметки на нём. — Запускать?

— Обожди! Задраить люки! — скомандовал Фавнус, сам же сбежал, закрыл люк погреба и, вернувшись на своё место, подал следующие команды. — По местам! — братья и Йетитья встали на свободные лучи звезды. — Взялись за руки! — все, включая Алексея, взялись за руки, замкнув круг. — Держать строй!

Ключ, торчавший в приборе, начал вибрировать, но не двигался.

— Готовы? Внимание! — кричал сатир, набрав побольше воздуха, и прокричал нужное заклинание. — Вихро-синхро-бодро-бёдры! Вёдро-ветры-полбу-колбой! Абры-бобры-будьте-добры! Цзынь-цземынь-звездец-аминь!

С последним словом заклинания ключ сильно задрожал и, набирая скорость, начал вращаться в обратную сторону, создавая пространственно-временную воронку. Вибрация от прибора передалась стоявшим вокруг людям и заставила ходить ходуном полки с припасами Лешего. Спустя несколько секунд весь погреб со всем содержимым “лихорадило” так, что стоявшим в нём людям то и дело приходилось поддерживать друг друга, чтобы не выпасть из круга. Алексей уже начал сомневаться в их затее с “квазохроидом”, как вдруг раздался страшный треск и грохот, поднялась пыль, с полка слетело несколько бутылей и банок, и сомнения Круглова испарились, уступив место твёрдой уверенности в ошибочности их действий.

“Сколько локальных войн и конфликтов прошёл, сколько спецопераций провёл, из вампира человека сделал наконец, и вот теперь, в, казалось бы, самом безмятежном месте планеты, в самом сердце этого дремучего рая, мне суждено погибнуть под обломками дядькиной избёнки, — подумал Алексей, глядя на творящийся вокруг техномагический беспредел. — Сатир, сволочь, однозначно что-то напутал с таким мудрёным заклинанием и сейчас нас всех здесь накроет к чёртовой бабушке обломками рушащегося дома. Оттуда-то их профессионалы сюда десантировали, а здесь, прямо скажем, из рук вон плохообученные “десанты” уже сами намудрили, твою дивизию”.

Пока он думал да гадал, когда их завалит, погреб трянуло ещё несколько раз — и всё замерло.

“Пронесло, — не поверил своим глазам Лёха, увидев, когда осела пыль, практически невредимый погребок. — И пусть мы никуда не “переехали”, зато вместе и живы. Ничего, найдём как-нибудь другой путь”.

Сатир, отпустив руки Алексея и Йетитья, отошёл в дальний угол погреба и, покопавшись там, крикнул:

— Всё, при-при-при-приехали. Пошли, Командир, к нашим, заждались поди тебя.

Не поверив своим ушам, Круглов чисто из любопытства пошёл за сатиром и наткнулся на... выдолбленные в земле ступени. Те самые. Он мог поклясться, что в погребе их никогда не было до этого. Неужели...

— Прошу к нашему монастышу! — сказал Фавнус, перебивая его мысли и отодвигая люк в сторону. — Вот мы и дома.

Алексей вылез из погреба вслед за сатиром и огляделся. Он стоял посреди той самой кельи: даже свежавыбеленную и обставленную простецкой мебелью, Лёха узнал её — келью, с которой началось его путешествие по подземному ходу в другой мир, в этот мир, в мир, в который он вновь вернулся.

— Вот вы и дома, — прошептал обалдевший прапорщик и отошёл в сторону: за ним, помогая опухшеглазому пещернику, из люка поочерёдно вылезли близнецы. — Вот мы и здесь.

Минуту спустя вернувшийся со двора Иван Евпасьевич в ожидании Алексея опрокинул чарку “зелья”, крикнул удовлетворённо и покликнул племяша. Не услышав ответа, лесник подошёл к лазу в погреб. “Наверное, уснул-таки мёртвым сном, — мысленно веселясь, подумал Леший, — а говорил, “ни в одном глазу”. Егерь взялся за ручку и, не обратив внимания на струящийся сквозь щели люка холод, приподнял его и... вместо ступеней и полок под его ногами разлилась тёмно-синяя пустота, а где-то далеко-далеко внизу мерцали россыпи золотых звёзд...

“Мать моя женщина!” — не моргнув выкатившимися из орбит глазами, сам себе соврал оторопевший лесник. Иван Евпасьевич осторожно прикрыл люк и, перекрестив его на всякий случай, сверху ещё, чтобы космо-сом (блин, ну надо же!) не сквозило, накрыл люк медвежьей шкурой

С корабля на “ковчег”

— А почему здесь такая темнотища? — спросил сатир, когда “возвращенцы” дружно выбрались из кельи через дверцу в стенке. По тёмному залу прошелестело эхом “...тища, ...тище, ...тише”.

— Это я должен спросить у вас, — раздался из темноты настороженный голос Круглова, а по залу эхом пронеслось “...вас ...ист ...дас”.

— А у меня уже давно в глазах темно, — вздохнул Йетитьтя, вновь мысленно припоминая “веки, мои веки”. А эхо в ответ — “...емно, ...умно, ...амно”.

— Наверное, здесь свечи кончились, Командир, — предположил Архип, и по укрытому мглой помещению эхом разнеслось “...мандир, ...мендир, ...мундир” и стихло в дальних углах зала.

— Тихо, здесь кто-то есть! — крикнул Алексей.

По залу вновь прошелестело эхом “есть, есть, есть”, но не стихло в углах, а с нарастающим шёпотом вернулось более чем странное “...мундиресть, ...мандир есть, ...командир здесь”. Друзья собрались было удивиться такому акустическому фокусу, как вдруг...

— К нам приехал, к нам приехал Командир наш дорогой! — заголосил нестройный хор лужёных цыганских глоток. Одновременно с хором раздался громкий хлопок, и помещение озарилось светом волшебной зажжённой по периметру полусотни восковых свечей, явив взору Алексея такую разношёрстную массовку, какой он до нынешнего дня ещё не видывал, хотя, чего греха таить, повидал он на своём веку многое. На переднем плане цыганский ансамбль песни и пляски исполнял для него свой “гостеприимский песнетанец”, где-то на периферии мелькали чёрные, обтягивающие платья ведьм с глубокими декольте, среди которых то появлялась, то пропадала голова Мичуры-безвредного. Левый фланг “массовки” в основном занимала ремесленно-разбойно-рабоче-крестьянская артель беженцев: поверившие в предсказания некролога и краснокнижника хлебобобы и бандюки, гончары и бродяги, бондари и мошенники, ткачихи и блудницы... в общем, обычные люди. На правом — Круглова приветствовала публика посомнительнее: гномы и грумы, домовые и гуменные, лесунчики и дупловики, хлевники и подколодники, полевые и кротовики, водяной в дубовом ушате и леший в еловом бушлате. Нечисть,

впущенная под сень монастыря добродушным игуменом, топорщилась и тряслась, вздрагивала и торопилась — неуютно и боязно было им в храме, да снаружи, знать, страшнее было. Единственную, кого Лёха не приметил среди встречающих — Аглаю, и это было хорошим знаком.

Всё это человечно-нечеловеческое “разношерстье” было обильно сдобрено чёрными монашескими сутанами, а в центре этого броуновского сабантуя стояла великолепная тройка: игумен отец Иосиф, краснокнижник Лаврентий и заслуженный патологоанатом, бывший член академии наук, доктор некрологии Фердинанди Кранкэнштейн.

Иосиф держал в руках золотой поднос с гранёным кубком.

Как только озадаченно-изучающий взгляд Круглова остановился на наполненном до краёв кубке, окружающие (и даже нечисть!) стали дружно скандировать “Пей до дна! Пей до дна! Пей до дна!” — и отец Иосиф протянул поднос ему навстречу.

Судя по увиденному, Алексей предположил, что жизнь здесь не просто теплилась, а била ключом.

— Спасибо, конечно, — Алексей смущённо отмахнулся. — Но я же не пью.

— Дак это же водица святая, Геолог-воин, — поднял брови игумен, — не для веселья питьё сие, а для...

Тут Иосиф спохватился и закашлялся. За него закончил мысль Лаврентий Лубянский:

— Для этого, как его, с дороги якобы жажду утолить тебе, Воин Не От Мира Сего.

— Это здесь традиция такая, народное поверье, молодой человек, — подсказал Фердинанд.

— Точно, — вновь подхватил игумен, — проверь от жажды.

— Жажды, говорите? Традиция? — Алексей поднял кубок, подозрительно поглядывая на троицу соучастников. — Мне-то зачем врать. Проверяете, тот ли я самый, не демон, али ещё какой происк вражеский? Эх!

Круглов залпом выпил святую воду и, смахнув с бороды оставшиеся капли, чётко, по-военному представился:

— Представляюсь по случаю возвращения — Алексей Круглов, я же агент Оборотень № 013, я же Воин Не От Мира Сего, я же Геолог-воин, я же Командир, Избранный, Атаман и так далее. Ну как, “он самый”?

— О-о-он са-амый! — обрадованно заголосила притихшая было толпа людей и нелюдей и бросилась обнимать своего, как они все надеялись, спасителя — защиту и надежду земли горемычной.

А за спиной Алексея стояла побитая им по недоразумению четвёрка боевых товарищей. Трое из них с чувством выполненного долга влюблённо всматривались в своего Командира, а четвёртый, самый мощный, шепча что-то про “веки, мои веки”, пока только обладал возможностью прислушиваться к происходящему вокруг.

По окончании церемонии встречи героя основные официальные лица, всё ещё похлопывая Алексея по плечам, видимо, удостовераясь, что это он, а не видение или сон, удалились на совещание в келью к отцу Иосифу, где был накрыт непомерно богатый для лихого времени стол.

— Это из запасов твоего погребка, — не стал кривить душой игумен, увидев немой вопрос в глазах “героя”. — Наши монастырские закрома иссякли основательно, сам видел, какую ораву пригрели, и отказать никому не можно. Беда общая. А погреб твой нам добрую службу сослужит.

— Выходит, эти засланцы, — Алексей кивнул на улыбающихся братьев с сатиром (Йетитью забрали ведьмы выхаживать), — у дядьки моего в самом деле погреб со всеми его припасами угнали? — он ещё раз глянул на свой отряд и совсем беззлобно добавил: — Вот уроды.

От такой “похвалы” близнецы и Фавнус вообще растянули улыбки до ушей.

— Это что, у нас Опохмеля, на что дурак, а и тот печь самоходную сконструировал, мотается на ней то в лес за дровами, то на рыбалку, — похвастал знакомым “самородком” старец Лаврентий, — а чтобы патент не требовали инквизиторы, всем врёт, мол, по высочайшему сучьему веленью...

— Не время байки травить, — нахмурился отец Иосиф, не любил он эти колдовские фокус-покусы, жуть как не любил. — Давайте отведаем, что бог послал (он исподлобья взглянул на Алексея), да будем совет держать, как оказию сию совместно одолеть.

Иосифа все послушали и, разобравшись с местами, уселись за стол. За трапезой все молчали. Сразу чувствовалось, здесь давно уже нормально не ели. Алексей, особо не голодный, больше наблюдал за остальными. Братья Лычко налегали на тушёнку и грибы, отец Иосиф, видимо, постившийся, уплетал за обе щёки только кабачковую икру из трёхлитровой банки, Лаврентий и Фердинанд под домашнее вино из бочонка хрустели мочёными яблочками, Фавнус же макал кислую капусту в... малиновое варенье и с наслаждением набивал этой смесью свой желудок. От сатиrowsкого “бутерброда” Лёхе и вовсе расхотелось есть.

Он отвернул голову в сторону и... вздрогнул.

В тёмном углу кельи, пыхтя большой трубкой, сидела седая усатая цыганка с густыми бровями и большими золотыми серьгами в форме черепа, заключённого в шестиугольник. Старуха чем-то неуловимо напоминала дорогого товарища Сталина. Острые немигающие глаза на изборождённом морщинами лице буравили Алексея, словно сканируя его нутро. От этого взгляда Лёхе стало не по себе.

— А это ещё что за призрак коммунизма? — сказал он как можно более непринуждённо, стараясь не вызывать волнения. А вдруг он один её видит.

Чавканье на секунду прекратилось. Все посмотрели на Круглова.

— Ты о ком? — поинтересовался Иосиф. — У нас в храме призраки не водятся.

“Неужто они не видят!” — Алексея пробрал холодный пот.

— А это кто тогда?! — ткнул пальцем он в цыганку, та в ответ пустила кольцо дыма, которое повисло на руке прапорщика и, сделав оборот вокруг локтя, развеялось.

— А-а, это, — хмыкнул игумен, — это цыганская баронесса. Познакомьтесь, баронесса фон Аза. Наш, э-э, старый боевой друг.

— Здравствуйте, мадам, — облегчённо кивнул Круглов баронессе.

— Азалия, пойдём к столу, отведай даров Геолог-воинских, — позвал старуху Лаврентий и нервно хохотнул в кулак, обращаясь к сидящему рядом игумену. — Мы и забыли про неё вовсе.

— Не голодна я, — промолвила “цыганский барон” в многочисленных цветастых юбках и, встав, подошла к Круглову. — Вижу, душа у тебя светлая и смелая, сердце храброе и доброе, а путь твой, путь, он значитесь...

Цыганка запнулась и, помявшись немного, продолжила:

— Дай левую руку, точнее гляну, что у тебя дальше.

Окружающие, продолжая трапезу, с интересом наблюдали за предсказаниями цыганки.

Круглов с сомнением вытянул руку вперёд. Баронесса, ухватив её своими сухими, но цепкими пальцами, мельком осмотрела ладонь и, вывернув руку, стала изучать наружную сторону кисти.

— А разве... — попытался уточнить правильность положения руки Алексей, но был перебит.

— Это только шарлатаны и мошенники по ладони гадают, — держа трубку в зубах, проворчала цыганка, — а ещё дилетанты и дураки думают, что гадают. — Аза передвинула трубку из одного конца рта в другой и, пыхнув смачным клубом дыма в лицо Лёхе, провела грязным ногтем между набитых на костяшках мозолей. — Судьба человеческая на кентосах написана. Вот, вижу я, что жить ты будешь, покуда не помрёшь, а может, и дольше, и вообще ты непростой смертный.

— А какой? — поинтересовался Круглов, особо не удивившись словам, по всей видимости, немного выжившей из ума старухи.

— Тс-с-с, — приложила цыганка ноготь к его губам, от чего Лёха мысленно скривился, но виду не подал, не желая расстраивать более чем пожилого человека. — Ты не просто смертный, а смертный воин.

“Тьфу ты! — опять мысленно ругнулся Алексей, окончательно разуверившись в цыганской хиромантии. — Либо бабуля излагает загадками, либо, что более вероятно, несёт старомаразматическую чепуху”.

— Сам ты маразматик, — оскалив жёлтые от табака зубы, произнесла старуха и продолжила, как ни в чём не бывало. — Я говорю что вижу, ничего не придумываю, — растолковала она выясненное при изучении тыльной стороны ладони. — О-о, батенька, да ты, как я погляжу, втрескался по уши, да ещё в кого...

— Что за бред! — Алексей возмущённо отдернул руку и спрятал её за спину, а то, глядишь, она всю его подноготную выложит.

— Командир того! Геолог влюбился! В кого? В кого?.. — зашептались сразу же между собой свидетели цыганского сеанса ясновидения. Круглов обвёл их строгим взглядом, и все мигом примолкли. Все, кроме цыганки.

— Дай руку, я ещё не всё узрела на твоём пути, — тоном не терпящим возражений потребовала цыганка.

Алексей насупился и сунул обе руки в карманы.

— Не глумите, молодой человек, — посоветовал прихлёбывавший вино Фердинанд. — Мадам Аза знает что делает, она всю мою подноготную по руке как на блюдечке выложила. Пусть и вам будущее подскажет.

Вот этого Круглову и не хотелось. То есть, будущее узнать интересно, ну а вдруг ещё что лишнего увидит, а Лёха не любил выставлять свои крепко запечатанные в сильном теле чувства напоказ.

— Спасибо, не стоит, — ответил Круглов категорическим отказом.

— Для дела же, Лёшенька, — постарался повлиять на “капризника” Лаврентий.

— Вопрос с повестки дня снят.

— Как хочешь, я не настаиваю, — бесстрастная цыганка криво усмехнулась и, без тени смущения, запустила руку себе в декольте. — Ну-ка давай на картах поглядим твою удачу, — старуха выудила из-за пазухи колоду карт, развернула их веером и выставила перед Алексеем. — Тяни карту.

Здесь уговаривать Лёху не пришлось. Долго не думая он вытянул из середины колоды карту и, перевернув её, невесело произнёс:

— Глупая шутка.

В его руке красовалась карта с шутком. Подбежавший посмотреть карту сатир хмыкнул в кулак, собравшись подколоть Командира, но получив по ушам цыганской колодой, молча вернулся за стол.

— Хороший выбор, — удовлетворённо проговорила Аза, пряча колоду обратно в декольте. — Оставь себе “Джокера” на память.

— Хороша память — клоун, — сказал Круглов, возвращая карту. — Заберите вашу “удачу”.

Аза взяла карту и, ловко сунув её в левый рукав Алексею, ответила:

— Иногда и шуты королей поколачивают. Не упускай удачу, оставь себе.

— Да-да, госпожа Фортуна девка капризная, — подначил-таки сатир. — Храни “паяца” как зеницу ока.

Не понимая, шутит цыганка или говорит серьёзно, Алексей всё же попытался вытащить карту из рукава, но ничего в нём не обнаружил. Догадавшись, что карта уже выпала, пока он размахивал руками, пытаясь дать затрещину шутнику сатиру, Алексей тут же и забыл об этом недоразумении.

— Ладно, пойду я отдохну, — зевнула баронесса фон Аза и на прощанье ещё раз пыхнула Круглову в лицо. — Всё, что могла ромалэ, инчо, — бросила она притихшим старцу Лаврентию и игумену Иосифу перед тем как закрыть за собой дверцу кельи.

С её уходом неприметная на первый взгляд скованность отступила, и окружающие вновь расслабились.

— Зря ты её не послушался, Геолог-воин, — прикончив банку с икрой, игумен Иосиф откинулся на спинку стула. — Она с этим Чёртом одно время якшалась, пока он её, как полагается, не обманул. Так что у неё свои счёты с поганым.

— Она могла подсказать его слабые места, — дополнил Лаврентий. — Зря ты её проигнорировал. Кажись, даже обидел.

— Всё, хватит мне лекции читать, — Алексей постучал деревянной ложкой по столу. — Подкрепились запасами моего дядюшки, теперь ближе к делу.

— Правильно, — поддержал Командира заскучавший сатир и влез на скамью. — Внимание! Военный совет, посвящённый вопросам национальной безопасности и борьбы с нахлынувшим в наш мир террором, кто не знает, с блатыни означает — ужасом, разрешите считать открытым!

Игумен Иосиф нахмурился, встал, налил себе чарку вина, перекрестился и, выпив залпом, торжественно произнёс:

— Ну, с богом!

“Совет в Филях”

— Разрешите, наверное, начну я, — поднялся из-за стола некролог Кранкэнштейн и повернулся к Алексею. — Вам уже, надеюсь, в общих чертах поведали наши десантники, — Фердинанд бросил взгляд на братьев с сатиром, — сложившуюся оперативную обстановку в нашем мире?

— Более чем, — кивнул Алексей. — Только я хотел сразу же уточнить кое-что...

— Не волнуйся, Геолог-воин, — успокоил его краснокнижник. — То что это не твоя вина, мы и сами поняли. А что случилось, то случилось, обратно не воротишь.

— Слушайте, у меня такое впечатление, что мои мысли читают здесь все кому не лень, — нервно пригладил бороду Круглов.

— Не переживай, я не читаю! — ободрил Лёху Фавнус.

— И я! И я! — поддержали его братья Лычко.

Остальные молча отвели глаза в сторону, а Лаврентий даже попытался насвистеть какой-то весёленький мотивчик.

— Ну-ка не свисти, и так беда, ещё какой заразы насвистишь, — распорядился отец Иосиф, он всё-таки здесь был главным и сам устанавливал кому что можно.

— Кстати, будь у меня моя лаборатория, — подхватил оброненную колдуном мысль Фердинанд. — Я бы мог попробовать собрать машину времени, чтобы вернуться в исходную точку. Теоретически повернуть время вспять в принципе возможно, просто конструкция намного сложнее будет, чем у “квазохроида” или даже “парасинхрофазохрона”...

— Хватить словоблудить, — оборвал Иосиф. — Давай по делу.

— Значит так, — продолжил доклад заслуженный патологоанатом. — Взятые мной пробы воздуха за стенами монастыря показали высокую концентрацию серы, углекислого газа и ещё какой-то, как бы это понаучнее выразиться, навверное, хренетана — газовой смеси, которая не поддаётся расщеплению для её более детального изучения.

— Коли знать, что жрал этот Вельзевул, можно было бы и предположить, отчего напасть, — сказал Лаврентий, вытаскивая из банки солёный огурчик.

— Только толку от этого всё равно немного будет, — наморщив лоб, произнёс некролог. — Даже если воспользоваться услугами всех незаснувших алхимиков, то создать антидот, произвести дегазацию или дезактивацию, называйте как хотите, по всему миру, не представляется возможным.

— Ясен пень, — вставил своё веское слово Фавнус, он тоже хотел принять участие в дискуссии. — Чёрт не фраер, зря “газовать” не станет.

— Верно, однако, — многозначительно поднял палец вверх игумен, ему единственному понравилось новая пословица сатира. — Надо в корень зла зреть.

— Если вы не будете меня перебивать, — тоже начал сердиться Фердинанд, — я смогу закончить, наконец, свой доклад, — он выдержал короткую паузу и, поняв, что его перебивать более не собираются, продолжил. — Так вот, помимо того, что Чёрт с использованием телепортации взял в заложницы принцессу, извиняюсь, наделал нам здесь делов мерзопакостных, его основным условием является ваше прибытие, молодой человек, на его территорию, в Предисходную — ареал его обитания. Уважаемый отец Иосиф? — передал он слово игумену.

— Сугубо гиблое это место, однако, Геолог-воин, — величаво поковырявшись в зубах и выплюнув кабачковое зёрнышко, Иосиф пропел протужно: — Там птицы не поют, деревья не растут и только толпы грешников туды-сюды снуют.

— А разве не жарятся они там? — уточнил Круглов.

— Ты с Гигиеной Огненной Предисходную не путай, — заважничавший игумен (ишь ты, Геолог-воин такого и не знает!) по-отечески посмотрел

на Алексея. — Гигиена — это уже настоящий ад, там тебе, согласно древним писаниям, и смола кипящая, и вода студёная, аки раскалённая, и, страшно сказать, мыло душистое.

— А-а, так это...

— Мыло там варят из душ грешников, — продолжил игумен. — Вот там да, истинное пекло. А Предисходняя, это вроде как предбанник.

— Приёмник-распределитель, — поправил игумена Фердинанд. — Судя по священным писаниям, которые мне любезно дал почитать отец Иосиф, в Рай идут отпетые праведники, в Ад — махровые грешники, а в Предисходнюю направляется что-то среднее, “ни рыба, ни мясо”, для того, чтобы перед окончательным исходом (отсюда и название местечка — Предисходняя) в одном из трёх направлений, до конца определить: этому в райские кущи, этому на мыловарню, а этому, если чаша весов существенно не перевесит в ту или иную сторону — на перерождение, так называемую реинкарнацию, для повторного прохождения уровня или на второй испытательный срок, кому как нравится.

— И вот в нём и находится логово Чёрта, — продолжил Иосиф. — Туда он и принцессу утащил, там и тебя ожидает, Геолог-воин. Беда только в том, что туда нынче не добраться. Монастырь и Предисходняя, даже при наличии такого количества у нас здесь ведьм и колдунов на квадратный метр, всё равно вещи по сути несовместимые. Ни одно заклинание не открывает проход отсюда туда. Где ж это видано, чтобы из монастыря напрямую в логово к Чёрту попасть можно было.

— Почему? — задал напрашивающийся сам собой вопрос Круглов.

— Разрешите я? — поднялся со своего места Лаврентий, посмотрев на игумена. Иосиф согласно кивнул. — Дело в том, что все места, откуда можно было тебя отправить в Предисходнюю, находятся за стенами монастыря.

— Так называемые аномальные зоны, или “порталы”, — уточнил Фердинанд.

— Самое близкое “завременьё”, отсюда верстах в тридцати, — Лаврентий махнул рукой за спину. — Перед уходом мне про него Пантелеймон поведал, а сам он узнал об этом месте у тамошнего лешего.

— Кстати, а где ваш кот учёный? — Алексей вспомнил про не в меру учёного кота, с ним можно было пообщаться более продуктивно, чем, практически, со всеми здесь сидящими.

— Дезертировал. Ушёл трус, как беду учуял, сказал, мол, якобы по делам, и был таков, — вздохнул Лаврентий. — Бросил нас в трудную минуту. Ну да и бог с ним. Продолжим.

Краснокнижник вытащил из-за пазухи несколько свёрнутых листов бумаги и, раскрыв, начал излагать:

— Вот дословно мной со слов Пантелеймоновых записано: “Все, небось, слыхали про “завременьё”, но никто толком и не ведаёт что это и с чем его едят. Так вот ерундовина эта странная, редкая, её, как и птицу синюю, да не, какой там, реже ещё, отыскать только его величество случай поможет. Так часто бывает, когда избу строить, али колодец копать подряжаются не простые работяги, а с причудами. Вот и тамошнему лешему, в бытность его ещё хозяином полновластным соответствующей заимки, понадобился колодец, чтоб водицу не из болотца черпать и к ближайшему роднику за версту не таскаться. Наткнулся в лесу он на заплутавших молодых друидов — суть ведунов, которые с деревьями не только

разговаривали, а и понимали их. Много чего знали они: и как с помощью свежесломанной ветки воду или клад отыскать, и какими силами растения разные обладают, и что получится, если их вместе соединить в зельях и отварах, и когда лучше в землю растения посадить, и даже каким концом закапывать. Много знали. А вот как от леса отделаться — не ведали, совсем не ориентировались в чаще. Кружили по нему, а деревья в их беде не помощники, на одном месте торчали всю жизнь, куда идти не могли посоветовать бедолагам. Вот и сговорился леший с друидами, они ему колодец выроют, а он их из лесу куда хошь выведет. Обрадованные чудики пообщались со старыми деревьями и, побродив по лужайке, куда привёл их леший, взялись за дело. Несколько дней рыли они колодец в том месте, где сходились незримые нити бытия, и вот на пятый денёк наткнулись на камень огромный: чёрный и блестящий. Тот друид, который землю в глубине рыхлил, позвал в подмогу, дабы камень выкорчевать, двух других. Слезли эти и пропали в колодце. Леший, угодя обходивший, вернулся к вечеру того дня, когда друиды до камня добрались. Обойдя вокруг отверстия в земле и ничего не приметив, лешачок допетрил, что друиды ушли восвояси, и, взяв камешек, в сердцах швырнул его в колодец, потом хотел ещё и плюнуть туда, но передумал, камня хватило. Из тьмы колодца донеслось приглушённое ругательство и вскоре на поверхность выкарабкалось трое старцев, чем-то неуловимо напоминавших ушедших, молодых, полных сил друидов. Леший ошалел тогда, а старцы, прочитав в его глазах недоуменный крик-вопрос, оглядели себя и закричали уже вслух. Как выяснилось из сбивчивого их рассказа, это и были друиды, постаревшие в одночасье, а отчего непонятно. Поведали старцы, когда камень приподняли чуток, что от вспышки, изпод него сверкнувшей, ослепли временно, а когда в себя уже приходиться стали, в одного и попал камень лешего, вот и полезли назад, выяснить, кто хулиганит, а то так бы ещё камень попробовали поворочать. Леший не дурак был и не сердобольник, смекнул, что за колодец ему друиды нарыли, и дабы досужих слухов не распускали старцы (!) о найденном “завремение”, великодушно отвёл их на тропинку и указал в какую сторону брести. Хотя и лишним это было — что в одну сторону, что в другую, по кольцевой, да в глухомани всё одно кружить бесконечно, пока не сгинешь. Кольцо оно и в лесу кольцо. А лешак вернулся и со спокойной душой, тогда он ещё мерзавцем каких мало был, укрыл колодец травкой вечнозеленеющей, а когда проигрался мне (читай Пантелеймону) в кости доминошные, тайной сией и поделился со мною. Вот что это за место эдакое. Место, где время вязнет, прямой проход для живых в Предисходную...”. Вот оно что, понятно? — подбоченился Лаврентий, оглядев присутствующих, и остановил свой взор на Лёхе. — Ежели до него сможешь добраться не дыша, оттуда ты, Геолог-воин, с закрытыми глазами, причём это обязательное условие, вмиг в Предисходней окажешься. Осталось докумекать как добраться. Фердинанд?

— Спасибо, — поднявшись, учтиво поклонился некролог. — Сначала я предполагал изготовить специальные противогазы, для безопасного передвижения по заражённой местности, но отец Иосиф справедливо напомнил мне, что здесь не просто газы, а газы самого Чёрта, поэтому обычными методами и даже с колдовскими примочками нам противогазов не сделать. Здесь необходимы более высокотехнологичные идеи. У меня предложение — использовать мой новый препарат “Эгозомбуфен”, правда, я ещё не испытал его в клинических условиях, но в виду форс-мажорных обстоятельств, думаю, можно рискнуть.

— Это ещё что за штуковина? — насторожился Круглов, не по душе ему пришлось название препарата.

— Суспензия или, как я её называю, “сыворотка смерти”, — молодцевато поправил пенсне Кранкэнштейн. — Вводится внутривенно, одновременно с сывороткой активации инфопамяти и рефлексонавыков. Начинает действовать в течение нескольких часов, необходимых для перестройки организма. Человек временно зомбируется, превращаясь в ходячего мертвеца, которому не нужен воздух, не нужны вода и пища. Ты сможешь добраться до перехода в Предисходнюю, не вдыхая отравленного воздуха, пройти через него и, сказавшись мертвяком, без досмотра проникнуть на охраняемую территорию. Правда, при перестройке организма возможны следующие побочные действия: слабость, головная боль, гастралгии, тошнота, рвота, экзантемы, сухость во рту, чесотка, ринорея, запоры, дизурия, энурез и диатез, снохождение, кошмары, а также кожная сыпь, зуд, эритема, чрезмерная возбудимость или сонливость, изжога, также тахикардия, реактивная гиперемия, кишечная колика, ступор, тромбоцитопеническая пурпур...

— Стоп! — устав слушать неприятные медицинские термины, прервал доклад некролога Алексей. — Спасибо за предложение, но этот вариант категорически неприемлем, я покамест не готов к таким экспериментам над собой. Давайте другой вариант продумайте, а мне надо выйти, проветриться. Кто компанию составит?

— Пойдём, Командир, покажу наш лагерь, — предложил свои услуги сатир, выходя из-за стола.

— И мы с вами, — дружно поднялись братья Лычко, которые уже устали молча сидеть и тупо слушать непонятные речи совещающихся “старших товарищей”.

— Чего уж там, пойдёмте всем отрядом на экскурсию по местам боевой славы, — усмехнулся Алексей.

— Не смейся, — криво усмехнулся Фавнус. — Какая там слава, одни расстройства в этом сумасшедшем монастыре.

— “Не плюй в колодец, из которого пьёшь”, — напомнил ему старую поговорку Антип, выходя за остальными товарищами из кельи.

— Не понял, что он сейчас сказал? — переспросил игумен у красно-книжника.

— Про колодец что-то ляпнул, — ответил Лаврентий, размышляя о возможных вариантах переброски Алексея в Предисходнюю.

— Ай да тип, этот Антип, — хлопнув в ладоши, прошептал игумен и куда-то убежал из кельи.

— И этот смылся, — апатично зевнул Фердинанд, выливая остатки вина себе в чарку.

Других вариантов Кранкэнштейн, по всей видимости, больше предложить не мог.

— Это тупик, — не придумав ничего интересного, глубокомысленно заметил Лаврентий.

На этом первая половина военного совета закончилась, так и не родив абсолютно никакого плана выхода из кризисной ситуации, и нам ничего не остаётся, как во время антракта прогуляться с Алексеем и компанией по “палубе” своеобразного “ковчега”.

Продолжение в следующем номере.

Марат КУЛАТАЕВ

Учения

В центре города возле больницы собралась толпа зевак, смотревшая на двор больницы и гадавшая, что же там происходит.

— Где-то произошла большая авария...

— Нет, был пожар...

— Нет, река вышла из берегов и затопила всё вокруг...

— Нет, иностранцы занесли какую-то опасную инфекцию...

Дело было в том, что во дворе больницы происходили непонятные для простого обывателя действия, а точнее — был развёрнут палаточный городок, куда с воем сирен подъезжали машины скорой помощи, к ним подбегали санитары с носилками и уносили куда-то больных. Это проводились учения по гражданской обороне.

Вообще история была такова. Получив сверху директиву на проведение учений на случай чрезвычайных ситуаций, заместитель начальника санэпидслужбы собрал заведующих отделами.

— Дано задание провести учения на случай чрезвычайных ситуаций совместно с медицинской службой, — объявил он, сделав многозначительное лицо, — какие будут предложения?

— У нас есть ответственный по ЧС Марик, пусть он и занимается, — выпалила с недовольством заведующая эпидотделом Света, посмотрев на Марика.

— Это меня не касается, — отпарировал он. Марик был заведующий отделом, но занимался всем, только не своей непосредственной работой. Вернее, ничего не делал. По натуре это был крайне безответственный человек, которого ничего не интересовало, на все замечания и реплики он только отхихикивался. В какой только отдел его ни совали, он всё равно бездельничал, и при этом всё ему сходило с рук и выходил он, как говорится, сухим из воды.

— Марик, ты кончай дурака валять, а занимайся подготовкой к учениям, — распорядился заместитель.

— Это не моё, — стоял тот на своём, ухмыляясь, при этом у него постоянно звонил сотовый телефон, и он без спроса выбегал из кабинета, а потом как ни в чём не бывало возвращался, чем вызывал гнев заместителя.

— Марик, тебе здесь что, проходной двор, что ли, хочешь — выходишь, хочешь заходишь? — кричал он на него, когда тот забегал в кабинет.

**Марат
Тулегенович
КУЛАТАЕВ**

родился 4 марта 1960 года в с. Полудино Булаевского района Северо-Казахстанской области. В райцентре Тимирязево той же области окончил среднюю школу и поступил в Карагандинский государственный медицинский институт на санитарно-гигиенический факультет. С 1983 года трудился в санитарно-эпидемиологической службе Северо-Казахстанской области, с 1998 года работает в г. Таразе.

В "Ниве" публикуется с 2008 года.

— А что, вы мне, что ли? — отвечал тот с ухмылкой и опять исчезал. Все сидевшие в кабинете падали от смеха.

— В общем, Марик, иди, пиши сценарий учений, а в воскресенье проведём репетицию, — велел заместитель.

Как только Марик вышел из кабинета, так сразу и забыл, зачем его туда вызывали. Писать сценарий пришлось Мурату из так называемого особо опасного отдела. Задумка была такова: где-то в районе города произошло землетрясение, отобрали пробы воды и продуктов, из очага в больницу скорой медицинской помощи стали привозить раненых и больных, у одного из них оказалось подозрение на птичий грипп. Вот с этим больным и должна заниматься санитарно-эпидемиологическая служба, провести анамнез, взять мазки из зева и кровь, а затем всё продезинфицировать. Всё это должно делаться в специальных защитных костюмах.

Репетицию учений решили проводить во дворе больницы скорой медицинской помощи. Туда от областной санэпидстанции приехала целая команда: заместитель, Марик, врач из коммунального и пищевого отделов и основные действующие лица — эпидемиолог из особо опасного отдела, врач-лаборант из особо опасной лаборатории и дезинфекторы. Когда туда приехали, там уже медики развернули настоящий палаточный госпиталь. Особенностью репетиции было то, что начальников и советчиков оказалось больше, чем участников, как образно выразился один из советчиков: «Когда много чабанов, то овцыдохнут».

— С чего будем начинать? — спросил у ответственного по ЧС медслужбы его начальник.

— Сначала будет построение, — ответил тот.

— Тогда давайте построимся, — приказал начальник медслужбы.

С трудом всех построили.

— Равняйся, смирно! — и ответственный по ЧС отрапортовал своему начальству: — К учениям все готовы!

Затем все разошлись по своим местам.

Во двор влетела машина скорой помощи с включённой сиреной и резко остановилась возле распределительного пункта. К ней подбежали два санитары с носилками и через заднюю дверь выкатили каталку с пострадавшим. Роль пострадавшего исполнял выздоравливающий больной, его с трудом уговорили сыграть её, при этом проинструктировали, что говорить. Санитары должны были быстро переложить больного на носилки. От большого усердия они его чуть не уронили.

— А-а вашу... полегче, мы так не договаривались, — ругнулся пострадавший.

— Молчи, по замыслу ты без сознания, а ты ругаешься, как сапожник, — успокоил его санитар, — а то сейчас точно без сознания будешь.

— Я уже было выписаться собирался, а вы меня калекой сделаете, — огрызнулся пострадавший.

— Если не замолчишь, точно сделаем.

После этих добрых слов пострадавший замолчал. Санитары довольно бесцеремонно перекинули больного из каталки на носилки, и ругаясь — не могли, что ли, полегче кого найти — потащили его на распределительный пункт. Там его перекинули на кушетку как какую-то ненужную вещь.

— Нельзя ли полегче? — опять возмутился больной. К нему подбежал врач и стал его расспрашивать:

— На что жалуетесь?

— А вот на этих, — кивнул он на санитаров.

— Я у вас спрашиваю симптомы болезни, вам что, не сказали, что говорить? — возмущался врач.

— Да эти коновалы меня чуть не уронили, я и подзабыл малость, что говорить, сейчас вспомню.

Не успел больной очухаться, как к нему в специальных костюмах и масках подскочили врач-эпидемиолог, врач-бактериолог с дезинфекторами. При виде них у больного нервы не выдержали, он резво соскочил с кушетки и стал убегать в сторону улицы под крик и улюлюканье собравшейся толпы. Но его быстро поймали санитары и водворили на место под дружный смех собравшихся.

— Я буду жаловаться! — орал больной, пытаюсь вырваться.

— Стойте, так не пойдёт! — остановил всех начальник медслужбы. — Завтра здесь соберутся все главные санитарные врачи областей, будет сам главный санитарный врач республики, и что — будем это кино показывать? Давайте всё сначала и серьёзно.

В это время заместитель искал Марика, тот, как только приехали в больницу, бесследно исчез.

— Айдар, ты не видел Марика?

— Нет, не видел, а зачем он вам нужен?

— Найди его и скажи, чтобы он текст читал, когда эпидемиолог и врач-бактериолог будут проводить свою работу, они же в масках будут.

Айдар отправился искать Марика, нашёл его возле киоска, где тот беззаботно попивал из бутылки холодное пиво.

— Марик, тебя срочно заместитель ищет!

— Зачем я ему нужен?

— Как зачем, ты же главное лицо в учениях, твоё место не возле пивнушки, а там, где все события разворачиваются, или ты забыл, зачем сюда приехал?

— Хе-хе-хе, это не моё, — ухмыльнулся он по привычке.

— Ладно, Марик, кончай пиво пить, пошли к заместителю, сейчас он тебе объяснит, что твоё, а что не твоё.

— Вы идите, я сейчас допью и приду.

— Нет уж, пошли вместе, а то опять куда-нибудь исчезнешь.

Видя, что Айдар настроен решительно, Марик бросил бутылку и с неохотой поплёлся во двор больницы.

— А, появился, я за тебя не собираюсь эту кашу расхлёбывать, бери текст и читай, — накинулся на Марика заместитель.

— У меня дикции нету, — отпарировал тот.

— Слушай, я тебе сейчас покажу дикцию, будешь у меня по-настоящему пострадавшего изображать, — уже не на шутку рассвирепел заместитель.

Марик после этих слов схватил текст и побежал в распределительный пункт.

Учения были назначены на среду, на девять часов утра. Заместитель приказал всем явиться на работу в восемь утра.

В среду Айдар встал пораньше, на работу пришёл ровно в восемь. Вся команда была уже в сборе, кроме Марика. Его ждали до восьми тридцати, затем заместитель отправил за ним “уазик”, на котором вся команда должна была выезжать на учения. Водитель садился в машину, при этом ругаясь:

“У нас все начальники!” — с этими словами он уехал и пропал. Времени уже ждать не было, следовало уже ехать на учения. Делать нечего, заместитель, рутая Марика и пропавшего водителя, посадил всех в свою “Волгу”, и все отправились на место проведения учений. Там уже всё было готово, вот-вот должны были прибыть высокие гости. Когда все во главе с заместителем выбрались из машины, то увидели пропавший “уазик”, он стоял как ни в чём не бывало возле место проведения учений, а в нём беззаботно дремал Марик.

Татур

Татур работал в районной больнице хирургом, вообще-то звали его Александром Владимировичем, Татур была его фамилия, но близкие друзья, да и все остальные называли его только так. Это был среднего возраста мужчина, рыжий настолько, насколько можно было, волос на голове у него редкий, с пролысинами, со стороны казалось, что он облезает. Несмотря на внешний вид, руки у него были золотые, он считался хирургом от Бога. Но как у всех талантливых людей, у него были свои слабости: он любил выпить, при этом не разбирая с кем. В районе, наверное, не было человека, с кем он не пил. Водил он в основном дружбу с заядлыми охотниками и рыбаками. У Татура был старый, облезлый, как и он, “Запорожец”, непонятно какого цвета и какого года выпуска. На автомобиле не было живого места, где Татур на нём ездил, один Бог ведает. В районе все гаишники знали его машину и не трогали. Татур где пил, там и бросал бедную машину. Как он попадал домой сам, и не помнил. Утром просыпался, а машина уже стояла сиротливо возле дома, как бы говоря: “От меня так просто не отделаешься”, подтверждая народную мудрость, что “Запорожец” — это та машина, которую купишь, но никогда не продашь. Это сердобольное население в благодарность притаскивало его машину к дому. Почему в благодарность, потому что Татур за операции ничего не брал, если ему ставили за это бутылку, то он её выпивал вместе с тем, кто её ставил.

Утром, проснувшись, как всегда, он первым делом спросил у жены:

— Ленка, сегодня какой день недели?

— А тебе какая разница, у тебя каждый день красный день календаря, ты за неделю хоть один раз трезвый пришёл домой, тебя же и твою машину как вещь привозят и заносят на веранду.

— А что, машина на веранде стоит?

— Ещё не хватало, вон она на дороге стоит, мешает нормальным людям ездить.

— А вообще-то сегодня какой день?

— Что ты пристал, — воскресенье.

— Так бы сразу и сказала.

Татур встал, оделся. Сильно болела голова. “Что я за гадость пил вчера и с кем, не помню”, — думал он. От грустных мыслей его отвлекли сигналы машины. Он выглянул в окно — там стоял старый трёхмостовый “ЗиЛ-157”, его называли в народе “крокодил”, из кабины ему весело махали руками его друзья рыбаки, а если поточнее, собутыльники.

— Татур! — орали они так, что разбудили добрых полулицы, — выходи, а то на рыбалку не успеем.

— Сейчас оденусь, — ответил он и стал искать свою одежду.

— Ленка, ты не видела мои джинсы?

— Видела.

— Где?

— Они там, где ты вчера изволил пить.

— А что я вчера без них пришёл, что ли?

— Тебя привезли, в чём, я не помню, может, в чём мать родила.

— А! — махнул рукой Татур и натянул белые выходные брюки, сверху на голое тело — пиджак.

— Ты в таком виде всю рыбу распугаешь, — съехидничала жена.

— Да ну тебя! — только и мог сказать Татур, торопясь к своим друзьям.

Он быстро выскочил из дома и запрыгнул в кабину, там уже сидели четыре человека. На крыльцо выскочила его жена и крикнула, показывая пальцем на “Запорожец”:

— Забери с собой свою машину, чтоб людей не пугала.

— А ну тебя, — был ответ.

Лена работала в поликлинике зубным врачом. В молодости она была, наверное, очень красива, до сих пор следы этой красоты сохранились. Говорят, она познакомилась с Татуром ещё в областном центре, он ей делал операцию аппендицита и влюбился в неё. Татур долго за ней ухаживал, пока она не согласилась выйти за него замуж. Потом они переехали в деревню из-за квартиры. Татуру сразу же дали хороший благоустроенный дом, один из лучших в райцентре, со всеми постройками. Этот особняк строил для себя начальник ПМК — то есть строительной организации, его перевели в город на повышение. Естественно, Татур за домом не следил из-за постоянных пьянок, от бывлой красоты особняка за пару лет ничего не осталось. Некогда декоративные ворота со всякими инкрустациями, сделанные по специальному заказу, давно завалились, не выдержав напора “Запорожца”. Татур никогда не утруждал себя тем, чтобы открывать ворота — он с разгону влетал во двор, а тараном служил капот его машины, благо что двигатель находился сзади. От такого обращения ворота вначале скинули с себя “ненужную” инкрустацию, а потом и сами завалились. Скотину и другую живность хозяева тоже не держали, так как Лена была городской жительницей и не хотела прозябать “в навозе”. А самому Татуру было некогда — единственного хирурга на весь район часто вызывали на операции, остальное время он проводил праздно, то обмывал операции или рыбачил и охотился.

Лена поначалу крепилась, а потом тоже стала потихоньку попивать. От бывлой любви остались только две дочери, ради которых она терпела всё это.

... Татур трясся в тесной кабине грузовика, у него и так болела голова, а тут от такой тряски мозги готовы были выскочить из-под черепной коробки.

— Ребятки, нельзя ли потише? — просил он, — и так голова раскалывается.

— Это тебе не твой “Запорожец”, — поучительно ответил Генка, — а голова трещит от того, что не с нами, с твоими лучшими друзьями, пьёшь, а с кем попадая, но это мы сейчас быстро поправим. Сергей, тормозни возле тех кустов, Татура подлечим! — крикнул он водителю.

— Этак мы и до вечера не доедем, — выразил недовольство Сергей.

— Тормози, не рассуждай, — повторил Генка, ему самому не терпелось выпить.

Машина с шумом остановилась, подняв облако пыли. Все вывалились из кабины, сплёвывая пыль и ругаясь. Генка достал из кабины свой рюкзак, там у него находились четверть самогона, солёные

огурцы и сало, и, конечно, гранёный стакан. Примерно такое же содержимое было у каждого.

— Так, будем лечить Татура, а остальным пока пить нельзя, особенно тебе, Сергей.

— Это почему же? — возмутился Сергей.

— Ты за рулём, — был ответ.

— Да тут в степи ни одного гаишника нет!

— Ты везёшь людей, и ещё каких, — отрезал Генка, наливая Татуру полный стакан самогонки.

— Да мне столько нельзя, много же, — испуганно глядя на стакан, выдохнул Татур.

— Ничего, выпьешь — и головную боль как рукой снимет, — успокоил его Генка.

Татур взял трясущимися руками стакан и осилил только половину.

— Ба, ты только добро переводишь, Владимирыч, — сказал, присвиснув, Генка, — этому добру пропадать, что ли? — и одним глотком допил содержимое, при этом даже не поморщился, как будто пил воду.

От выпитого у Татура сразу мозги набекрень, ему показалось, что он находится дома.

— Генка, а где “Запорожец”? — спросил он, ища глазами в бескрайней степи свою машину.

— Какой “Запорожец”, Владимирыч? — удивился Генка, — ты же с нами на этом “крокодиле” приехал, — показал он рукой на грузовик.

— Неужели, — удивился Татур, — к нему стала постепенно возвращаться память.

— Так, тебе больше не наливаю, — заявил Генка Татуру, разливая всем самогон, — пьём и едем дальше.

Потом вся компания забралась в машину и поехала дальше.

В степи дул лёгкий ветерок. Из-за нависших над головой туч солнце выглядывало редко. Наконец к обеду машина благополучно доехала до нужного озера и, пытая, остановилась.

На берегу поросшего камышом озера было хорошо. Воздух папахивал водорослями, тиной и тем запахом, которым всегда насыщен воздух возле водоёмов. Особенно радовала та тишина, из-за которой после шумной мирской суеты люди выезжают на природу.

— Так, что разлеглись? — командовал неугомонный Генка, — давайте сети ставить, а ты, Владимирыч, пока отдыхай.

— Я тоже с вами поеду, — упёрся Татур.

— Мне жалко не тебя, Татур, жалко район, вывалишься из лодки, и все без хирурга останутся, — хотел урезонить его Генка.

— Нет, — настаивал тот, — с вами поеду.

— А ладно, как хочешь, — сдался Генка.

Пока Генка с Татуром пререкались, остальные сняли лодку с грузовика. Лодка не внушала доверия, она было слегка рассохшая и немного побитая, после тряски в кузове.

— На ней вообще-то когда-нибудь плавали? — подозрительно глядя на неё, спросил Татур, у него уже пропало всякое желание садиться в лодку.

— Плавает вообще-то дерьмо, мы на ней не по одному озеру ходили, это она с виду такая неказистая, а в воде ничего, не тонет, если вовремя воду из неё вычерпывать.

Отступать было поздно, и Татур, чертыхаясь в душе, полез в лодку, с ним сели Генка и Сергей, остальные остались на берегу. Если побережье было сплошь затянато камышом, то середина озера была совершенно чистой, видны были дно и снующие в воде рыбёшки.

— Владимирыч, ты сильно не дыши, а то рыба не любит перегара, — пошутил Генка, гребя одним веслом. После каждого его взмаха лодка так накренилась набок, что от страха у Татура взмокла спина, ко всему он, не отрываясь, вычерпывал с днища консервной банкой воду. В душе он уже сто раз покался, что влез в эту дырявую посудину, лучше я буду по грешной земле ездить на своём “Запорожце”, — молил он бога.

— Генка, ты полегче гребь, это тебе не самогон разливать, перевернёшь лодку, — не вытерпел он.

— Не бойсь, не перекинемся, — невозмутимо отвечал Генка, — и не такое видели.

После этих слов он так двинул веслом, что лодка перевернулась, и все очутились в воде, сеть сразу пошла ко дну.

— Караул! — закричал Татур, держась за перевёрнутую лодку, — тонем!

— Спокойно, Владимирыч, не кричи, а то всю рыбу распугаешь, это тебе не “Титаник”, взбирайся на лодку, как-нибудь дотянем до камышей, а там можно и ногами.

Генка с Сергеем посадили на перевёрнутую лодку испуганного Татура и, потихоньку держась за неё, поплыли к берегу. Тем временем оставшиеся двое на берегу развели костёр и ждали рыбу, при этом прикладываясь к самогону. Как выбирались из озера мокрые дружки вместе с Татуром, они и не заметили, увидели их, когда те уже подошли к костру.

— Ба! — обрадовались они, — а где рыба?

— Вот! — и Генка показал на мокрого и трясущегося Татура — в штанах и пиджаке неизвестного цвета.

Сваты

В доме вот уже несколько дней был переполох — ждали сватов. Сваты не бог весть какого благородного рода — из простой деревни, но сваты есть сваты, их нужно встретить так, чтобы не ударить лицом в грязь. Ради этого двор весь вычистили, ворота взяли напрокат у соседей — свои давно уже сгнили. Вид портил старый прогнивший забор, но давать забор на время, даже его фасадную часть, сосед — хоть и был дальний родственник жены, напрочь отказался: “Может, вам ещё и дом напрокат дать?”. Пришлось довольствоваться старым забором.

“Авось и не заметят, что они, придут забор сватать, что ли”, — думал глава семьи Алеке, глядя на покосившийся забор.

Алеке уже под пятьдесят, хозяин он был не ахти какой. Больше любил лежать напротив телевизора, а ещё перебивать косточки родственникам жены. Забывая при этом, что всё, что имел: дом, живность, работу — всё это благодаря родичам супруги, и если смотреть глубже, то он и жил умом своей жены Шолпан. Вот и на этот раз он, как всегда, лежал на диване, смотрел Олимпийские игры и философствовал.

— Ты бы, чем лежать, лучше бы сарай в порядок привёл, он у тебя того и гляди завалится, что только сваты подумают.

— Сваты ведь не сарай придут сватать, к тому же я его новым шифром отгородил, теперь его со стороны двора не видно.

— Алик, ты подумай своей пустой головой, вдруг сваты в туалет пойдут, а на них твой сарай упадёт, вот смеху будет.

— Ты заранее не каркай, они же пьяные будут и ничего не заметят.

— Сваты столько не выпьют, чтоб твой сарай не заметить.

Алеке продолжал лежать у телевизора как ни в чём не бывало. Но Шолпан не унималась.

— Ты хоть дочь свою пожалей, бездельник этакий, за что мне бог послал такого мужа, чем я перед ним согрешила?

— А-а, весь кайф испортила, — сплюнув, осерчал Алеке, выключил телевизор и вышел во двор.

Перед ним предстала нерадостная картина. Дом, наверное с момента заселения, не ремонтировался, стены облупились, дворовые постройки, если их можно было так назвать, тоже не радовали глаз. Летняя кухня словно собралась делать кульбит — накренилась и присела как перед прыжком. Из-за нового шифера торчала кривая крыша сарая. В надворном туалете вместо двери был прибит старый, весь порванный брезент, к тому же стояло это сооружение на двух прогнивших досках посреди большой ямы, вырытой трактором соседа. Все, кто заходил туда, испытывали такое же чувство, когда переходишь по качающейся доске через пропасть.

— Да, — почесал затылок Алеке, — вот хорошо тем, кто живёт в городе, позвал себе сватов в ресторан — и никаких проблем. А тут двор приведи в порядок, зарежь барана, купи неизвестно сколько водки и всякой там закуски, потом сиди возле гостей и скалься им, подумаешь, аж голова кругом идёт. И делай так, чтобы перед людьми стыдно не было, как будто они дочь выдают замуж.

— Ей, Алеке, что пригорюнился, радоваться нужно, что дочь замуж выдаёшь! — весело из-за забора крикнул ему сосед Секе.

Секе приходился дальним родственником по линии жены. В отличие от Алеке он был хорошим хозяином, трудягой. Его дом и двор были ухожены, везде полный порядок.

— Да вот думаю, как сватов встречать, — печально ответил Алеке.

— А что здесь думать, я же тебе дал новые ворота, — рассмеялся Секе.

— А в туалет сваты к тебе пойдут, что ли?

— Можешь у меня напрокат взять.

— А ты куда с семьёй ходить будешь?

— Я ж тебе на один день только дам.

— Шолпан ругаться будет, — отказался Алеке.

В это время во двор вышла Шолпан.

— А, всё язык чешешь? — возмутилась она, — лучше бы делом занялся.

— Сестрёнка, не ругай Алеке, он же хороший человек, — вступился сосед.

— От этого сыт не будешь, послал мне бог на голову это недоразумение природы, — продолжала ругаться Шолпан, — лучше бы ты, Секе, родственному съездил с моим олухом за бараном, а то он вместо барана может и козла купить, для него разницы нет.

— Разве я могу тебе отказать, сестрёнка, в соседнем селе у меня знакомый есть, как раз он откармливает овец для всяких торжеств. Я пока машину из гаража выгоню, а ты, Алеке, оденься и деньги не забудь взять.

У Секе были “Жигули” девятой модели. Иномарки он считал роскошью для деревни. Машина была не новая, но в хорошем состоянии. Вот на

ней и поехали соседи за бараном — в село за двадцать километров. По дороге Алеке начал сокрушаться:

— Вот смотрю телевизор: как за границей всё просто. Если молодые женятся, то не нужно никаких баранов и застолий, расписались — и всё, только столик один стоит, на нём пара бутылок, хочешь — пей, не хочешь — не пей. А у нас нагрянёт целая орава — и стар и млад, корми их и ублажай, и всё равно в деревне будут говорить — что-то не так сделал.

— Конечно, я с тобой согласен, но от обычаев никуда не денешься. Ты же, Алеке, недавно сам ездил на сватовство, и всем до седьмого колена косточки перемыл: и баран старый, и водка плохая, и туалет не там стоит, — поддел его Секе, объезжая очередную кочку.

— Да, — самокритично вздохнул Алеке, — точно в народе говорят: “У себя под глазом оглоблю не заметишь, у чужого соломинку увидишь”.

Незаметно за разговором приехали в деревню, нужный дом находил-ся на другом краю. Алеке приглядывался к домам, чтобы найти какой-нибудь изъян, но, как назло, все они были ухоженными. Наконец машина упёрлась в ворота.

— Приехали, — сказал Секе, — ты, сосед, много не говори, а то тебя могут не понять, лучше помалкивай, а то не продадут барана, что я потом сестрёнке скажу.

Секе постучал в ворота, раздался дружный лай собак. На стук вышел хозяин дома — пожилой, с угрюмым выражением лица, заросшего чёрной бородой, только торчали одни глаза. “На Стеньку Разина похож, — подумал про себя Алеке, — с такой рожей ему не баранов разводить, а на большой дороге с кистенём стоять”. Хозяин дома поздоровался только с Секе, а на Алеке не обратил никакого внимания.

— Что нужно? — спросил он у Секе.

— Да вот, — показал он кивком головы в сторону соседа, — нам баран откормленный нужен.

— Пошли.

В хозяйственном дворе стояли для продажи откормленные бараны. Секе сразу отобрал понравившегося барашка.

— Алеке, хватит одного или ещё возьмём?

— Хватит, конечно, я думаю, вся деревня сватать не приедет.

— Как знаешь.

Хозяин сразу назвал цену, глядя на его разбойничье лицо, у Алеке пропало всякое желание торговаться, а было лишь одно — побыстрее убраться со двора.

Секе схватил за заднюю ногу барана и потащил к машине, там он его перевернул и положил в багажник, думая про себя, зачем только брал соседа с собой.

— Может, ему ноги свяжем, а то убежит, — предложил свои услуги Алеке.

— Не нужно, а то от такой жары может сдохнуть, — ответил Секе, и они поехали домой.

— Слушай, Секе, этот твой знакомый так на разбойника смахивает.

— Да он с виду такой, мухи не обидит.

— Да? — и Алеке с недоверием посмотрел на соседа.

Через некоторое время Алеке стал ёрзать на сиденьи. Сосед его привычки уже знал и спросил:

— Говори уж, что ты от меня хочешь?

— Да вот, сам знаешь, у меня барана-то и ставить некуда, может, в твой сарай поставим, а то мой вдруг завалится, барана жалко.

— Ладно уж, чай, не чужие, а родственники.

После этих слов Алеке стал весело насвистывать.

Приехав домой, благополучно сгрузив барана у соседа, Алеке опять приземлился напротив телевизора, охая так, будто барана всю дорогу на своих руках нёс. На вопрос жены, где баран, ответил, что у соседа. Шолпан съязвила: “Баран возле телевизора лежит”.

На следующий день к вечеру ждали сватов. Вечер — понятие растяжимое, это можно понимать по всякому, как кому заблагорассудится. К приёму сватов всё было готово, мясо для бешбармака сварено, самовары во дворе весело дымили. Время шло, а сватов всё не было. Когда уже у всех лопнуло терпение, встречающие стали отпускать нелестные реплики в адрес сватов, вдруг к дому на полной скорости повернул грузовой “УАЗ” с полным кузовом людей и лихо остановился, чуть не снеся соседские ворота.

— Ойбой, кто приехал, — удивлённо воскликнули во дворе, — неужели сваты, разве у них в деревне поприличней машины не оказалось, что ли?

Пока изумлённая публика разглагольствовала, шумная толпа сватов выгрузилась из машины.

— Ба, да тут никак если не вся деревня, так половина точно приехала, — открыв рот, вместо приветствия произнёс ошарашенный Алеке, — эту ораву легче убить, чем прокормить.

— Сваты, проходите, пожалуйста, в дом, — почтительно произнесла Шолпан, сглаживая реплику мужа.

Сваты были разного возраста, от стариков до детей, даже женщина с грудным ребёнком, всего человек, наверное, двадцать. Всех провели в зал и усадили. Во главе этой оравы была бабушка уже преклонных лет, от тряски она никак не могла прийти в себя и, по всей видимости, забыла цель приезда. Ей в ухо что-то шептала молодая женщина. Наконец вспомнив, зачем она сюда приехала, сватья сказала.

— Вот, дорогие мои, приехали сватать вашу дочь за моего любимого внука.

— Дорогая сватья, лучше с дороги отдохните, закусите, потом о деле поговорим, — приветливо предложила Шолпан.

Тут занесли пытящие самовары, следом бешбармак, и все дружно принялись за еду. Водку пока решили на стол не ставить, только после того, как будут утрясены все дела, связанные со сватовством. Алеке с ужасом наблюдал, как в один момент исчез привезённый баран.

“Вот чёрт, — думал он, — нужно было вначале все сватовские дела решать, а потом жрать, а то сейчас приспичит им домой ехать, и всё зря, что я теперь буду каждый день за бараном ездить, что ли?”.

— Сватья, — пытался он настроить старушку на деловой разговор, — может, о главном поговорим?

— Сынок, я никуда не тороплюсь, завтра поговорим, — ответила сватья, обгладывая баранью косточку.

— Вот это да, сколько они у меня ещё пробудут? — вырвалось у Алеке, не замечавшего косых взглядов жены.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 01.06.2010 г.

Подписано к печати 09.07.2010 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 3742.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.